БИБЛІОТЕКА МОРС. МИНИСТЕРСТВА.

ШКАПЪ... X
ПОЛКА.. 8
РЯДЪ...
№.. 22

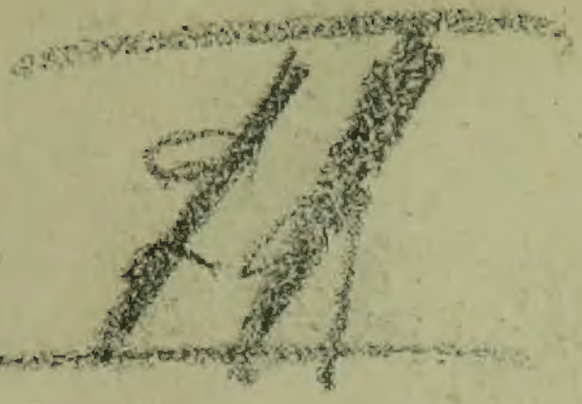
50

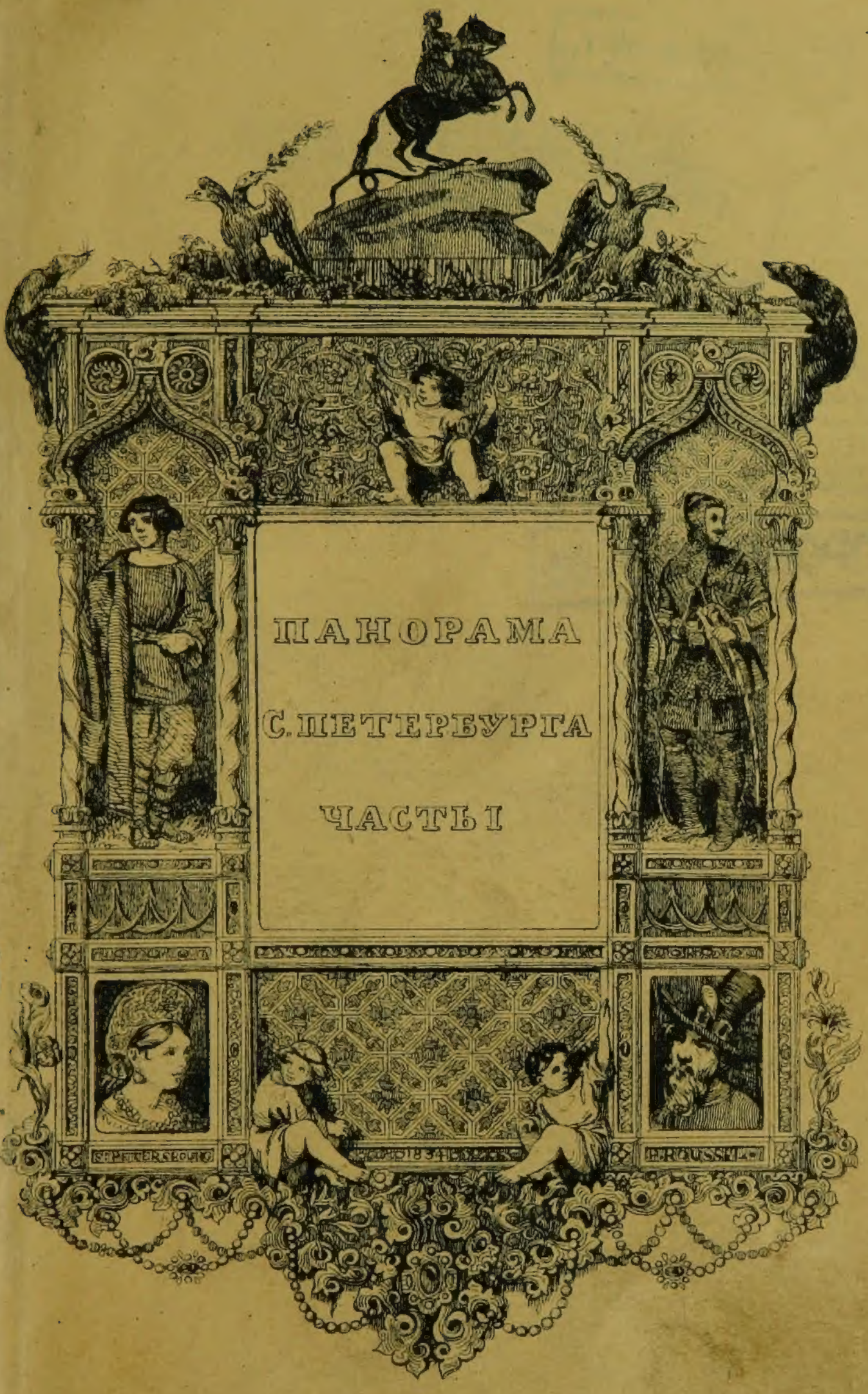
Индекс	М.2.		Шифр хранения
Авторский знак	9-П.16-1		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					V

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000




ПАНОРАМА
С. ПЕТЕРБУРГА
ЧАСТЬ I

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

ПРОВЕРЕНО - 06

№ 25016

ПАНОРАМА

САНКТПЕТЕРБУРГА.

Кн. 1

41304

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРА СЪ СЫНОМЪ.

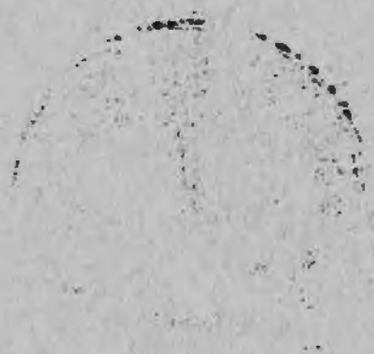
1834.

11.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

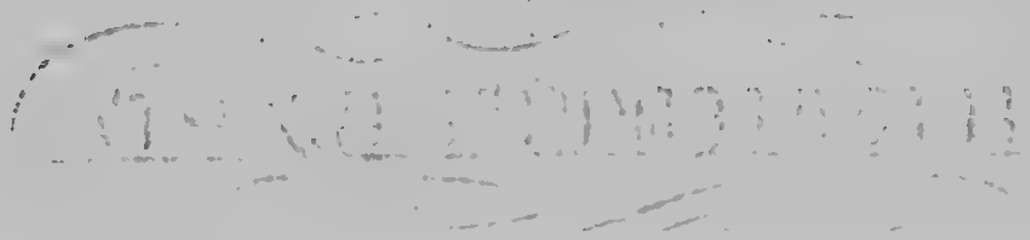
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ 24 Декабря 1833.

Цензоръ Шармуа.



ИЛЛЮСТРАЦІЯ
САНКТПЕТЕРБУРГА.

1834.



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

вѣрноподданный

Александръ Башуцкій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«On le peut, je l'essaie, un plus savant le fasse.»

(La Fontaine).

Мы не имѣемъ исторіи Петербурга, — Петербурга, столицы славной Имперіи, изъ безплодныхъ болотъ Ингерманландскихъ возникшей по манію Великаго Петра, и смѣлою рукою безсмертнаго Основателя своего поставленной высоко на поприщѣ политическаго могущества!

Треть втораго вѣка едва успѣла совершить кругъ свой надъ сѣверной столицею нашей, — этотъ мигъ, — едва замѣтный въ бытописаніяхъ другихъ городовъ, былъ свидѣтелемъ ея основанія, приращенія и чудеснаго украшенія; въ этотъ мигъ, она сдѣлала исполинскій шагъ отъ рожде-

нія къ мужественной зрѣлости. Подобно баснословнымъ Русскимъ богатырямъ, Петербургъ росъ *не по годамъ, а по часамъ*; геній Основателя поспился надъ его колыбелью, а духъ твердости, разума, предпріимчивости, непзмѣнной, постоянной неколебимой силы — духъ народа Русскаго, лелѣялъ, роспилъ, вскормлялъ богатыря своего.

Явленіе чудесное въ мірѣ вещественномъ и нравственномъ, — явленіе, ознаменованное яркою печатію могущественной, безпредѣльной, творческой воли Царя и силы преданнаго ему народа; Петербургъ, въ которомъ совершилось перерожденіе Россіи; Петербургъ, явившійся внезапно на отдаленномъ Сѣверѣ, какъ огромный свѣтильникъ, къ которому невольно обратился взоръ міра; Петербургъ цвѣтущій, свѣжій, не оскверненный рукою чуждаго завоевателя, первенствующій среди столицъ Европейскихъ своею чудесною исто-

ріею, своею красотою, благодѣтельнымъ вліяніемъ на обширнѣйшую Имперію, во дни наши носившую въ рукѣ своей судьбу Европы! Петербургъ, безпрерывно напоминающій Петра I, котораго: «на что въ «Россіи ни взгляни: все началомъ имѣетъ, «и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего «источника черпать будутъ,» (*) не имѣетъ исторіи, или лучше, мы не имѣемъ исторіи Петербурга.

Ужели предметъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія просвѣщеннаго, мыслящаго наблюдателя? Ужели онъ не довольно важенъ, не довольно богатъ? или мы должны равнодушно утрачивать одно за другимъ всѣ великія воспоминанія, поучительныя для человѣчества, безцѣнныя для сердца Русскаго? или мы будемъ ожидать.... Чего? — это наше достояніе! Разроемъ землю, на которой основанъ прекрасный городъ; въ этой не давно пус-

(*) Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

тынной землѣ, оживленной геніемъ Петра I, мы не найдемъ мѣста, гдѣ бъ могущая мысль его не оставила прочнаго слѣда; не найдемъ мѣста, на коемъ бы не было положено имъ начала чему либо великому, полезному! Собрать эти плодотворныя сѣмена, брошенныя рукою мудраго сѣятеля, сохранить эти священные остатки, передать вѣкамъ дѣянія здѣсь совершенныя, употребить кисть, перо и рѣзецъ, чтобъ показать ихъ современникамъ, въ достойномъ видѣ, чтобъ свято, вѣрно, чисто завѣщать ихъ внукамъ нашимъ, — это дѣло, это долгъ Русскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро будетъ совершенъ.

Обратимся къ предмету не столько важному, но тѣсно связанному съ предшествовавшимъ.

Мы не имѣемъ Исторіи Петербурга, мы не имѣемъ и Статистики его, не имѣемъ даже описанія, руководителя, про-

спаго указателя, который бы, въ тѣсной рамѣ ручной книги, представлялъ хотя очеркъ этой огромной картины.

Недостатокъ странный. Умалчивая о пользѣ подобныхъ сочиненій, какъ бы они впрочемъ ни казались неважными, скажемъ только, что необходимость ихъ очевидна: она неопровержимо доказана существованіемъ оныхъ не въ однихъ знатнѣйшихъ, но почти во всѣхъ городахъ Европы.

Петербургъ, со дня на день обращающій на себя бо̀льшее вниманіе просвѣщеннаго міра, городъ, сосредоточивающій въ себѣ жизненную дѣятельность Россіи, ведущій обширную торговлю, посѣщаемый жителями всѣхъ странъ, заключающій въ себѣ много истинно изящнаго и великаго, требующій, по нраву и быту Русскихъ, и по незнанію Европою нашего языка, и по тысячѣ другихъ причинъ—не поверхностнаго обозрѣнія, а изученія основательнаго и довольно глубокаго, мало знакомый сво-

имъ — чужимъ конечно извѣстенъ еще менѣе. Могло ли быть иначе, когда духъ корыстолюбія или неблагонамѣренности безусловно водилъ доселѣ перомъ описателей? Можетъ-ли быть иначе и впредь, если молча мы будемъ только читать по прежнему извѣстія о столицѣ нашей, въ коихъ недостатокъ фактовъ смѣло замѣняется преизбыткомъ вымысла, въ коихъ всѣ почти показанія и мнѣнія дѣлятся на четыре главные разряда: на неосновательныя, ошибочныя, превратныя и ложныя!

Между тѣмъ иностранцы и Русскіе, убѣжденные въ необходимости и вмѣстѣ въ недостаткѣ книги, о которой мы говоримъ, ожидали появленія оной.

Мы вознамѣрились сдѣлать опытъ. — Если бъ можно было всегда дѣйствовать сообразно желанію своему, мы посвятили бы подобному занятію десять, пятнадцать лѣтъ жизни; мы потщились бы изобразить предметъ въ полнѣйшемъ его объ-

емѣ, и, можетъ быть, постояннымъ терпѣніемъ превозмогли бы тысячи запрудненій и преградъ, — которыя и при опытѣ, нынѣ представляемомъ, нерѣдко останавливая насъ, лишали возможности дѣйствовать всегда сообразно предначертанному плану, и даже грозили необходимостію оставить трудъ неоконченнымъ.

Составляя Панораму С. Петербурга, мы имѣли въ виду: начертать въ уменьшенномъ видѣ обширную и разнообразную картину столицы, сохраняя сколь можно точность въ размѣрахъ и мѣстный цвѣтъ красокъ; обозрѣвая постепенно все представляющееся взору, показать красоты и недостатки, дать читателю возможность усмотрѣть ходъ усовершенствованій, успѣхи наукъ, искусствъ, ремеслъ, проникнуть въ развитіе образованности; уловить главныя черты нравовъ, привычекъ, народнаго быта, общежитія различныхъ сословій, наконецъ доставить всѣ возмож-

ныя облегченія, всѣ свѣдѣнія къ скорѣйшему и точнѣйшему познанію Петербурга.

Читатель видитъ изъ сего, что мы не хотѣли писать ни отдѣльной Исторіи, ни отдѣльной Статистики столицы; мы не желали однако же ограничиться изданіемъ простаго указателя.

Въ двухъ первыхъ книгахъ сего сочиненія, представляя *повѣствованіе о началѣ и распространеніи Петербурга, по день кончины Петра I*, и *статистическую о столицѣ записку*, заключающую въ довольно полномъ объемѣ вѣрныя, основанныя на фактахъ свѣдѣнія, въ послѣдующихъ за тѣмъ книгахъ, при постепенномъ описаніи различныхъ предметовъ, мы помѣщали только тѣ историческія и статистическія извѣстія, которыя были найдены или необходимыми, или по чему-либо достойными особеннаго вниманія.

Знакомя такимъ образомъ читателя съ Петербургомъ, мы представляемъ ему не

только картину настоящаго положенія сего города, но изображаемъ начало и важнѣйшія перемѣны по сіе время.

Подобная книга, безъ плановъ и видовъ во многомъ не удовлетворила бы любопытства; во многомъ осталась бы неполною, неясною, безцвѣтною. Такъ мы думаемъ, и потому съ изданіемъ текста соединили художественную часть, выполненіе коей требовало не только наивозможной отчетливости, но изящества, даже роскоши. Почему? спросятъ насъ. Потому, что въ художественныхъ произведеніяхъ, представляемыхъ публикѣ, не должно быть дурнаго; потому, что взыскательный вкусъ избалованнаго въ семъ отношеніи вѣка, не можетъ терпѣть того, что ниже посредственности.

Да позволено намъ будетъ нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ. Говоря о планахъ и видахъ Петербурга, какъ не сознаться, что мы претерпѣ-

ваемъ и въ этомъ ощутительный недостатокъ.

Роскошный, огромный планъ Столицы, на 24 листахъ гравированный при Императорскомъ Военно-Топографическомъ Депо, превосходенъ, какъ все, тамъ производимое; но онъ составленъ не для всегдашняго употребленія жителя, проѣзжаго или любопытствующаго; — затѣмъ, мы обязаны Г. Савинкову за ежегодно издаваемый имъ планъ, которымъ пользуются всѣ, — лучшаго нѣтъ, а во второй трети XIX вѣка, кажется, должно бы было въ Петербургѣ имѣть нѣчто лучшее. Виды Петербурга, славящагося своими зданіями, заключаются въ собраніи литографій, которыя были издаваемы въ различное время. Увы! о достоинствѣ ихъ всякій изъ насъ могъ судить! Правда, иногда появлялись, какъ блестящіе метеоры, одинъ, два отдѣльные вида; въ послѣднее время начали издаваться нѣкоторые уже гораздо лучшіе

правильностію рисунка и отдѣлкою; но и тутъ, какъ сжимался художникъ, съ какою робостію онъ приступалъ къ дѣлу! Странно – мы какъ будто бы боимся произвесть что либо прекрасное: въ работахъ сего рода у насъ всегда замѣтны страхъ и желаніе скорѣе выручить издержки. Отъ чего это?? – Между тѣмъ подобныя изображенія столицы, покупаемыя здѣсь наиболѣе иностранцами, увозятся въ чужіе краи, какъ воспоминанія о Петербургѣ, и вмѣстѣ какъ образцы нашихъ Искусствъ! Прискорбна эта бѣдность, въ сравненіи съ смѣлыми, обширными и превосходными по исполненію современными предпріятіями, которыя постоянно улучшаясь, почти ежедневно появляются въ Европѣ. Усовершенствованное въ Германіи и доведенное въ Англіи до высшей степени гравированіе на сталѣ, передающей бумагѣ несмѣтное количество оттисковъ, доставляетъ возможность окупать чрез-

вычайныя издержки, огромнымъ сбытомъ, которому способствуютъ изящество работы, и вкусъ къ хорошимъ произведеніямъ Художествъ, повсемѣстно укоренившійся въ образованномъ свѣтѣ; увѣренность же въ успѣшной распродажѣ не только поощряетъ предпріимчивость, и возрождаетъ довѣренность и желаніе дальнѣйшихъ усовершенствованій, но дѣлаетъ Искусства доступными людямъ самаго ограниченнаго состоянія; она-то распространяетъ повсюду произведенія сего рода, позволяя назначать имъ цѣну по возможности низкую; доставляетъ пріятное, и очищая вкусъ, возбуждаетъ любопытство къ полезнымъ знаніямъ.

Кто можетъ сказать, что мы не любимъ своего, Русскаго? Это чувство противно природѣ человѣка. Кто можетъ сказать, что мы не любимъ художественныхъ произведеній, заслуживающихъ вниманіе? Развѣ огромныя количества *сихъ издѣлій*, при-

возимыхъ изъ чужихъ краевъ, не раскупаются здѣсь чрезвычайно охотно, и не продаются весьма выгодно?

Отъ чего же мы не имѣемъ собственныхъ? Отъ того ли, что у насъ нѣтъ художниковъ? Отъ того ли, что обратно у насъ нѣтъ.....Оставляемъ другимъ рѣшать эти вопросы.

Мы невольно отдалились отъ предмета.

Текстъ представляемой нынѣ книги состоитъ изъ трехъ частей; мы не жалѣли ничего на изданіе; мелкій шрифтъ избранъ нами по слѣдующимъ причинамъ: крупный былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе, но увеличилъ бы объемъ книги. При данномъ ей нынѣ форматѣ и расположеніи содержанія, обозрѣвающій столицу, положивъ въ карманъ ту часть Панорамы, которая нужна для справокъ, можетъ заглядывать въ нее, осматривая предметы.

Намъ предлежали различные способы рас-

предѣленія огромныхъ матеріаловъ, которые надлежало сжать въ раму сколь можно тѣсную. При желаніи сохранить ясность, отчетливость, несбивчивость; при желаніи представить полную, живую картину С. Петербурга, мы рѣшились избрать аналогическій порядокъ. Расположеніемъ свѣдѣній по сродству или сходству оныхъ, мы избѣжали скучной и сухой алфавитной номенклатуры и (если не ошибаемся) дали изложенію форму удобнѣйшую; ибо, не препятствуя единству цѣлаго, собрали отдѣльно систематически всѣ необходимыя, частныя свѣдѣнія.

Мы хотѣли въ продолженіе цѣлаго сочиненія именовать источники, но принуждены были оставить сіе: это увеличило бы (и можетъ быть безъ пользы) объемъ сочиненія. Впрочемъ въ заключеніе сочиненія мы собирательно укажемъ главнѣйшія.

Всѣ почти, писанное о Петербургѣ, было разсмотрѣно и рачительно свѣрено, но

мы наиболѣе справлялись съ архивами, основывались на актахъ: это источники прямые и достовѣрнѣйшіе.

Панорама С. Петербурга переведена на Французскій и Нѣмецкій языки.

Художественная часть состоитъ изъ девяноста восьми видовъ и шести плановъ: они раздѣлены на четырнадцать тетрадей. Въ двѣнадцати находятся виды (*), въ двухъ планы (**). — Какъ текстъ, такъ планы и виды изображаютъ Петербургъ настоящій, и Петербургъ, какимъ онъ былъ прежде.

Предпринявъ составленіе книги, совершенно у насъ новой, издавая ее въ совершенно новомъ у насъ видѣ и объемѣ, мы не щадили ничего, чтобъ доставить соотечественникамъ нашимъ и иностранцамъ пріятное и вмѣстѣ полезное. Достигнемъ

(*) Въ десяти тетрадяхъ по восьми видовъ, а въ двухъ по девяти.

(**) Въ каждой по три плана.

хотя вмалѣ цѣли своего желанія, рѣшитъ время и судъ публики.

Если Русскому откроются въ семъ опытѣ новыя свѣдѣнія о столицѣ его отечества, подробное изученіе котораго должно быть постоянною, священною обязанностію каждаго гражданина; — если иностранцу представится вѣрная картина Петербурга, и любопытство его, удовлетворенное отчетливымъ описаніемъ, найдетъ въ немъ руководителя опытнаго, систематическаго; — если просвѣщенный жителъ Европы, остановивъ взоръ на издаваемой нынѣ книгѣ, утратитъ хотя одно изъ прежнихъ предубѣжденій, — измѣнитъ хотя одно изъ прежнихъ понятій своихъ; — если Философъ вздумаетъ пробѣжать страницы этой неважной книги, и закроетъ ее не отъ скуки; — если планы и виды заслужатъ *одобреніе любителя*-знатока; — если опытность и критика просвѣщенная, благонамѣренная, почтятъ насъ совѣтами,

(которые будутъ приняты съ чувствомъ искренней признательности); — если, наконецъ, книга наша можетъ быть ими исправлена и пополнена, если когда либо удостоится чести втораго тисненія, — мы будемъ вполнѣ награждены за трудъ сей!

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ

САНКТПЕТЕРБУРГА

ПО ДЕНЬ КОНЧИНЫ

ПЕТРА I^го^.

Земля́ же бѣ̀ неви́дима,
и̂ неꙋстро́ена: и тма̀
верхꙋ̀ бе́здны.
(Бытїѧ Гл: а҃. Ст: в҃)

ПАНОРАМА САНКТПЕТЕРБУРГА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОДРОБНАЯ ИСТОРІЯ

НАЧАЛА И ПОСТЕПЕННАГО РАСПРОСТРАНЕНІЯ

Санктпетербурга,

ПО ДЕНЬ КОНЧИНЫ ПЕТРА I^го;

съ показаніемъ всѣхъ достопамятныхъ торжествъ и другихъ событій, происходившихъ въ семъ городѣ съ 1703-го по 1725-й годъ.

Мѣсто, занятое Сп.-Петербургомъ, издавна принадлежало Россіи, и обтекающая оное Нева была

(извѣстна Русскимъ еще во времена Нестора. Двѣ древнія провинціи, по сторонамъ сей рѣки: по лѣвую Ижорская страна, Ингрія или Ингерманландія, а по правую Корелія, составляли, подъ названіемъ *Вотской Пятины*, собственность Великаго Новагорода, до самаго того времени, когда Іоаннъ III сокрушилъ могущество сей, нѣкогда процвѣтавшей, Республики, а вмѣстѣ съ нею подчинилъ своему скипетру и подвластныя ей страны.

Берега Невы, служившей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій путемъ, по которому производилась заграничная торговля Новагорода, еще до Петра Великаго, возвратившаго ихъ Россіи, не разъ видѣли Русскихъ и слышали ихъ побѣдные клики. Уже въ первой половинѣ XII вѣка Новогородцы посылали за море суда, нагруженныя товарами, а въ 1142-мъ году опразднли флотъ Шведскій, вошедшій въ Неву для раззоренія Ингріи и Кореліи. Почти чрезъ сто лѣтъ послѣ того, именно въ 1241-мъ году, Шведскій Король Эрикъ, злобствуя на Новогородцевъ, за частыя ихъ вторженія въ Финляндію, послалъ многочисленное войско, на судахъ, для покоренія Новагорода. Флотъ его, войдя изъ Балтійскаго моря въ Неву, дошелъ уже до устья впадающей въ нее Ижоры, какъ Новгородскій Князь Александръ Ярославичъ, причтенный по кончинѣ своей Церковію къ лику Святыхъ, подоспѣлъ съ войскомъ, разбилъ Шведовъ наголо-

ву, и, потопивъ бо́льшую часть ихъ судовъ, остальныя принудилъ удалиться. Едва исполнилось пятьдесятъ лѣтъ послѣ сей знаменитой побѣды, доставившей герою ея прозвѣваніе Невскаго, какъ въ 1291-мъ году, Новогородскій Посадникъ Симсонъ, вооружась противъ Нѣмецкихъ Рыцарей, безпрестанно тревожившихъ области Водской Пятины, сразился съ ними при устьяхъ Невы, и истребилъ почти всѣ ихъ суда.

Шведы, непримиримые враги Новогородцевъ, старались стѣснить ихъ торговлю, и для того не допускали привоза къ нимъ моремъ оружія и иныхъ желѣзныхъ вещей, и наконецъ, для лучшаго въ томъ успѣха, покусились водвориться при Невскихъ устьяхъ. Въ семъ намѣреніи построили они, въ 1300-мъ году, на берегу рѣки Охты, у впаденія оной въ Неву, небольшую крѣпость, Ландскрону. Но покушеніе сіе увѣнчалось успѣхомъ ненадолго. Новогородцы, узнавъ о томъ, весною слѣдующаго года выпѣснили Шведовъ, срыли крѣпость до основанія, а въ 1323-мъ году, для возбраненія воинственнымъ своимъ сосѣдамъ свободнаго входа съ моря въ Ладожское озеро, при истокѣ изъ онаго Невы, на небольшомъ островѣ Орѣховомъ, построили крѣпость Орѣховецъ, или Орѣшекъ, столь часто упоминаемую въ Русскихъ Лѣтописяхъ.

Въ 1348-мъ году, Шведскій Король Магнусъ, съ

безразсудною мыслью обратить Новогородцевъ въ Латинскую Вѣру, вторгся въ Ингрію, взялъ Орѣшекъ, и, упоенный успѣхомъ, намѣревался итти далѣе; но, бывъ разбитъ Новогородцами, и узнавъ, что Русскіе спѣшатъ отвсюду окружить его флотъ, стоявшій въ Невѣ, обратился въ бѣгство.

Въ 1487-мъ году, Іоаннъ III, нанеся рѣшительный ударъ Новугороду, сдѣлался обладателемъ и его приморскихъ владѣній, кои послѣ того около ста лѣтъ были неотъемлемою собственностію Россіи.

Въ 1581-мъ и 1582-мъ годахъ, Царь Іоаннъ Грозный едва не лишился всей Ингріи и Корелiи. Шведы, завоевавъ Русскія крѣпости: Нарву, Иваньгородъ, Ямъ, Копорье и Корелу или Кексгольмъ, владѣли онымi по 1590 годъ. Тогда мѣста сіи возвратились опять подъ власть Россіянъ, а въ 1595-мъ году, всѣ, кромѣ Нарвы, утверждены за ними по Тявзинскому договору.

Въ смутныя времена междуцарствія, Шведы сначала предложили Россіи помощь, но въ послѣдствіи воспользовались безначаліемъ, ее раздиравшимъ: захватили Ингерманландію и Корелію, которыя и были имъ уступлены въ 1617 году, по Столбовскому миру.

До **1703.** — Швеція, видя себя наконецъ обладательницею береговъ всего Финскаго залива и Невы, не замедлила воспользоваться выгоднымъ по-

ложеніемъ сей рѣки, и въ 1611 году, по проекту знаменитаго Полководца Делагарди, при устьѣ Охты, на лѣвомъ ея берегу, близъ мѣста, а можетъ быть и на самомъ мѣстѣ бывшей Ландскроны, основала городъ Ніенъ (*Nyen*) и подлѣ онаго небольшую крѣпость Ніеншанцъ, называвшуюся у Русскихъ просто: Канцы. Выгодныя привилегіи, данныя оному знаменитымъ героемъ Швеціи, Королемъ Густавомъ-Адольфомъ, и его преемницею, Христиною, побудили многихъ торговыхъ людей поселиться въ городѣ, который приходилъ болѣе и болѣе въ цвѣтущее состояніе; въ 1694-мъ году, производилъ уже столь значительную торговлю, что въ теченіе онаго пришло къ нему 108, а отошло 80 купеческихъ судовъ. Но торговля Ніена, столь примѣтнымъ образомъ возрастявшая, не была продолжительна: въ 1700 и 1701-мъ годахъ, жители онаго, — почти исключительно люди торговые, и частію столь богатые, что одинъ изъ нихъ, Фризіусъ, ссудилъ Короля Карла XII значительною денежною суммой, — видя близость военныхъ дѣйствій и опасаясь прихода Русскихъ, заблаговременно выѣхали.

Съ тѣхъ поръ Ніенъ запустѣлъ, и Ніеншанцъ, занятый незначительнымъ гарнизономъ, обратился въ отдѣльный военный постъ, коего близкое паденіе предвозвѣстилъ, въ Октябрѣ 1702 года, кровопролитный штурмъ Нотеборга; такъ называ-

лась у Шведовъ построенная Новогородцами крѣпость Орѣшекъ.

Звуки войны, начавшейся въ 1700-мъ году, неудачною для Россіянъ осадою Нарвы, въ 1702 г. раздались на берегахъ Невскихъ. Шведы, желая раздѣлить Россійскія войска, дѣйствовавшія съ успѣхомъ около Дерпта, отправили изъ Балтійскаго моря въ Ладожское озеро флотилію для разоренія прибрежныхъ Русскихъ монастырей и селеній. Начальствовавшій въ томъ краю, Окольничій Апраксинъ, узнавъ о появленіи Шведовъ, послалъ противъ нихъ, на тридцати лодкахъ, отрядъ сухопутнаго войска, который, встрѣтя на озерѣ непріятельскія суда, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ частію оныхъ, часть затопилъ, а остальныя принудилъ искать убѣжища подъ стѣнами Нотеборга. Нѣсколько позже (въ Іюлѣ того же года), Шведскій Генералъ Кроніортъ, желая загладить неудачу флотиліи, шелъ съ сильнымъ корпусомъ изъ Ингріи къ Русскимъ границамъ; но остановленный и тѣмъ же Апраксинымъ разбитый на берегахъ Ижоры, прославленныхъ побѣдою Александра Невскаго, отступилъ къ Дудергофской горѣ, а оттуда къ Нієншанцу. Въ томъ же году, 26-го Сентября, Россійскія войска подошли къ стѣнамъ Нотеборга, а 13-го слѣдующаго мѣсяца, вступили въ сію крѣпость побѣдителями. Приближеніе зимы остановило ихъ дальнѣйшіе подвиги.

Царь, лично находившійся при войскѣ, назначивъ знаменитаго Меньшикова Губернаторомъ покоренной крѣпости, отправилъ его, осенью, къ берегамъ Ладожскаго озера, въ Ладейное поле, для заготовленія, на тамошней верфи, нѣсколькихъ барокъ и другихъ грузовыхъ судовъ, кои предполагалось употребить слѣдующею весною, при осадѣ Ніеншанца.

Взятіе Нотеборга, названнаго Петромъ Великимъ Шлиссельбургъ, то есть, Ключъ-городъ, точно послужило ключемъ къ завоеванію не только того мѣста, гдѣ нынѣ красуется Петербургъ, но и всей Эстляндіи, Лифляндіи и части Финляндіи. Петръ, имѣя твердое намѣреніе возвратить и распространить издревле принадлежавшія Россіи владѣнія при Балтійскомъ морѣ, повелѣлъ Фельдмаршалу Шереметеву, главнокомандовавшему войсками и комплектовавшему оныя въ Москвѣ, открыть кампанію 1703-го года походомъ къ Шлиссельбургу, съ тѣмъ, чтобы оттуда итти на Ніеншанцъ.

Сія крѣпость, имѣвшая видъ довольно правильнаго пятиугольника, построеннаго почти въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Охты въ Неву, еще до войны Петра съ Карломъ XII-мъ, была на значительномъ протяженіи прикрыта валомъ и рвами, проведенными подлѣ Невскаго берега и отъ стороны Шлиссельбурга. Въ пространствѣ, ме-

жду самою крѣпостью и наружнымъ укрѣпленіемъ, заключалось нѣсколько строеній, принадлежавшихъ къ городу; остальная же главная часть Ніена, въ томъ числѣ довольно обширный военный госпиталь и двѣ Протестантскія церкви, Шведская и Нѣмецкая, находились на другой сторонѣ Охты. Таковы были Ніенъ и Ніеншанцъ, осенью 1702 года, когда достигшая туда вѣсть о взятіи Нотеборга подтвердилась появленіемъ небольшаго Русскаго отряда, посланнаго Царемъ отъ истока Невы, до рѣки Охты. Комендантъ, видя близкое сосѣдство Россіянъ, и опасаясь скорой осады, заперся въ крѣпости, предавъ пламени весь городъ, горѣвшій болѣе двухъ сутокъ. Опасенія гарнизона были основательны, но напрасны, ибо, какъ упомянуто выше, походъ къ Ніеншанцу былъ отложенъ до весны; но крѣпость была тревожена въ продолженіе зимы отрядами войскъ, высылаемыми изъ Шлиссельбурга Губернаторомъ Меньшиковымъ.

1703. — Въ то время, какъ Шереметевъ шелъ отъ Москвы къ Ніеншанцу съ гвардіею, двумя драгунскими полками и двадцатью баталіонами пѣхоты, всего съ 20 т. человѣкъ, — Царь прибылъ въ Шлиссельбургъ, и, дождавшись прихода войскъ, послѣдовавшаго 22-го Апрѣля, поступилъ, подъ начальство Главнокомандовавшаго, въ званіи Капитана состоявшей при Преображенскомъ полку бом-

бардирской роты; 24-го Апрѣля, не доходя пятнадцати верстъ до Нієншанца, Шереметевъ послалъ къ оному, на большихъ лодкахъ, дѣйствовавшихъ уже прежде на Ладожскомъ озерѣ, 2 т. человѣкъ пѣхоты, подъ командою Полковника Нейдгарта и Капитана Глѣбовскаго. Отрядъ сей, имѣвшій цѣлію одну рекогносцировку, въ ночи на 25-е подошелъ, непримѣтно, къ наружному валу, напалъ въ расплохъ на передовые посты Шведовъ, опрокинулъ ихъ и, воспользовавшись смятеніемъ гарнизона, овладѣлъ однимъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ. Послѣ такого успѣха, не много бъ, казалось, недоставало къ занятію остальныхъ укрѣпленій, обороняемыхъ только 800 челов.; но неоказаніе содѣйствія войскамъ, ворвавшимся въ бастіонъ, сомнительная надежда на успѣхъ и неимѣніе приказаній на дальнѣйшія предпріятія, кромѣ рекогносцировки, — были причинами, что атакующіе, не воспользовавшись пріобрѣтенными уже выгодами, отступили. Шведы, имѣвъ время прійти въ себя отъ перваго изумленія, и увидѣвъ удаленіе Россіянъ, ободрились, взяли мѣры предосторожности на случай новаго нападенія, и, приготовясь такимъ образомъ къ оппору, заставили своихъ непріятелей, какъ увидимъ ниже, потерять недѣлю времени.

Шереметевъ, послѣ донесенія о семъ дѣлѣ, въ ночи на 26-е Апрѣля, двинулся впередъ со всѣми войсками, и поутру предъ Нієншанцемъ уже сто-

ялъ Русскій лагерь. Хотя мѣсто, занятое симъ послѣднимъ, и было совершенно открыто для крѣпостныхъ выстрѣловъ, но окружавшіе оное лѣсъ, болото и кочки, не позволяли избрать лучшаго. Въ тотъ же день, управлявшій инженерными работами Россіянъ, Генералъ Ламберти, открылъ траншею въ тридцати саженяхъ отъ крѣпости, и началъ строеніе баттарей для 12 мортиръ и 20 пушекъ, привезенныхъ изъ Шлиссельбурга на судахъ, кои были построены въ продолженіе зимы, подъ надзоромъ Меньшикова.

Между тѣмъ, какъ осадныя работы подвигались, вечеромъ 28-го числа, Царь, принявшій, какъ выше сказано, званіе Бомбардирскаго Капитана, посадилъ четыре роты Преображенскаго и три Семеновскаго полковъ на шестьдесятъ лодокъ, и, не взирая на жестокій огонь береговыхъ укрѣпленій, пустился съ сею флотиліею внизъ по Большой Невѣ, для занятія ея устья, которымъ Шведскія суда могли бы войти въ рѣку и подать помощь осажденнымъ.

Прикрытые лѣсомъ берега, мимо которыхъ плыла флотилія, представляли любопытнымъ взорамъ Царя мрачную картину дикой и сиротствующей Природы, коей самые живописные виды не плѣняютъ взора, если онъ не встрѣчаетъ въ нихъ присутствія людей, оживляющаго и пустыни. Не одни берега, но и все пространство, занимаемое

нынѣ Петербургомъ и его красивыми окрестностями, были усѣяны лѣсомъ и топкимъ болотомъ; только мѣстами, и то весьма рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частію покинутыя, деревушки, состоявшія изъ полуразвалившихся хижинъ, гдѣ жили пуземные поселяне, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ, для провода судовъ, приходившихъ съ моря въ Неву.

Увѣривъ пустынныхъ жителей сего лѣснстаго края въ неприкосновенности ихъ лицъ и имуществъ, снабдивъ ихъ охранными листами, и не видя на взморьѣ ни одного непріятельскаго судна, Петръ возвратился на другой день въ лагерь, оставя на островѣ Вишц-сари, или Пруповомъ, нынѣ Гутуевомъ, три гвардейскія роты, для охраненія Невскихъ устій.

Въ кратковременное отсутствіе Царя, осадныя работы производились дѣятельно, и къ полудню 30-го числа уже вся артиллерія, доставленная изъ Шлиссельбурга, могла громить стѣны крѣпости.

Шереметевъ, зная слабыя силы гарнизона, и избѣгая напраснаго пролитія крови, предложилъ Коменданту сдаться на честныхъ условіяхъ; но, получа въ отвѣтъ, что крѣпость будетъ обороняться до послѣдней крайности, приказалъ открыть огонь залпомъ изъ всѣхъ орудій. Шведы отвѣчали съ равною жестокостію, и съ обѣихъ сторонъ пальба не умолкала съ 7 часовъ вечера до

5 утра. Тогда только гарнизонъ, чувствуя себя совершенно не въ силахъ долѣе сопротивляться, и опасаясь рѣшительнаго приступа, прибѣгнулъ къ переговорамъ. Въ силу оныхъ, осажденные получили позволеніе перейти въ Выборгъ, и того же 1-го Мая, въ десятомъ часу вечера, Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, имѣя въ рядахъ своихъ Царевича Алексѣя Петровича, начавшаго тѣмъ службу, вошелъ въ крѣпость, которую въ тѣ минуты еще никто, ни даже самъ Петръ, не предполагалъ основаніемъ новой столицы обширнаго Русскаго Царства. Государь, исполненный удовольствія, что дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, назвалъ завоеванный Нієншанцъ *Шлотбургъ*, и на утро праздновалъ побѣду благодарственнымъ молебствіемъ, которое сопровождалось проекратнымъ залпомъ изъ пушекъ и бѣглымъ огнемъ изъ ружей.

Извѣстіе объ успѣхѣ Царскаго оружія скоро достигло Москвы, и древняя столица Россіи достойно торжествовала оный.

Между тѣмъ, какъ Царь, воздавъ благодареніе Всевышнему за ниспосланную побѣду, занимался обозрѣніемъ крѣпости и найденныхъ въ ней артиллеріи, снарядовъ и разныхъ военныхъ припасовъ, вечеромъ того же 2-го Мая гвардейскія роты, занимавшія постъ при устьѣ Невы, извѣстили о появленіи Шведскаго флота. Непріятельскія суда,

еще не зная о приходѣ Россіянъ къ Нієншанцу, и не подозрѣвая взятія крѣпости, двумя пушечными выстрѣлами давали ей знать о своемъ прибытіи. Царь, догадываясь, — какъ подтвердилъ и Нієншанцскій гарнизонъ — что сіе было условнымъ сигналомъ между симъ послѣднимъ и флотомъ, счелъ полезнымъ для себя поддерживать таковое заблужденіе, и велѣлъ отвѣчать равнымъ числомъ. Хитрость сія, повторенная нѣсколько разъ сряду, имѣла полный успѣхъ: вечеромъ 5-го Мая съ Шведскаго адмиральскаго корабля отправили въ Неву шлюпку за лоцманами. Посланные на оной матрозы и солдаты, не предполагая близкаго присутствія Русскихъ войскъ, вышли безпечно на берегъ; одинъ изъ нихъ, бывъ схваченъ, показалъ, что прибывшею эскадрою начальствовалъ Вице-Адмиралъ Нумерсъ, который еще въ 1702 году былъ съ флотиліею на Ладожскомъ озерѣ, и потерпѣлъ пораженіе отъ войскъ Окольничаго Апраксина. Почти въ слѣдъ за шлюбкою приблизились къ устью, отдѣлившіяся отъ Шведскаго флота, два военныя судна: шнява, Астрель о 14-ти и бомъ Геданъ о 10-ти пушкахъ, и, въ ожиданіи лоцмановъ и разсвѣта, легли на якорь противъ входа въ Большую Неву.

Петръ Великій, узнавъ о семъ обстоятельствѣ, рѣшился извлечь изъ онаго всю возможную выгоду, и для того, съ предварительнаго дозволенія Фельдмаршала, взявъ съ собою Меньшикова, какъ Пору-

чика бомбардирской роты, и часть гвардіи, въ тотъ же вечеръ отправился на тридцати лодкахъ къ Невскимъ устьямъ, въ намѣреніи, при наступленіи ночи, атаковать оба Шведскія судна.

Погода, сначала тихая и свѣтлая, не благопріятствовала предпріятію Русскаго Монарха, но мало по малу вѣтръ измѣнялся, тучи скоплялись, и вскорѣ послѣ полуночи, обложивъ небо непроницаемою пеленою, разразились проливнымъ дождемъ.

Петръ распорядился такимъ образомъ, что лодки его, плывшія подлѣ острова *Хирвисари*, или Лосинаго, нынѣ Васильевскаго, подъ заслономъ покрывавшаго оный лѣса, предъ нападеніемъ должны были раздѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ одна атаковала бы суда со стороны моря, а другая отъ берега; въ ожиданіи удобной для того минуты, поставилъ флотилію въ протокѣ за островомъ Витцсари, близъ построеннаго въ послѣдствіи Екатерингофа. Чрезъ нѣсколько часовъ ожиданія, благопріятное время настало, и посреди мрака и бури Оссіановской ночи, Петръ, *въ потъ лица* трудившійся для Россіи, ударилъ съ двухъ сторонъ на изумленныхъ непріятелей. Примѣръ вождя одушевилъ предводимыхъ. Подъ градомъ ядеръ, гранатъ и пуль, сыпавшихся на Царскую флотилію, не только съ абордированныхъ судовъ, но и съ остальной эскадры, вступившей подъ паруса въ намѣреніи ихъ выручить,

но остановленной мелководіемъ, взлетали Русскіе на суда, гдѣ смерть являлась во всѣхъ видахъ. Ни губительное дѣйствіе непріятельскихъ выстрѣловъ, ни отчаянныя усилія защищавшихся, не спасли сихъ послѣднихъ отъ угрожавшей имъ участи. Царь, съ гранатою въ рукѣ, взошелъ первый на шняву, и чрезъ нѣсколько минутъ оба судна находились въ его власти. Изъ 77 человѣкъ, составлявшихъ ихъ экипажъ, только 19 сохранили жизнь цѣною плѣна; всѣ остальные пали подъ ударами побѣдителей, раздраженныхъ упорнымъ сопротивленіемъ. Побѣда сія, первая одержанная Россіянами на водахъ Балтики, и тѣмъ важнѣйшая, что одержалъ ее самъ Петръ, была имъ празднована 10-го Мая, въ лагерѣ подъ Шлотбургомъ, въ виду плѣнныхъ судовъ, торжественно туда приведенныхъ.

Въ слѣдъ затѣмъ, Генералъ-Адмиралъ Головинъ, первый Кавалеръ ордена Св. Андрея Первозваннаго, возложилъ знаки онаго на главныхъ виновниковъ побѣды: Царя и любимца его, Меньшикова; Офицеры же и солдаты, въ оной участвовавшіе, получили медали, съ изображеніемъ Царя и съ надписью: *Небываемое бываетъ.*

Видя себя властелиномъ Невы отъ истока ея до самаго устья, — ибо хотя Шведская эскадра находилась еще въ виду, но не могла войти въ рѣку, по недостаточной глубинѣ, — Петръ вознамѣрился

стать твердою ногой на возвращенномъ имъ силою оружія мѣстѣ, и укрѣпить оное такъ, чтобы всѣ покушенія Шведовъ къ обратному завоеванію онаго содѣлать безплодными. Съ сею цѣлію, вскорѣ послѣ Усть-Невскаго дѣла, Царь собралъ Военный Совѣтъ, на которомъ было разсуждаемо: должно ли укрѣпиться въ Шлотбургѣ, или предпочесть иное мѣсто, не столь удаленное отъ моря? — Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, Шлотбургъ, по причинѣ тѣсноты, по слабымъ способамъ, представлявшимся къ его оборонѣ, и, всего болѣе, по отдаленію отъ устья Невы, положили срыть, и построить новую крѣпость ближе ко взморью. Для выбора къ тому мѣста, Петръ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поѣхалъ осматривать острова, омываемые разными рукавами Невы, и здѣсь-то блеснула въ умѣ его великая и полезная мысль: въ семъ уединенномъ, но богатомъ удобствами мѣстѣ, основать обширный городъ и оживить дикія пустыни Ингріи и Кореліи народонаселеніемъ, торговлею и промышленостію. Необозримыя пространства лѣсовъ и болотъ, представлявшихся со всѣхъ сторонъ взорамъ Царя, не остановили его исполинскаго намѣренія: оно было принято — и небольшой низменный островъ *Енисари*, или *Заячій*, лежащій на Большой Невѣ, предъ нынѣшнею Петербургскою стороною, избранъ для заложенія крѣпости.

Есть преданіе, будто еще предшественникъ Карла XII подарилъ знатному Шведскому вельможѣ (кажется, Графу Стенбоку) участокъ земли при Невскихъ устьяхъ. Графъ, прельстясь красивымъ и выгоднымъ положеніемъ мѣста, построилъ тамъ мызу, заселилъ ее и назвалъ Lustholm (увеселительный островъ). Не прошло двухъ, трехъ лѣтъ, какъ осенью, еще до появленія льда, нѣсколько изъ жившихъ при мызѣ поселянъ погибли отъ стужи, а въ слѣдъ затѣмъ выступившая изъ береговъ вода затопила все селеніе. Графъ, увидѣвъ свои труды и издержки утраченными, не разсудилъ заблаго возобновлять разрушенныя строенія, назвалъ подаренное ему мѣсто Teufelsholm (чортовъ островъ), и уѣхалъ, оставивъ раззоренную мызу въ запустѣніи и забвеніи. Преданіе сіе, не подтверждаемое свидѣтельствами современниковъ, вѣроятно вымышлено, но тѣмъ не менѣе удачно приноровлено къ понятію о Петербургскомъ климатѣ, который въ настоящее время еще умѣреннѣе прежняго отъ увеличивающагося съ каждымъ почти днемъ народонаселенія и отъ сопряженныхъ съ онымъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ.

Рѣшаясь укрѣпить островъ Енисари, Петръ Великій едва ли могъ сдѣлать лучшій выборъ, ибо здѣсь крѣпость, окруженная уже отъ Природы вмѣсто рвовъ водами Невы, съ сухаго пути была

41304
Центральная В-Морская Библиотека РКВМФ СССР

почти недоступна по причинѣ пространнаго вязкаго болота, которое покрывало нынѣшнюю Петербургскую сторону, называвшуюся у Шведовъ *Койвисари*, т. е. *Березовый островъ*, и другіе острова, съ нею смежные. Дорожа временемъ, Царь, 16-го того же мѣсяца, въ праздникъ Св. Троицы, приступилъ къ заложенію земляной крѣпости, и собственными руками положилъ закладный камень въ основаніе бастіона, лежащаго влѣво отъ нынѣшнихъ Петровскихъ воротъ, лѣвымъ фасомъ къ Петербургской сторонѣ. Для усиленія крѣпостной обороны, передъ куртиною, обращенною къ верху Невы, назначено было построить равелинъ, а на Лосиномъ (Васильевскомъ) островѣ, у оконечности, образуемой раздѣленіемъ Невы на Большую и Малую, и по виду ея названной *Стрѣлкою*, поставлена сильная баттарея. Прикрытый такимъ образомъ и достаточно защищенный со стороны взморья, Березовый островъ былъ избранъ для построенія города, названнаго Государемъ, въ честь Св. Апостола Петра, *Санктпетербургъ*. Сотрудникъ Царя, Меньшиковъ, былъ тогда же назначенъ въ оный *Губернаторомъ*, Драгунскій Полковникъ Ренне *Комендантомъ*, а Артиллеріи Полковникъ Трезини, родомъ Италіянецъ, *Архитекторомъ*. Въ слѣдъ за симъ распоряженіемъ, войска, осаждавшія Нієншанцъ, и стоявшія лагеремъ по берегамъ Невы, пѣхота на пра-

вомъ, кавалерія на лѣвомъ, были раздѣлены на двѣ части. Одна, подъ начальствомъ Генерала Князя Репнина, оставлена при С.-Петербургѣ, а съ другою Шереметевъ пошелъ къ укрѣпленнымъ замкамъ Копорью и Ямамъ, коихъ взятіе, вскорѣ и почти безъ урона послѣдовавшее, доставило Петру Великому обладаніе надъ всею Ингерманландіею. Въ память возвращенія сей страны подъ Россійскую Державу, Царь, лѣтомъ того же 1703 года, повелѣлъ изъ тысячи видныхъ и стройныхъ людей набрать пѣхотный полкъ, и назвалъ оный сначала, по имени Шефа, *Меньшиковымъ*, а впослѣдствіи *Ингерманландскимъ*. Отличный сей полкъ, хотя и входилъ въ составъ полевыхъ, но будучи гвардіею Меньшикова, пользовался почти всѣми преимуществами гвардіи Императорской, и весьма долгое время имѣлъ непремѣнныя квартиры въ С.-Петербургѣ.

Поднятіе низменнаго острова Енисари, расчистка земли, вырубка лѣса, построеніе крѣпости и домовъ и другія работы требовали большаго числа рукъ, и потому Царь, употребивъ на сіи работы сначала бывшія у Князя Репнина войска, также Ингерманландцевъ, Кореловъ, Олончанъ и Новогородцевъ, повелѣлъ высылать изъ Россіи тысячи рабочихъ и масперовыхъ, равномѣрно Казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, присоединя къ нимъ значительное число плѣнныхъ Шведовъ, такъ, что того

же лѣта сорокъ тысячъ человѣкъ, разныхъ племенъ и нарѣчій, раздѣленныхъ на двѣ очереди, трудились надъ созиданіемъ Петербурга. Казенные работники получали отъ казны только пищу, а вольные сверхъ оной и плашу, по три копѣйки въ сутки. По недостатку въ инструментахъ и землекопныхъ орудіяхъ, большая часть работъ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себѣ въ мѣшкахъ, или, даже въ полахъ плашья. Если къ сему прибавить, что работавшіе не имѣли не только жилищъ, но даже необходимаго крова, и нерѣдко томились голодомъ, ибо не всегда успѣвали доставлять имъ потребное количество съѣстныхъ припасовъ, то можно вообразить, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій стоило первоначальное обстроеніе Петербурга; но того требовали обстоятельства, того требовала польза цѣлой Россіи.

Не смотря однако на всѣ затрудненія, дѣятельность, возбуждаемая присутствіемъ и распорядительностію Царя, была въ такой степени, что въ теченіе немногихъ недѣль большіе участки лѣсовъ и болотъ исчезли, и на мѣстѣ двухъ ветхихъ, полуразрушенныхъ хижинъ, составлявшихъ на островѣ Енисари всѣ слѣды человѣческаго пребыванія, возникали, какъ бы изъ среды водъ, грозные валы крѣпости. Еще въ день заложенія сей послѣдней, Петръ, желая поспѣшить работами,

раздѣлилъ надзоръ за оными на шесть участковъ, изъ коихъ одинъ взялъ на себя, а оспальные поручилъ бывшимъ при немъ вельможамъ: Нарышкину, Трубецкому, Зотову, Головкину и Меньшикову. Въ память сего, и сооруженные подъ ихъ надзоромъ *раскаты*, или бастіоны, начиная отъ находящагося по правую сторону Петровскихъ воротъ, Царь повелѣлъ называть: *Государевъ*, *Нарышкинъ*, *Трубецкой*, *Зотовъ*, *Головкинъ* и *Меньшиковъ*. Въ продолженіе работъ, Петръ съ большимъ торжествомъ праздновалъ день своего тезоименитства, 29-го Іюня; причемъ Меньшиковъ угощалъ Монарха и знатныхъ особъ роскошнымъ банкетомъ, въ казармахъ, строившихся въ бастіонѣ его имени. Къ основанію крѣпости и города при устьяхъ Невы послужило не одно только красивое положеніе сего мѣста, но и удобство къ вмѣщенію флота и къ открытому выходу онаго въ море. Петръ, испытавшій уже въ 1695 году, при неудачной осадѣ Азова, какъ важно въ войнѣ съ морскою Державою содѣйствіе флота, увидѣлъ съ перваго взгляда на Невскія устья, сколь полезны они быть могутъ для Россіи, и, не теряя времени, приступилъ къ приведенію въ дѣйство исполинскаго своего плана.

Между тѣмъ, какъ мертвая тишина, царствовавшая доколѣ на островахъ, омываемыхъ рукавами Невы, нарушалась звуками сѣкиръ и криками работающихъ, Шведы не были праздными

зрителями сей картины. Двѣнадцатитысячный ихъ корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Кроніорпа, имѣвшаго въ 1702 году дѣло съ Окольничимъ Апраксинымъ, въ первыхъ числахъ Іюля вышелъ изъ Выборга, въ намѣреніи разрушить начатыя Русскими работы; но Царь, заблаговременно извѣщенный объ опасности, выступилъ изъ Петербурга съ обоими гвардейскими и четырьмя драгунскими полками, кои, 9-го Іюля, усмотрѣвъ непріятеля за рѣкою Сестрою, совершили въ глазахъ его весьма трудную переправу, и атаковали Шведовъ. Сіи послѣдніе, не взирая на выгодную свою позицію въ густомъ лѣсу, были сбиты и принуждены отступить къ Выборгу, потерявъ весь обозъ и часть артиллеріи.

При великомъ числѣ работавшихъ въ Петербургѣ, строеніе крѣпости было окончено въ четыре мѣсяца. Внутри, по всей длинѣ острова, былъ вырытъ *каналъ*, для снабженія гарнизона, въ случаѣ осады, водою, и по сторонамъ онаго стояли четыре ряда домовъ, крытыхъ, по Финскому обыкновенію, дерномъ или берестою. У южнаго берега канала сооружена была, *во имя Св. Апостолъ Петра и Павла*, деревянная, окрашенная подъ желтый мраморъ, церковь, съ тремя спицами, на которыхъ въ праздничные и воскресные дни поднимали корабельные вымпела, и сверхъ того, на одномъ изъ нихъ, служившемъ колоколь-

нею, колоколъ днемъ и ночью билъ часы. На другой сторонѣ канала, противъ сѣверныхъ дверей церкви, стоялъ небольшой, одноэтажный домъ Коменданта, и близъ него домы гарнизонныхъ Офицеровъ. По южную сторону церкви, на мѣстѣ нынѣшняго Комендантскаго дома, была довольно обширная *гауптвахта*, съ небольшою впереди площадкою. Сію послѣднюю называли *плясовою*, отъ находившихся на ней деревянной лошади съ острою спиной и столба со вбитыми около онаго въ землю заостренными кольями. На первую сажали верхомъ, а на послѣдній становили ногами провинившихся солдатъ, — наказанія, сообразныя духу того времени. Подлѣ гауптвахты деревянный, одинаково съ церковью окрашенный домъ, былъ назначенъ для *Арсенала*, или *Цейхгауза*; въ остальныхъ строеніяхъ помѣщались крѣпостные священно и церковно-служители, церковь для жителей Протестантскаго исповѣданія, гарнизонная канцелярія, провіантскіе магазины, и наконецъ, въ бастіонѣ Меньшикова, небольшой, довольно красивой наружности домъ, назначался подъ казенную аптеку. Устроенныя въ куртинѣ между Государевымъ и Меньшиковымъ бастіонами ворота выходили на длинный, подъемный въ двухъ мѣстахъ, деревянный мостъ, который служилъ сообщеніемъ крѣпости съ Петербургскимъ островомъ.

Ежедневно, отъ пробитія утренней зари до

вечерней, на *Государевомъ* бастіонѣ развѣвался въ будни кейзеръ-флагъ, а въ праздники и торжественные дни штандартъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ носу и въ когтяхъ четыре моря: Бѣлое и Черное, Каспійское и Балтійское. Поднятіе и спускъ флага служили сигналомъ къ началію и прекращенію городскихъ работъ, и сопровождались всегда пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости, производившимся кромѣ того еще разъ въ день, въ 11 часовъ утра, т. е. предъ обѣденнымъ временемъ. Въ то же самое время, какъ застроивался островъ Енисари, Царь, желая быть сколько можно ближе къ оному, дабы чаще навѣщать работы, повелѣлъ построить для своего жительства, на Петербургскомъ островѣ, подлѣ берега Большой Невы, не далѣе какъ въ 200 саженяхъ отъ крѣпости, на мѣстѣ, гдѣ во времена Шведскаго владѣнія стояла ветхая рыбачья хижина, небольшой деревянный домикъ, шириною въ восемь, длиною въ три сажени. Врагъ всякаго излишества и роскоши, преобразователь Россіи, подавая собою примѣръ умѣренности, помѣщался въ двухъ небольшихъ комнатахъ, раздѣленныхъ узкими сѣнями и кухнею, обитыхъ внутри холстомъ, и потомъ выбѣленныхъ безъ всякихъ украшеній. Убранство комнатъ, простотою своею соотвѣтствовало стѣнамъ; снаружи домикъ былъ выкрашенъ въ Голландскомъ вкусѣ, подъ кирпичъ; на крышѣ

были укрѣплены, по срединѣ мортира, а по обоимъ угламъ двѣ пылающія бомбы, та и другія изъ дерева. Такъ просто и тѣсно было первое жилище Петра Великаго въ Петербургѣ; но нигдѣ именно величіе его не является столь разительно и съ такимъ блескомъ, какъ въ сей хижинѣ. Почти рядомъ съ оною, Меньшиковъ, любитель великолѣпія и роскоши, построилъ для себя деревянный же, но довольно обширный домъ, гдѣ, по тѣснотѣ Царскаго, давались обыкновенно большіе обѣды и аудіенціи. Въ сихъ двухъ домахъ и въ шалашахъ и сараяхъ, построенныхъ на зиму для рабочихъ людей и въ безпорядкѣ разбросанныхъ по Петербургскому острову, заключался въ 1703 году весь городъ.

Положивъ такимъ образомъ основаніе Петербургу, и видя возможность помѣстить при оном флотъ, Петръ въ началѣ Октября поѣхалъ въ Ладейное Поле, переименованное Олонецкою верфью, заложилъ тамъ шесть фрегатовъ и девять шнявъ, и возвратился въ Петербургъ на новопостроенномъ фрегатѣ: *Штандартъ*, въ сопровожденіи новыхъ же галіотовъ. На семъ обратномъ пути, въ крѣпкій вѣтеръ, фрегатъ сталъ на мель и получилъ поврежденія, исправленныя уже въ Петербургѣ: первый случай, что Русское военное судно сего ранга разсѣкало Невскія волны и починивалось у береговъ Невскихъ.

Нетерпѣніе, съ какимъ Царь желалъ видѣть умноженіе своего Балтійскаго флота, побудило его, въ томъ же 1703 году, учредить еще верфь въ Новгородской провинціи, на устьѣ рѣки Сяси, гдѣ тою же осенью были спущены на воду три шнявы и до трехъ сотъ разныхъ перевозныхъ судовъ и барокъ, строенныхъ большею частію мастеромъ Гавріломъ Меньшиковымъ, учившимся кораблестроенію вмѣстѣ съ Царемъ въ Голландіи. Недостатокъ въ мореходцахъ нѣсколько озабочивалъ Петра; но онъ скоро обезпечилъ себя и съ сей стороны, пригласивъ въ свою службу офицеровъ изъ Голландіи, Венеціи и земель, обитаемыхъ Славянскими племенами при берегахъ Адріатическаго моря, и нанялъ матрозовъ съ иностранныхъ кораблей, приходившихъ для торговли къ Архангельску.

Узнавъ, по возвращеніи въ Петербургъ, что эскадра Адмирала Нумерса, крейсировавшая въ продолженіе лѣта въ виду Невскихъ устьевъ, ушла зимовать въ Выборгъ, — Царь, не смотря на то, что Финскій заливъ уже начиналъ покрываться льдомъ, поѣхалъ на одномъ изъ галіотовъ къ узкому, долгому острову *Ритсари*, или *Реттусари*, издавна извѣстному Русскимъ подъ именемъ *Котлина*, и лежащему верстахъ въ тридцати отъ Петербурга. На пути туда, Петръ самъ, съ лотлинемъ въ рукѣ, вымѣривалъ фарватеръ, и осмотрѣвъ внимательно островъ, рѣшился укрѣпить

оный; ибо основавъ Петербургъ, надлежало привести его и въ безопасность отъ покушеній Шведовъ со стороны моря. Съ сею мыслію прибылъ Петръ обратно въ Петербургъ, и оставивъ тамъ Меньшикова съ четырьмя полками, прочіе расположилъ въ ближнихъ провинціяхъ на зимнія квартиры, самъ же отправился въ Москву, вооруживъ напередъ валы крѣпости артиллеріею, состоявшею изъ трехъ сотъ мѣдныхъ и чугунныхъ орудій, почти безъ исключенія взятыхъ у Шведовъ. Еще до отбытія изъ Петербурга, безсмертный его основатель отмѣнилъ издревле существовавшій въ Россіи обычай: становиться на колѣни при встрѣчѣ съ Монархомъ. Обыкновеніе сіе, коего начало должно отнести къ временамъ Татарскаго владычества, сдѣлалось столь противнымъ Петру, особенно посреди Петербургскихъ болотъ и топей, что онъ вовсе отмѣнилъ оное. Народъ, пріобыкшій вѣками къ сему наружному знаку уваженія предъ Вѣнценосцами, съ трудомъ отвыкалъ отъ онаго, и сначала многіе, встрѣчаясь съ Царемъ, продолжали преклонять колѣни, пока наконецъ онъ не нашелся вынужденнымъ запретить сіе подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія.

Чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Царя въ Москву, посѣтило Петербургъ, въ первый разъ по его основаніи, Голландское купеческое судно. Шкиперъ онаго, пріѣзжавшій еще во время Шведскаго

*

владычества ежегодно въ Финскій заливъ для рубки лѣса у рѣки Сестры (гдѣ нынѣ Сестрорѣцкъ, или Систербекъ) прибылъ съ тою же цѣлію чрезъ двѣ или три недѣли по заложеніи Петербургской крѣпости, съ двѣнадцатью купеческими судами. Узнавъ о перемѣнѣ обстоятельствъ и бывъ задержанъ Шведскимъ Адмираломъ Нумерсомъ, онъ рѣшился лично просить Царя о дозволеніи продолжать рубку, и для того пріѣхалъ въ Петербургъ, но въ такое время, когда тамъ не было ни Петра, ни Меньшикова, ѣздившихъ на нѣсколько дней въ покоренные Шереметевымъ Ямь и Копорье. Такимъ образомъ онъ не могъ видѣть Монарха, но дождался Губернатора, отъ котораго получилъ не только дозволеніе рубить лѣсъ въ желаемомъ мѣстѣ, но еще приглашеніе прибыть въ Петербургъ на судахъ съ товаромъ. Обрадованный шхиперъ желалъ немедленно войти въ Неву. Не получивъ на то дозволенія отъ Нумерса, опасавшагося, чтобы Россія не вздумала вооружить Голландскія суда артиллеріею, и употребить оныя въ свою пользу, онъ успѣлъ въ ночное время пройти съ шестью судами сквозь Шведскій флотъ къ рѣкѣ Сестрѣ, гдѣ, послѣ отраженія Генерала Кроніорта, оставались нѣсколько Русскихъ полковъ. Изъ сихъ-то судовъ, одно, нагруженное солью и винами, воспользовавшись удаленіемъ Нумерсовой эскадры и оттепелью, разогнавшею ледъ на Невѣ и въ

заливѣ, пришло въ Ноябрѣ мѣсяцѣ къ Петербургу. Меньшиковъ, постигавшій мудрыя намѣренія Монарха, и ревностно онымъ содѣйствовавшій, оказалъ шхиперу самый лестный пріемъ, пригласилъ его къ обѣденному столу, подарилъ ему 500 червонцевъ, а каждому матрозу по 300 ефимковъ, и откупилъ весь привезенный грузъ, обѣщавъ 300 червонцевъ награды шхиперу перваго судна, которое бы послѣ того пришло въ Петербургъ, и 150 второму.

1703 – 1704. — Царь, не смотря на множество и разнообразіе предметовъ, требовавшихъ не только его особеннаго вниманія, но часто даже и личнаго присутствія, столько заботился о застроеніи и укрѣпленіи Петербурга, что казалось, будто вся его дѣятельность и всѣ попеченія были устремлены на одно сіе мѣсто. Дѣйствуя вездѣ самъ, если не личнымъ распоряженіемъ, то подробными наставленіями, онъ въ одно и то же время вводилъ новыя, полезныя учрежденія во внутреннемъ управленіи Государства, занимался сношеніями внѣшними, пріуготовлялъ кампанію, которой надлежало открыться съ наступленіемъ весны, спускалъ и вновь закладывалъ корабли и суда на верфь рѣки Дона, и едва успѣлъ прибыть изъ Москвы въ Воронежъ, какъ уже начерталъ и отправилъ въ Петербургъ къ Меньшикову проектъ

укрѣпленія, которое, будучи построено по южную сторону острова Котлина, у самаго Фарватера, не допускало бы непріятельскихъ судовъ до Петербурга. Меньшиковъ, получивъ планъ укрѣпленія, поспѣшилъ къ острову Котлину, и тамъ совершилъ такое дѣло, какому не много найдется подобныхъ. По его распоряженію, всѣ потребные для строенія матеріалы доставлялись изъ Петербурга по льду; работы производились такъ же дѣятельно и скоро, какъ бы посреди лѣта, и въ короткое время на поверхности Финскаго залива, на вышеописанной отмели, возникла трехъ-ярусная деревянная баттарея, или башня, поставленная какъ бы на стражѣ при входѣ въ Невскій Фарватеръ. Основаніемъ оной послужили большія ряжи, или бревенчатые ящики, наполненные каменьями и потомъ погруженные на дно. Не взирая на зимнюю стужу, многія тысячи рукъ занимались постройкою и доставкою матеріаловъ. Около осьми тысячъ лошадей пали отъ недостатка корма и отъ изнуренія; не мало погибло и людей, но это была необходимая жертва, принесенная для охраненія Петербурга и для обезпеченія будущихъ успѣховъ Петра на водахъ и берегахъ Балтики. Еще до вскрытія льда, главныя части укрѣпленія были окончаны, и возникавшая столица защищена со стороны моря.

1704. — Работы, возложенныя на Меньшикова, еще продолжались, когда Царь, нетерпѣливо ожидавшій весны, чтобы съ наступленіемъ оной возобновить войну и продолжать строеніе Петербурга, прибылъ въ сей городъ 19-го Марта, посѣтивъ напередъ Олонецкую и Сясьскую верфи. 1-го Апрѣля происходило освященіе, построенной еще въ прошломъ году, Петропавловской церкви, а вслѣдъ затѣмъ начали приходить къ Петербургу съ зимнихъ квартиръ Гвардія и войска дивизіи Репнина. Ненадежное состояніе льда не скоро дозволило Царю посѣтить укрѣпленіе, строившееся подлѣ Котлина острова; наконецъ, 7-го Мая, когда рѣка и заливъ вскрылись, онъ отправился туда съ приближенными къ нему особами, на гальотѣ *Вельком*ъ, былъ въ восхищеніи отъ успѣшныхъ работъ, снабдилъ укрѣпленіе привезенною съ собою артиллеріею, и назвавъ оное Кронштотъ, т. е. Коронный замокъ, провелъ тамъ, въ разныхъ торжествахъ, трое сутокъ.

Казалось, что съ основанія Петербурга все благопріятствовало Петру, ибо едва онъ успѣлъ возвратиться изъ Кронштотской поѣздки, какъ получилъ вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной Генералъ-Маіоромъ Верденомъ, при Чудскомъ озерѣ, на рѣкѣ Амовжѣ. Исполненный удовольствія, Царь совершилъ благодарственное молебствіе въ новоосвященной церкви, и заключилъ оное гро-

момъ ружей и пушекъ, какъ съ крѣпости, такъ и со стоявшихъ при оной четырехъ бригантинъ и одной скампавеи, кои только что пришли съ Олонецкой верфи. Послѣ того первымъ дѣломъ Царя было отправленіе войскъ изъ Петербурга къ Корелѣ, или Кексгольму, занятому Шведами. — 18 и 19-го Мая полки: Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и армейскіе Репнина, сѣли на суда, а 20-го, вмѣстѣ съ Царемъ, пошли вверхъ по Невѣ къ Ладожскому озеру. Въ то же время Полковникъ Ренне, коего мѣсто заступилъ Генералъ-Маіоръ Брюсъ, въ званіи Оберъ-Коменданта, съ Драгунскимъ полкомъ и выборною конною ротою Новгородскихъ дворянъ, переправился чрезъ Неву на Выборгскую сторону, между тѣмъ, какъ артиллерія, погруженная на суда, находилась въ готовности къ походу у Шлиссельбурга. Но предпріятіе сіе не состоялось, ибо неожиданно полученное извѣстіе, что Шведы весьма усиливаются у Нарвы, побудило обратить всѣ оныя войска немедленно въ ту сторону. Въ то же самое время прибыли къ Петербургу вновь построенныя на Олонецкой верфи и при устьѣ Сяси еще двѣнадцать скампавей и столько же бригантинъ, а 22-го Мая поѣхалъ къ Нарвѣ и самъ Царь, отправивъ напередъ къ Кронштлоту весь Петербургскій флотъ, ввѣренный начальству Вице-Адмирала Крюйса, Голландскаго уроженца, оставившаго

по себѣ незабвенное имя въ Россійской морской Исторіи.

За Государемъ отправилась къ Нарвѣ сухимъ путемъ, привезенная изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ, артиллерія, что стоило не малыхъ затрудненій: ибо, по неимѣнію хорошихъ дорогъ, орудія надлежало тащить большею частію руками, чрезъ лѣса, по кочкамъ, пнямъ и болотамъ. Порохъ, снаряды и другіе военные припасы, равномѣрно и провіантъ, доставлялись туда изъ Петербурга водою, на малыхъ судахъ и лодкахъ, которыя, не смотря на присутствіе непріятельскаго флота, шли безопасно подлѣ берега, куда первый, по малой глубинѣ, не могъ приблизиться. Такимъ образомъ Петръ Великій, не болѣе какъ чрезъ годъ по заложеніи Петербурга, уже имѣлъ случай испытать всю пользу своего выбора.

Между тѣмъ, какъ громы войны раздавались столь близко отъ будущей столицы, сія послѣдняя, порученная начальству и попеченію Оберъ-Коменданта Брюса (Меньшиковъ находился съ Царемъ въ походѣ), представляла по прежнему картину величайшей дѣятельности. Въ крѣпости продолжалась еще внутренняя отдѣлка нѣкоторыхъ домовъ, а внѣ оной, на Петербургскомъ островѣ, недалеко отъ жилищъ Царскаго и Меньшикова, производилось строеніе домовъ для частныхъ людей, изъ коихъ одни селились тамъ добровольно,

а другихъ обязывали къ тому или долгъ службы или Монаршее назначеніе. Всѣ оные домы, безъ исключенія, были деревянные, низкіе, большею частію безъ дворовъ, со входами съ улицы, и построены безъ плана, какъ вообще строились встарину всѣ города Россіи.

Царь, ознаменовавшій сей годъ двумя важными событіями, покореніемъ Дерпта и Нарвы, послѣ взятія сей послѣдней, возвратился 5-го Октября въ С. Петербургъ, чрезъ Олонецкую верфь; ошпуда привелъ спущенные въ его присутствіи шесть фрегатовъ и девять шнявъ, и того же числа на лѣвомъ или Ингерманландскомъ берегу Невы, нѣсколько наискось противъ крѣпости, на самомъ мѣстѣ нынѣшняго Адмиралтейства, заложилъ корабельную верфь. Побудительныя причины къ сему учрежденію въ точности неизвѣстны; но съ достовѣрностію можно предположить, что Петръ Великій, чувствуя необходимость въ сильномъ флотѣ для удержанія за собою Петербурга и прочихъ завоеваній, кои намѣревался сдѣлать при берегахъ Балтійскаго моря, и не находя для того достаточными верфи, существовавшія при устьѣ Сяси въ Ладейномъ Полѣ, не нашелъ для устроенія новой верфи мѣста приличнѣе, какъ въ Петербургѣ. Къ сему выбору побудило его, можетъ быть, и неудобство строить при Ладожскомъ озерѣ большія военныя суда, какъ-то: линѣйные ко-

рабли и фрегаты, по причинѣ малой глубины въ истокѣ Невы. По совершеніи сего новаго дѣла, Царь, 9-го того же мѣсяца, опъѣхалъ въ Москву, сдѣлавъ распоряженія о работахъ слѣдующаго года.

1705. — Годъ сей для Исторіи Петербурга обильнѣе предшествовавшаго событіями, и особенно примѣчателенъ по нападенію Шведовъ. Еще до весны въ городѣ носились слухи, что непріятель, усиливаясь въ Выборгѣ, готовится сдѣлать противъ Петербурга морскую и сухопутную экспедицію. Въ слѣдствіе сихъ слуховъ, Оберъ-Комендантъ Брюсъ усугубилъ мѣры предосторожности противъ внезапнаго нападенія, а Вице-Адмиралъ Крюйсъ, уходившій съ флотомъ на зиму въ Петербургъ, въ первыя почти минуты вскрытія Невы и Финскаго залива отправился къ Кронштлоту съ осмью 24-хъ-пушечными фрегатами, шестью 12-ти-пушечными шнявами, двумя брандерами и четырнадцатью большими галерами. Тамъ стоялъ онъ спокойно до 4-го Іюня, когда отряженныя впередъ суда дали знать, что непріятельскій флотъ, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, на всѣхъ парусахъ приближается къ Котлину. Островъ сей еще заблаговременно былъ занятъ тысячью человѣкъ пѣхоты при трехъ пушкахъ, подъ командою Полковника Толбухина, между тѣмъ, какъ для большей предосторожности входъ въ фар-

ваперъ, между островомъ и Кронштотомъ, былъ загражденъ бономъ, или пловучими рогашками. Вскорѣ непріятельскій флотъ сдѣлался видѣнъ съ баттарей, и оказался въ числѣ семи линѣйныхъ кораблей, шести фрегатовъ, двухъ шнявъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ, такого же числа брандеровъ, еще двухъ 40-пушечныхъ судовъ, или прамовъ, и одного транспорта. Начальствовавшій онымъ, Адмиралъ Анкерстіерна, не доходя версты за двѣ до длинной, узкой косы, составляющей западную оконечность острова Котлина, сдѣлалъ сигналъ стать на якорь; но вскорѣ опрядилъ впередъ фрегаты, кои, наполнивъ паруса, подошли подъ самые выстрѣлы баттарей Кронштота. Вице-Адмиралъ Крюйсъ видѣлъ, что сіе было вызовомъ къ бою; но не чувствуя себя довольно для того силнымъ, — ибо могъ бы имѣть дѣло со всѣмъ Шведскимъ флотомъ, — ограничился на первый разъ тѣмъ, что расположилъ за бономъ галеры, кои дѣйствіемъ большихъ орудій, вмѣстѣ съ Кронштотскою артиллеріею, скоро принудили удалиться приближавшіеся фрегаты. Сіи, желая вознаградить неудачу, сдѣлали высадку на берегъ около нынѣшняго Ораніенбаума, и выжгли находившіяся тамъ небольшія селенія Ингерманландцевъ.

Остатокъ дня прошелъ безъ дальнѣйшихъ дѣйствій; но на слѣдующее утро, весь непріятельскій флотъ вступилъ подъ паруса, и между тѣмъ,

какъ большія его суд, приблизясь къ Кронштоту на пушечный отъ него выстрѣлъ, бросили якорь, — малыя, коими начальствовалъ Контръ-Адмиралъ Спарре, подошли, сколько позволяла глубина, къ вышеупомянутой косѣ, сохранившей по сіе время названіе *Толбухиной*. Сначала Шведы открыли по берегу острова сильный огонь; но не получая отвѣта и не видя людей, ибо занимавшія Котлинъ войска укрылись въ кустарникахъ и за большими каменьями, отправили къ острову сильный дессантъ, въ намѣреніи устроить баттареи противъ Кронштота. Предпріятіе сіе началось безпрепятственно, и уже болѣе 150 человѣкъ вышли на берегъ, когда скрывавшійся тамъ полкъ Толбухина, открывъ ружейный и картечный огонь, немедленно запѣмъ выступилъ изъ засады, ударилъ на изумленныхъ и частію разсѣянныхъ Шведовъ, положилъ на мѣстѣ до 40 человѣкъ, и 31-го, въ томъ числѣ нѣсколько Офицеровъ, взялъ въ плѣнъ. Всѣ тѣ, кои еще оставались на островѣ, бѣжали къ судамъ; въ смятеніи опрокидывали оныя; стараясь спастись вплавь, тонули, и осыпаемые выстрѣлами, въ весьма маломъ числѣ успѣли достигнуть судовъ, которыя поспѣшно удалились, оставя у берега, во власти Русскихъ, шлюбку и восемь ботовъ, съ разными военными и съѣстными припасами. Сей блистательный успѣхъ доставилъ Русскимъ еще ту важную выгоду, что они

узнали отъ плѣнныхъ офицеровъ о непріятельскомъ планѣ, заключавшемся въ томъ, чтобы въ одно время съ нападеніемъ флота на Кронштотъ, сухопутному корпусу, собранному въ Выборгѣ, подъ начальствомъ Генерала Майделя, преемника умершаго Кроніорта, атаковать Петербургъ и, взявъ оный, разорить до основанія. Извѣстіе сіе было немедленно сообщено Брюсу, принявшему, какъ увидимъ ниже, зависѣвшія отъ него мѣры къ отраженію непріятеля. Анкерстіернъ не пришелъ въ уныніе отъ неудачной высадки на Котлинъ. На утро 6-го Іюня, флотъ его снова атаковалъ Кронштотскія баттареи, но снова отступилъ безъ успѣха. Три дня затѣмъ прошли безъ всякихъ съ той и другой стороны дѣйствій. Крюйсъ ежеминутно находился въ готовности отразить нападеніе; Шведскіе же Адмиралы имѣли между собою нѣсколько совѣщаній, и въ слѣдствіе оныхъ, 10-го Іюня, возобновили общую атаку, но опять неудачную и стоившую имъ самимъ столь дорого, что, имѣя нѣсколько судовъ, поврежденныхъ Русскими баттареями, они нашлись принужденными стать внѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ Крюйсъ усиливалъ береговыя баттареи привезенною изъ Петербурга артиллеріею, и получивъ отъ Брюса извѣстіе о подходѣ Майделя, отрядилъ, для подкрѣпленія его, семь галеръ и обѣ шнявы. Бездѣйствіе обѣихъ сторонъ продолжалось снова до 15-го

Іюня. Сего числа Вице-Адмиралъ Крюйсъ, достаточно укрѣпившій Кронштотъ и берега Котлина, и уже увѣренный въ своихъ силахъ, рѣшился принять наступательное положеніе, и первые выстрѣлы, сдѣланные съ баттарей по Шведскому флоту, были столь удачны, что полали въ корабль Контръ-Адмирала Спарре, гдѣ остальные флагманы и старшіе офицеры были угощаемы обѣденнымъ столомъ, при громѣ музыки. Неожиданное появленіе Русскихъ ядеръ и бомбъ, сыпавшихся на корабль все чаще и чаще, привело въ смятеніе пировавшихъ, — смятеніе тѣмъ большее, что по случаю бывшаго тогда штиля, или безвѣтрія, корабль не скоро могъ быть отбуксированъ изъ круга выстрѣловъ. — 21-го, Крюйсъ, получивъ въ подкрѣпленіе еще два бомбардирскія судна, рѣшился атаковать непріятельскій флотъ, стоявшій въ линіи, въ трехъ верстахъ отъ Кронштота; но едва Адмиралъ Анкерстіерна замѣтилъ первое движеніе Русскихъ судовъ, какъ сдѣлалъ сигналъ вступить подъ паруса, и взявъ направленіе къ Выборгу, скоро скрылся изъ виду. Опытный Крюйсъ не принялъ удаленія Шведовъ за совершенную побѣду: онъ былъ твердо увѣренъ, что Анкерстіерна поступилъ такимъ образомъ единственно по необходимости исправить поврежденія своего флота и, можетъ быть, для усиленія онаго, и потому счелъ за нужное укрѣпить еще бо-

лѣе островъ Котлинъ, и усилить отрядъ Полковника Толбухина. Опасенія Крюйса сбылись: на разсвѣтѣ 14-го Іюля, ровно чрезъ три недѣли по удаленіи непріятельскаго флота, оный появился, въ числѣ 24 кораблей и другихъ судовъ, идущихъ подъ парусами, вдоль Выборгскаго берега. Шведскія суда, приблизясь почти на пушечный выстрѣлъ къ Котлинской косѣ, начали строиться около оной полукружіемъ, и рѣшась, во что бы ни стало, овладѣть островомъ, коего баттареи уничтожали всѣ ихъ покушенія, открыли сильный огонь. Не получая отвѣта, — ибо Толбухинъ опять помѣстилъ войска и артиллерію въ закрытыхъ мѣстахъ, — Шведы отправили гребныя суда съ дессантомъ, въ полной увѣренности, что Русскія войска, полагая опасность миновавшею, покинули островъ. Ошибка сія стоила Анкерстіерну дорого, ибо едва дессантъ началъ выходить на берегъ, какъ подвергся убійственному огню пятнадцати-пушечной баттареи. Высадка была опрокинута, и Шведы понесли уронъ еще больше прежняго, ибо кромѣ раненыхъ, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, около 400 тѣлъ прибило волненіемъ къ Котлинскому берегу. Послѣ незначительной перестрѣлки, продолжавшейся съ обѣихъ сторонъ около сутокъ, флотъ Анкерстіерны ушелъ изъ виду, оставя поблизости Котлина нѣсколько малыхъ судовъ, для крейерства, которое и продолжалось до половины Августа.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило на морѣ, Петербургу угрожала опасность и съ сухаго пути. Генералъ Майдель, о коемъ говорено выше, зная объ отсутствіи Царя и о маломъ числѣ войскъ, оставленныхъ въ городѣ, предпринялъ разрушить оный до основанія, и въ томъ намѣреніи вышелъ изъ Выборга съ 9-ти- или 10-ти-тысячнымъ корпусомъ. Генералъ Брюсъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, выслалъ для задержанія его отрядъ изъ двухъ тысячъ Татаръ, Яицкихъ, Астраханскихъ и Запорожскихъ казаковъ, а самъ, пользуясь временемъ, употребилъ весь рабочій народъ на построеніе ретраншамента и баттарей, на нынѣшнемъ Аптекарскомъ Островѣ, для прикрытія города. Между тѣмъ посланная имъ конница успѣла переправиться черезъ рѣку Сестру, и опрокинувъ передовые непріятельскіе посты; но въ жару неумѣреннаго преслѣдованія, набѣжавъ на весь корпусъ Майделя, нашлась принужденною отступить, и была быстро преслѣдована до самой рѣки. Тамъ Шведы остановились, но на другой день показались въ виду города, перейдя частію на нынѣшній Каменный Островъ. Здѣсь устроили они баттареи для дѣйствія по городу; но были встрѣчены столь жестокимъ пушечнымъ огнемъ, какъ съ ретраншамента, такъ и съ судовъ, присланныхъ Крюйсомъ, что отретировались съ немалымъ урономъ, оставя на островѣ нѣсколько тысячъ

фашинъ, изготовленныхъ для штурмованія крѣпости. Видя невозможность атаковать Петербургъ съ сей стороны, Генералъ Майдель пошелъ къ Шлиссельбургу и, не доходя онаго, переправилъ часть войскъ на противуположный Невскій берегъ; но и тутъ не имѣлъ успѣха, ибо Брюсъ, узнавъ о семъ новомъ покушеніи, немедленно выступилъ сухимъ путемъ и водою, и вытѣснилъ Шведовъ. Послѣ того непріятель, сдѣлавъ еще неудачное покушеніе около Шлиссельбурга, отступилъ обратно къ Выборгу.

Такимъ образомъ храбрость Россійскихъ войскъ и твердость ихъ предводителей, восторжествовавъ надъ многочисленностію, уничтожали всѣ непріятельскія покушенія и усилія. Блистательная защита Кронштота и Котлина доставила раждавшемуся на Балтикѣ Русскому флоту равновѣсіе съ флотомъ Шведскимъ. Петербургъ былъ спасенъ, и пушечные выстрѣлы съ валовъ Петропавловской крѣпости заключили благодарственное Господу Богу молебствіе, совершенное въ церкви оной, за ниспосланную Имъ побѣду.

Петръ, отвлеченный разными обстоятельствами, не могъ посѣтить Петербурга въ продолженіе всего 1705 года; но и въ его отсутствіе обстроеваніе города продолжалось съ прежнею дѣятельностію. Опасность, угрожавшая со стороны Финляндіи, побудила, еще до нашествія Майделя, заложить на

Петербургскомъ островѣ, передъ крѣпостью, земляной кронверкъ, съ водянымъ рвомъ и палисадомъ, а умножившееся народонаселеніе было поводомъ къ построенію, поблизости Царскаго домика и дома Меньшикова, деревянныхъ лавокъ, и около ихъ большихъ *торговыхъ рядовъ*, гдѣ продавалась смѣсь всякихъ товаровъ. Къ сему же году принадлежитъ первое заселеніе лѣваго Невскаго берега небольшимъ числомъ иностранцевъ, также чиновниковъ и служителей морскаго вѣдомства. Первые изъ нихъ строили для себя малые деревянные домы, отъ Адмиралтейства къ верху, а другіе къ низу Невы, вдоль по набережной въ одну линію.

Не смотря на безпокойства, наводимыя Шведами на Петербургскихъ жителей, число ихъ безпрестанно возрастало. Финны, Эстляндцы, Лифляндцы, и даже самые Шведы, лишенные въ продолженіе войны своихъ жилищъ, приходили селиться въ новостроимый городъ, если не охотно, то по необходимости. Иноземные художники, ремесленники и матрозы также являлись цѣлыми семействами, для снискиванія пропитанія. Охотнѣе всѣхъ пріѣзжали въ Петербургъ мелочные торговцы, въ особенности изъ Новагорода. Кромѣ того, Татары и Калмыки, вызванные изъ дальныхъ странъ для крѣпостной работы, добровольно оставались въ Петербургѣ тысячами, ибо работая для

частныхъ людей по найму, пріобрѣтали чрезъ то столько денегъ, что могли строить собственные свои домы, подъ которые отводилась имъ безденежно земля, равно какъ и потребный лѣсъ. Если ко всѣмъ симъ поселенцамъ прибавить еще являвшихся изъ бѣговъ солдатъ, каковыхъ въ царствованіе Петра Великаго, особенно въ первой половинѣ, бывало весьма много, и которыхъ повелѣвалось отправлять на работы въ Петербургъ, и наконецъ, ко всему присовокупить гарнизонныя войска, коихъ число безпрестанно увеличивалось, то можно ли удивляться, что въ столь короткое время на мѣстахъ бѣдныхъ хижинъ возникли цѣлые ряды домовъ и улицъ, и безмолвныя пустыни, каковыми до того были мѣста, омываемыя устьями Невы, обратились въ населенный городъ?

1706. — Царь, невидѣвшій Петербурга около полутора года, прибылъ туда въ исходѣ Марта, и столько былъ всѣмъ доволенъ, что писалъ къ Меньшикову, находившемуся при арміи: « *Съ Бо-* « *жіею помощію я здѣсь нашелъ все изрядно*, и « *живу какъ въ раю.* » Особенно порадовала его, заложенная въ 1704 году, корабельная верфь, строеніе которой, производившееся съ возможною поспѣшностію, было окончано менѣе нежели въ годъ, включая и зимніе мѣсяцы. Верфь сія состояла

тогда единственно изъ десяти элинговъ (*), и вокругъ оныхъ, съ трехъ сторонъ, деревянныхъ сараевъ, изъ которыхъ средній (около нынѣшнихъ главныхъ воротъ) имѣлъ небольшую башню со шпицомъ. Все сіе окружалъ небольшой земляной валъ съ палисадомъ. Жилое строеніе, принадлежавшее къ верфи и заключавшееся въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, или, справедливѣе, избахъ, изъ предосторожности отъ пожара, стояло за валомъ на обширномъ лугу, образовавшемся отъ лѣса, вырубленнаго вокругъ Адмиралтейства.

На сей разъ Царь оставался въ Петербургѣ только до 1-го Іюня, заложивъ 30-го Мая, въ день своего рожденія, вмѣсто земляного *Меньшикова* бастіона, каменный. Въ его отсутствіе не произошло ничего замѣчательнаго, кромѣ случившагося лѣтомъ взрыва пороховаго погреба, едва необратившаго въ развалины крѣпости и находившихся въ ней строеній. Число домовъ безпрерывно умножалось, какъ на Петербургскомъ островѣ, такъ и на противуположномъ берегу Невы, по сторонамъ Адмиралтейства; у Кронштота же и Котлина, гдѣ, отъ вскрытія водъ до закрытія оныхъ, стоялъ флотъ, подъ начальствомъ неутомимаго

(*) Элингомъ называлось то самое мѣсто, на которомъ строится корабль, или иное мореходное судно.

Крюйса, всѣ дѣйствія ограничившись однимъ крейсированіемъ Шведскихъ судовъ. 7-го Сентября Петръ прибылъ прямо на флотъ, а на другой день и въ Петербургъ, гдѣ увидѣвъ съ неудовольствіемъ неправильное расположеніе домовъ, повелѣлъ проводить между ними прямыя улицы, и тою же осенью снарядилъ экспедицію къ Выборгу — экспедицію, непмѣвшую важныхъ послѣдствій, но ознаменованную геройскимъ мужествомъ горсти Россіянъ. По соединеніи подъ Выборгомъ войскъ, Царь, находившійся при нихъ лично, послалъ на малыхъ лодкахъ отрядъ, состоявшій изъ 52 человѣкъ гвардейскихъ и флотскихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, для завладѣнія купеческими судами, выходившими изъ Выборга въ море. По причинѣ тумана, лодки по ошибкѣ подошли къ Шведскому адмиральскому боту, имѣвшему болѣе ста человѣкъ экипажа и вооруженному четырьмя пушками. Но сіе не остановило храбрыхъ: не взирая ни на явное неравенство въ силахъ, ни на упорное сопротивленіе Шведовъ, ни на самую помощь, оказанную симъ послѣднимъ другимъ подоспѣвшимъ ботомъ, — атакующіе, бывъ ободрены примѣромъ начальствовавшаго ими, Преображенскаго полка Сержанта Щепотьева, овладѣли судномъ. Но побѣда сія была куплена дорогою цѣной: изъ всего отряда остались въ живыхъ осмнадцать человѣкъ, и изъ тѣхъ только четверо не были ранены. Въ числѣ

убитыхъ находился и храбрый Щепотьевъ. Признательный Монархъ, наградивъ оставшихся въ живыхъ, почтилъ и память падшихъ, повелѣвъ тѣла ихъ отправить въ Петербургъ, и тамъ предать землѣ съ особенными почестями. — Простоявъ четверо сутокъ подъ Выборгомъ безъ надежды овладѣть онымъ, Петръ повелѣлъ войскамъ отступить, и 4-го Ноября возвратился въ Петербургъ, 10-го же слѣдующаго мѣсяца отбылъ, чрезъ Нарву, къ арміи. Въ сей промежутокъ времени неудачу осады вознаградило радостное извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Меньшиковымъ (18 Октября) при Калишѣ надъ Шведскимъ Генераломъ Мардефельдомъ, — побѣдѣ, *какой*, по выраженію Петра, *еще никогда не бывало*. Царь праздновалъ три дня сряду сей новый успѣхъ своего оружія, и въ домѣ своего любимца, виновника празднествъ, пилъ за его здоровье.

1707. — Съ наступленіемъ весны явились въ Петербургъ, собранные по Царскому указу съ ближайшихъ къ оному городовъ и деревень, 15 т. работниковъ. Изъ нихъ 6 т. поступили въ распоряженіе Брюса, завѣдывавшаго крѣпостными, а остальныя 9 т. къ Оберъ-Коммисару Сенявину, надзиравшему за городскими работами. Чрезъ три мѣсяца смѣнила ихъ вторая, равночисленная очередь. Каждый работникъ получалъ, сверхъ хлѣб-

наго жалованья, плату по полтинѣ на мѣсяцъ. Съ симъ числомъ людей было приступлено къ каменному строенію еще двухъ бастіоновъ: *Головкина* и *Зотова*, которые, вмѣстѣ съ бастіономъ Меньшикова, составляли фасы крѣпости, обращенные къ Петербургскому острову, какъ сторонѣ, въ то время болѣе прочихъ подверженной нападенію Шведовъ. Въ валѣ кронверка, по всему его протяженію, строились каменныя казармы для гарнизона, а внутри учреждалась верфь для галеръ и другихъ судовъ гребнаго флота. 23-го Октября Царь прибылъ въ этомъ году во второй разъ, посѣтивъ на пути Новгородъ, Ладогу и Шлиссельбургъ, и въ кратковременное сіе пребываніе сочетался бракомъ съ наслѣдовавшею по немъ Престолъ Императрицею Екатериною I. Столь достопамятное событіе, если вѣрить показаніямъ, выдаваемымъ за современныя и истинныя, происходило слѣдующимъ образомъ. Въ сумерки, неизвѣстно какого числа, Петръ, остановившійся по обыкновенію въ скромномъ своемъ домикѣ, подлѣ крѣпости, приказываетъ подать сани, садится въ нихъ съ Екатериною, и велѣвъ стать назади Брюсу, ѣдетъ чрезъ покрытую льдомъ Неву, въ узкое, лѣсистое, самое уединенное подъ Петербургомъ мѣсто, лежащее у взморья, за устьемъ Фонтанки. Доѣхавъ туда, сани останавливаются у небольшой деревянной церкви, болѣе походившей на ча-

совню, и почти занесенной снѣгомъ. Брюсъ приводитъ священника, и при блѣдномъ мерцаніи лампады, совершается бракъ одного изъ величайшихъ Монарховъ, безъ пышности и безъ иныхъ свидѣтелей, кромѣ Брюса. Въ какой именно церкви, въ чье имя, кѣмъ и когда она сооружена, когда перестроена или сама разрушилась отъ времени, все сіе остается почти такою же тайной, какъ тайно былъ совершенъ бракъ Петра и Екатерины (*).

Къ другимъ примѣчательнымъ событіямъ сего года принадлежитъ случившійся осенью пожаръ, едва необратившій въ пепелъ всѣхъ строеній на Петербургскомъ островѣ. По счастію, мѣры были приняты въ самой скорости; нѣсколько домовъ сгорѣли до основанія, но Царская щедрость не замедлила вознаградить всѣ убытки. Аптека, построенная въ бастіонѣ Меньшикова, украсилась прекрасными медикаментами и сосудами изъ Китайскаго фарфора, и послѣдовало повелѣніе, чтобы оная снабжала лекарствами всю Россію. Наконецъ, заботливостію Царя, обращавшаго неослабное вни-

(*) Мы имѣемъ однако же справедливое основаніе полагать, что церковь сія была на мѣстѣ нынѣшней церкви Св. Екатерины Мученицы, находящейся Нарвской части въ Екатерининскомъ переулкѣ [на картѣ V. № 94-й] (смотри описаніе церкви въ 15 главѣ).

маніе на все, что̀ относилось къ главнымъ нуждамъ преобразованнаго имъ Государства, приписаны были для исправленія корабельныхъ работъ, въ томъ числѣ и Петербургскихъ, деревни, лежащія между рѣками Свирью и Волховомъ. Приводя сей новый знакъ заботливости Петра Великаго о морскихъ силахъ Россіи, неизвинительно было бы умолчать, что въ пребываніе его въ Петербургѣ, любимѣйшія его занятія состояли въ посѣщеніи Адмиралтейства и въ личныхъ распоряженіяхъ на верфяхъ (*).

1708. — Петербургъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый, въ 1708-мъ году, т. е. чрезъ пять лѣтъ по его основаніи, уже могъ въ полномъ смыслѣ называться городомъ — и городомъ Европейскимъ, ибо главные его жители были бо̀льшею частію или иностранцы, или хотя и Русскіе, но люди чиновные, уже перенявшіе образъ жизни и обычаи просвѣщенныхъ Европейцевъ. Петръ видѣлъ съ восхищеніемъ плоды трудовъ, подъятыхъ имъ для созданія Петербурга, и желалъ сдѣлать

(*) Въ собраніи видовъ одинъ изъ листовъ изображаетъ Петра I-го, присутствующаго при работахъ въ С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ; картинка сія скопирована съ современнаго эстампа, гравированнаго въ С.-Петербургѣ.

участниками своего удовольствія особъ, близкихъ ему по родственнымъ связямъ. Сбираясь къ веснѣ въ Невскій свой городъ, онъ пригласилъ посѣтить оный вдовствовавшую супругу Царя Іоанна Алексѣевича съ тремя дочерьми ея, Царевнами Екатериною, Анною и Параскевісю, равно и трехъ сестеръ своихъ, Царевенъ Наталію, Марію и Ѳедосіею, кои знали Петербургъ только по слуху, ибо жили постоянно въ Москвѣ, хотя уже во многомъ заимствовавшей Европейскую образованность, но во многомъ еще сохранявшей обычаи старины.

27-го Марта Царь прибылъ въ быстровозникавшій свой Петербургъ, и, дождавшись вскрытія водъ, 19-го Апрѣля отправился въ Шлиссельбургъ съ десятью буерами, для пріема ѣхавшихъ изъ Москвы Царицы и Царевенъ. На утро, не доѣзжая осьми верстъ до истока Невы, Петръ встрѣтилъ Августѣйшихъ своихъ гостей, и цмѣлъ съ ними торжественный въѣздъ въ Шлиссельбургъ. Оттуда чрезъ пять дней Царь и особы его фамиліи поѣхали на разцвѣтившихся флагами буерахъ къ Петербургу. За четыре версты до города встрѣтилъ ихъ Адмиралъ Апраксинъ, выѣхавшій на яхтѣ и салютовавшій изъ пушекъ; въ самомъ же городѣ въѣздъ ихъ былъ возвѣщенъ пушечнымъ громомъ съ крѣпостныхъ валовъ.

Петръ, помѣстивъ гостей въ домѣ Меньшикова

который хотя и находился въ отсутствіи при арміи, но сохранялъ Губернаторское званіе, не удовольствовался показаніемъ имъ всего примѣчательнаго въ Петербургѣ, но еще ѣздилъ съ ними на трое сутокъ въ Кронштадтъ, со 2-го по 5-е Мая. Но сколько присутствіе Царицы и Царевенъ ни было пріятнымъ Петру; и сколько ни было предметомъ его особеннаго вниманія, оно не отвлекало его отъ занятій государственныхъ. По повелѣнію его, начальствовавшій галернымъ флотомъ, Шаутбенахтъ Графъ Боцисъ, отправился отъ Кронштадта съ шестнадцатью скампавеями и бригантинами къ городу Борго, лежащему на сѣверномъ берегу Финскаго залива. Не смотря на пребываніе Шведскаго флота у Выборга, Боцисъ счастливо достигъ назначеннаго мѣста, произвелъ въ ономъ большія опустошенія и столь же счастливо возвратился къ Кронштадту. Послѣ того, въ томъ же мѣсяцѣ, были посыланы для разоренія непріятельскихъ селеній, на Березовыхъ островахъ и на Выборгскомъ берегу, небольшія флотиліи, сперва съ Полковникомъ Толбухинымъ, а потомъ съ Подполковникомъ Островскимъ. Такимъ образомъ Петръ не упускалъ ни одного случая къ нанесенію вреда непріятелю, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ доставленію большей опытности своему флоту. Но если Русскіе подобнымъ образомъ тревожили враждебныхъ имъ сосѣдей, то и сіи послѣд-

ніе едва не вымстили имъ въ томъ же году, разореніемъ Петербурга. Петръ, извѣстясь о приближеніи Карла XII-го къ границамъ Россіи, едва успѣлъ выѣхать изъ созидаемой имъ столицы, откуда вскорѣ послѣ него, въ исходѣ Іюня, отправилась въ Москву и Царская Фамилія, — какъ Апраксинъ, только что возведенный на степень Генераль-Адмирала, и назначенный Главнокомандующимъ надъ всѣми войсками, расположенными въ Эстляндіи и Ингерманландіи, получилъ вѣрное извѣстіе о приближеніи Шведовъ къ Петербургу.

Генералъ Любекеръ, смѣнившій Майделя, получивъ повелѣніе Стокгольмскаго Сената вторгнуться въ Ингерманландію, выступилъ изъ Выборга съ четырнадцати-тысячнымъ корпусомъ, и направя путь къ Невѣ, достигъ безпрепятственно большаго изгиба, или колѣна, образуемаго теченіемъ сей рѣки отъ Шлиссельбурга къ Петербургу. Апраксинъ могъ сосредоточить у сего пункта едва ли половинное число войскъ противъ Любекера, почему и прибѣгнулъ къ содѣйствію флота. По распоряженію его, Шаубинахтъ Боцисъ, поспѣшивъ отъ Кронштата съ осьмью скампавеями, сталъ на Невѣ, между рѣкъ Мги и Мойки, а Капитанъ-Поручика Гельма съ пятью бригантинами поставилъ ниже, близъ устья Ижоры. Въ самомъ Петербургѣ все приготовлялось къ отраженію непріятелей: хлѣб-

ные запасы были большею частію убраны въ крѣпость; чего не успѣли убрать, то сожгли, и жители между страхомъ и надеждою ожидали развязки дѣла.

Таковы были состояніе столицы и мѣры, принятыя для ея защиты, когда 28-го Августа, Графъ Боцисъ увѣдомилъ Апраксина, распоряжавшагося въ городѣ, что Шведы прошивъ устья Мги устроиваютъ баттарею. По сему донесенію, Генералъ-Адмиралъ двинулъ къ сему пункту всѣ свои войска; но движеніе сіе было напрасно, ибо непріятель показывалъ только видъ, будто намѣренъ переправиться въ семѣ мѣстѣ, между тѣмъ, какъ для настоящей переправы избралъ пунктъ, въ трехъ верстахъ ниже устья рѣки Тосны и, слѣдовательно, гораздо ниже Мги. Въ слѣдствіе извѣщенія Боциса, Апраксинъ отправился къ сей послѣдней рѣкѣ; но увидѣвъ, еще не доѣзжая Тосны, что непріятель уже приготовился къ переправѣ, послалъ приказъ, чтобы войска немедленно обратились для воспрепятствованія оной.

Распоряженіе сіе было уже поздно. Пѣхота и кавалерія, въ силу перваго приказа, находились на пути ко Мгѣ, и потому не могли подоспѣть ко времени. Шведы, между тѣмъ удачно отстранивъ препятствія, устроили пять плотовъ, каждый изъ осьми понтоновъ, связанныхъ вмѣстѣ; поса-

дили на оные 1500 человѣкъ пѣхоты, и такимъ образомъ начали переправу. Войска, бывшія на плотахъ, приблизились смѣло къ противоположному берегу, но въ то же самое время, опряженныя Капитанъ-Поручикомъ Гельмомъ двѣ бригантины, подъ командою Поручика Лоренца и Подпоручика Сенявина, неустрашимо приблизясь къ понтономъ на ближайшій пушечный выстрѣлъ, открыли столь жестокій огонь, что принудили переправлявшихся итти назадъ къ лѣвому берегу. Тогда Шведы, въ свою очередь, посыпали на бригантины градъ картечей и ядеръ съ баттареи, устроенной на берегу, въ лѣсу, и столь удачно, что оба судна, получивъ подводныя пробоины, потерявъ мачты и понеся весьма чувствительную потерю въ людяхъ, нашлись въ необходимости отступить. Непріятель, воспользовавшись симъ, безъ потери возобновилъ переправу, и полторы тысячи человѣкъ, приставъ безпрепятственно къ правому берегу, начали немедленно строить укрѣпленіе. Къ несчастію ихъ, подоспѣли туда 400 Русскихъ драгунъ, а за ними вскорѣ еще баталіонъ пѣхоты съ тремя орудіями, и рѣшительно устремились на окапывавшихся Шведовъ; но сіи уже успѣли укрѣпиться столько, что опрокинуть ихъ не было возможности. Въ продолженіе трехъ часовъ выдерживали атакующіе самую упорную битву; но, не получая подкрѣпле-

нія, — ибо остальныя войска еще не подоспѣли, — принуждены были отступить съ урономъ, простиравшимся до 400 ранеными. Непріятель, удержавшійся въ укрѣпленіи, сталъ твердою ногой на правой сторонѣ Невы, и въ теченіе немногихъ дней переправился весь его корпусъ.

При неудачѣ перваго предпріятія и при слабыхъ силахъ Апраксина, положеніе его было весьма затруднительно, а защита Петербурга почти безнадежна; но, къ счастію для столицы, Любекеръ учинилъ важную ошибку, въ послѣдствіи разстроившую, едва не погубившую его корпусъ. Вторгаясь въ лѣсистую, болотистую, безплодную и почти безлюдную Ингерманландію, онъ полагалъ найти въ сей странѣ обильное продовольствіе, и обманулся. Съ самаго перваго шага его на правый берегъ Невы, онъ хотя и отразилъ одного непріятеля Русскихъ, но за то встрѣтилъ другаго, непреоборимаго — голодъ и холодъ въ такой степени, что не только солдаты, но даже офицеры нашлись принужденными убивать своихъ лошадей и питаться ихъ мясомъ. Надѣясь найти продовольствіе далѣе, въ глубинѣ Ингерманландіи, гдѣ селенія становились чаще и людиѣе, Шведскій Генералъ уже не пошелъ на Петербургъ, а обратился къ Дудергофу и Сиворицамъ, около нынѣшняго Краснаго Села; но и тутъ не имѣлъ удачи, ибо казаки Апраксина выжигали всѣ се-

ленія, гдѣ только непріятель могъ бы найти продовольствіе. Между тѣмъ Русскія войска не оставались въ праздности, и хотя по своей малочисленности избѣгали общаго сраженія, но за то изнуряли и умеьшали Шведскій корпусъ частными нападеніями. Наконецъ, истомляемый голодомъ, ослабляемый побѣгами и переходами солдатъ на сторону Русскихъ, и почитая бѣдственнымъ обратиться на прежній путь, Любекеръ рѣшился приблизиться къ морю, гдѣ, какъ предполагалъ, крейсировала эскадра Адмирала Анкерстіерны. Въ критическомъ своемъ положеніи, онъ обратился къ Копорью, въ надеждѣ получить тамъ продовольствіе, разбилъ защищавшія городъ войска; но узнавъ изъ захваченныхъ при семъ случаѣ бумагъ о намѣреніи Апраксина собрать разсѣянныя по Ингерманландіи войска, и потомъ ударить на Шведовъ, поспѣшно направилъ путь къ морскому берегу, къ урочищу Сойкиной горѣ, противъ которой стоялъ Анкерстіерна. Тамъ, въ первой половинѣ Октября, Шведскія войска сѣли на суда, для переѣзда въ Выборгъ, предавъ наперед пламени весь свой обозъ и убивъ до 5 т. лошадей. Генералъ-Адмиралъ, узнавъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, и полагая съ увѣренностью, что по причинѣ бурныхъ погодъ, непріятель долженъ употребить довольно времени для переѣзда на флотъ, пошелъ атаковать остававшихся на берегу. Пред-

положеніе Апраксина оправдалось: два непріятельскіе баталіона, еще неуспѣвшіе перебраться на суда, были 16 Октября окружены, и по упорнѣйшемъ, кровопролитномъ боѣ, истреблены совершенно.

Такъ окончилась, сначала грозная и опасная для Петербурга, послѣ для самихъ Шведовъ, несчастная экспедиція Любекера. Причинивъ сему городу большія безпокойства и даже нѣкоторые убытки, она не менѣе того была и полезна для онаго, тѣмъ, что навсегда прекратила безуспѣшныя вторженія Шведовъ въ Ингерманландію и въ завоеванную часть Кореліи, гдѣ уже все покорялось твердой волѣ Петра и двигалось по его мановенію. Чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Графское достоинство были наградами Апраксину, который въ началѣ хотя и не успѣлъ заслонить Любекеру путь къ Петербургу, но за то въ послѣдствіи совершенно истомилъ и, не вступая въ сраженіе, разстроилъ его войска. Къ примѣчательнымъ обстоятельствамъ того же 1708 года принадлежитъ построеніе Протестантской церкви на Адмиралтейской сторонѣ, въ домѣ Вице-Адмирала Крюйса (*). Мы уже видѣли выше, что

(*) Домъ сей стоялъ на нынѣшней Дворцовой набережной, между угломъ Зимняго дворца, выдающимся къ Адмиралтейству и Зимнему каналу, ближе къ сему послѣднему.

лѣвый берегъ Невы около верфи былъ заселенъ иностранцами. Въ числѣ ихъ находился Крюйсъ, имѣвшій собственный деревянный домъ, на набережной. Петръ Великій, старавшійся привлекать въ свое Государство сколько можно болѣе чужестранцевъ, свѣдущихъ въ Наукахъ, Художествахъ и ремеслахъ, еще въ 1702-мъ году подтвердилъ дозволеніе строить въ Россіи иновѣрческія церкви. По основаніи Петербурга, для оныхъ даже были отведены мѣста на Адмиралтейской сторонѣ; но, по незначительному еще числу жителей, а болѣе по недостаточному ихъ состоянію, упомянутыя мѣста долго оставались незастроенными. Хотя на Петербургскомъ островѣ и существовала церковь для Лютеранъ, перенесенная туда изъ крѣпости, но какъ бо́льшая часть иностранцевъ жила на другой сторонѣ Невы, къ тому же и переѣздъ на судахъ чрезъ рѣку при непогодахъ и во время льда былъ не всегда безопасенъ и возможенъ, то Крюйсъ, ревностный Лютеранинъ, испросилъ у Царя дозволеніе построить на дворѣ своего дома небольшую деревянную церковь, которая и была окончена въ 1708-мъ году. Церковь сія, освященная во имя Св. Апостола Петра, имѣла крестообразный видъ, и посѣщалась поочередно, чрезъ Воскресенье, Лютеранами и Реформатами: доказательство, какое уже въ то время существовало братское согласіе между Петербургскими жите-

лями сихъ обоихъ исповѣданій. Первымъ проповѣдникомъ оной былъ Вильгельмъ Толль, ученый мужъ, приглашенный Крюйсомъ, въ началѣ 1704 года, изъ Амстердама. Церковь не имѣла колокола, а въ замѣнъ онаго выставлялся флагъ Крюйса, т. е. обыкновенный флагъ Вице-Адмирала Русскаго флота. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ прихожанами Толля были Нѣмцы, Голландцы и Англичане; Шведы же, Эстонцы и Финны, какъ жители Петербургскаго острова, примущественно посѣщали церковь, находившуюся въ сей сторонѣ города, около нынѣшней церкви Св. Апостола Матвѣя.

Въ семъ же самомъ году Царь началъ обращать вниманіе на Петербургскія окрестности. Какъ мы уже видѣли, вся Ингерманландія находилась въ его власти; но страна сія, довольно обширная, была скудна народонаселеніемъ, ибо число ея жителей, и безъ того незначительное, уменьшилось еще болѣе отъ войны, возникшей между Россіею и Швеціей. Большая часть деревень совершенно опустѣла; прочія состояли изъ одного или двухъ, много трехъ дворовъ. Это безлюдье не могло не обратить на себя вниманія заботливаго Петра, не желавшаго, чтобы Петербургъ, назначаемый для большаго населенія и обширной торговли, окружаемъ былъ пустынею. Съ сею цѣлію онъ принялъ намѣреніе заселить Ингерманландію, какъ

можно скорѣе, природными Россіянами, дабы, такъ сказать, *обрусить* страну сію, и не предоставлять дикой ея природы, требовавшей прилежнаго воздѣлыванія, однимъ туземнымъ жителямъ, слабымъ физическими силами и не столько радивымъ къ работѣ, какъ крестьяне Русскіе. Рѣшась на сіе, Петръ счелъ лучшимъ раздавать земли, и началъ шѣмъ, что подарилъ Супругѣ своей нѣсколько мызъ: Пурколо (Пулково), Славянку, Анзель (нынѣ Колпино), Кононово и Мозино, въ которыхъ находилось 95 деревень, 11 пустошей и 200 дворовъ; во всей же Ингерманландіи считалось 1,164,313 десятинъ годной земли и 11,554 двора. Царевичъ Алексѣй Петровичъ получилъ деревни Купчино и Сугари, а Царевна Наталія Алексѣевна, любимая сестра Петра Великаго, мызу Гапчино, съ принадлежавшими къ ней, при Шведскомъ владѣніи, селеніями и угодьями. Въ послѣдствіи раздавались земли частнымъ людямъ, изъ коихъ всѣхъ болѣе получилъ Меньшиковъ: почти одиннадцатую часть дворовъ всей Ингерманландіи.

18-го Декабря, при первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, Петербургъ былъ названъ главнымъ городомъ губерніи Ингерманландской, состоявшей всего на всего изъ тридцати двухъ городовъ, въ томъ числѣ Ямбурга (бывшій Ями) и Копорья, подаренныхъ Царемъ Меньшикову.

1709. — Въ 1709-мъ году началось каменное строеніе бастіона *Трубецкаго*, и по прежнему умножилось число домовъ на Петербургскомъ и Адмиралтейскомъ островахъ, изъ которыхъ послѣдній, омываемый Большою Невою, рѣчкою Мьею и нижнею частью Фонтанки, не извѣстно почему назывался *Кононовымъ*. Петръ Великій, отвлеченный отъ береговъ Балтійскаго моря разными важными обстоятельствами, какъ-то: присутствіемъ Шведской арміи въ Украйнѣ, возмущеніемъ Донскаго казака Булавина и измѣною Малороссійскаго Гетмана Мазепы, не могъ посѣтить Петербурга въ продолженіе полутора года. Наконецъ, 23-го Ноября, въ день имянинъ своего сподвижника, Меньшикова, прибылъ опъ къ берегамъ Невы, какъ герой Полтавскій, побѣдитель Карла XII, и признательный къ Подателю побѣдъ, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, заложилъ на Выборгской сторонѣ, поблизости берега, небольшую деревянную церковь съ кладбищемъ во имя Св. Самсона Страннопріимца, въ день коего совершилась знаменитая битва при Полтавѣ. Побѣда, при семъ городѣ одержанная на Югѣ Россіи, имѣла рѣшительное вліяніе на Сѣверъ сего Государства, ибо упрочила существованіе Петербурга, о которомъ Царь съ поля сраженія писалъ къ Генералъ-Адмиралу Апраксину: «*Камень основанія Нев-*
«*скаго города нашего наконецъ утвердился.*»

Видя себя, съ совершеніемъ сего великаго подвига, спокойнымъ владѣтелемъ Ингріи и большей части Кореліи, Петръ повелѣлъ, чтобы Министры его и другія знатныя особы переселялись въ Петербургъ; и съ того времени городъ сей сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова столицею. Для отвращенія пожаровъ, не разъ угрожавшихъ обратить въ пепелъ весь городъ, повелѣно было строить домы каменные, или, по крайней мѣрѣ, мазанковые.

Для привлеченія въ новую Столицу торговли, Царскіе Послы еще прежде повѣстили всѣмъ чужестраннымъ Дворамъ о прочномъ основаніи сего приморскаго города, и обѣщали желающимъ производить съ онымъ торгъ всѣ возможныя выгоды. Съ Франціею былъ заключенъ особый трактатъ, относившійся до коммерціи, а Италіянскимъ торговымъ Державамъ было повѣщено, что если суда ихъ будутъ приходить къ Петербургу, то обыкновенная пошлина съ оныхъ будетъ уменьшена до половины. Равнымъ образомъ велись по сему предмету переговоры съ богатыми городами: Любекомъ, Гамбургомъ и Данцигомъ. Петръ, не довольствуясь доставленіемъ новопостроенному городу одной иностранной торговли, пожелалъ сдѣлать его мѣстомъ складки отечественныхъ произведеній, и на сей конецъ вознамѣрился открыть для него водяное сообщеніе съ внутренними губерніями Россіи. Соединеніе Ладожскаго озера съ Вол-

гою представляло способы къ достиженію столь полезной цѣли: для приведенія предположенія сего въ дѣйство, поручено было Инженеру Перри, еще за девять лѣтъ предъ тѣмъ вызванному изъ Англіи, осмотрѣть разные водяные пути между озеромъ и рѣкою, и объ удобнѣйшемъ донести Государю; но предпріятіе сіе встрѣтило столько неудобствъ въ мѣстномъ положеніи, что осталось неисполненнымъ. Занимаясь въ Петербургѣ шаковыми распоряженіями, Царь, окруженный знатнѣйшими особами Государства, торжественнымъ образомъ ознаменовалъ 30-го Ноября кавалерственный праздникъ Ордена Св. Андрея Первозваннаго. Въ сей день, въ домѣ Меншикова, угощаемы были обѣденнымъ столомъ всѣ находившіеся въ столицѣ Министры, Генералы, морскіе и сухопутные офицеры, и тостъ за здравіе Полтавскаго героя былъ возглашенъ при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ на площади, вправо отъ кронверка, былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, состоявшій, кромѣ множества обыкновенныхъ ракетъ, изъ разныхъ эмблематическихъ изображеній, относившихся до происшествій того года, и между прочимъ изъ щита, представлявшаго орденскій крестъ Св. Андрея. Все сіе для многихъ Петербургскихъ жителей представляло зрѣлище совершенно новое, ибо, какъ извѣстно, до Петра Великаго фейерверки въ Россіи были вещью

невиданною. 6-го Декабря Царь, при многочисленномъ стеченіи зрителей, собственными руками заложилъ на Адмиралтейской верфи 54-пушечный корабль *Полтава*, названный такъ въ память незабвенной побѣды надъ Карломъ XII-мъ, а 7-го отъѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его торжественная встрѣча.

1710. — Возвратясь въ Петербургъ 21-го Февраля, ранѣе нежели когда либо въ предшествовавшіе годы, Царь засталъ уже тамъ до 15 т. рабочаго народа, и немедленно предпринялъ походъ къ Выборгу, коего осада въ 1706-мъ году была неудачна. Къ столь скорому предпріятію побудило Петра Великаго то обстоятельство, что въ крѣпости находилось не болѣе четырехъ тысячъ гарнизона; ибо Генералъ Любекеръ, къ корпусу коего оный принадлежалъ, желая доставить войскамъ лучшія квартиры, удалился съ ними въ глубь Финляндіи, не ожидая, чтобы Россіяне такъ рано приступили къ осадѣ

Для отнятія у Шведовъ возможности усилить гарнизонъ, надлежало подойти къ крѣпости нечаяннымъ образомъ и съ такой стороны, откуда непріятель ожидалъ того наименѣе. На сей конецъ Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ, на коего Царь возложилъ осаду, собравъ на Котлинѣ пять тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ десятью 12-ю-фун-

новыми пушками и тремя мортирами, 15-го Марта выступилъ по льду, покрывшему Финскій заливъ, и прибывъ къ крѣпости, занялъ позицію, пресѣкавшую гарнизону всѣ сообщенія съ внутренностью Финляндіи. Замерзлая поверхность земли въ окрестностяхъ Выборга и каменистая ея почва, весьма затрудняли осадныя работы; не смотря на то, съ помощію мѣшковъ, набитыхъ шерстью, траншеи были доведены до настоящихъ пунктовъ, а 1-го Апрѣля баттареи открыли огонь. Гарнизонъ, стѣсненный такимъ образомъ, находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ибо не могъ ожидать скорой помощи. Но еще хуже было положеніе осаждавшихъ отъ неимѣнія тяжелой артиллеріи, которой невозможно было доставить изъ Петербурга по рыхлѣвшему льду. Та же самая причина остановила подкрѣпленіе людьми, снарядами и съѣстными припасами. Апраксинъ, доведенный до крайности, — ибо имѣлъ только на три дня провіанта, — уже готовился снять осаду, какъ, къ величайшей его радости, 9-го Мая появился флотъ, везшій войска, артиллерію и всѣ потребные припасы. Сіе неожиданное пособіе флотомъ, въ то время, когда Финскій заливъ еще не очистился отъ льда, принадлежитъ къ числу отважнѣйшихъ предпріятій, сохраненныхъ Исторіею, и тѣмъ болѣе примѣчательно, что было плодомъ смѣлыхъ соображеній того великаго генія, который,

озаривъ Россію просвѣщеніемъ, поставилъ ее на ряду первостепенныхъ Державъ цѣлаго Міра. Петръ, предвидя уже, въ какомъ сомнительномъ положеніи долженствовалъ находиться осадный его корпусъ, лишенный самыхъ необходимыхъ потребностей, въ первыя минуты вскрытія льда на Невѣ, отправилъ (25-го Апрѣля) зимовавшіе въ Петербургѣ корабельный и галерный, или гребной флоты, первый подъ начальствомъ Вице-Адмирала Крюйса, а второй Шаубшахта Боциса, посадивъ на оные 10 т. войска, въ томъ числѣ обо полка Гвардіи. Чтобы имѣть понятіе о тогдашней многочисленности морской силы, созданной Петромъ для Балтійскаго моря, стоитъ только бросить взглядъ на порядокъ, въ какомъ флоты шли 1-го Мая отъ Кронштота къ Выборгу.

Первую или передовую линію составляли семь 24-хъ-пушечныхъ фрегатовъ, изъ коихъ на среднемъ развѣвался Вице-Адмиральскій флагъ Крюйса, во второй и третьей линіяхъ 18 малыхъ судовъ, какъ-то: шнявъ, бригантинъ, бомбардирскихъ вооруженныхъ ботовъ, и проч., имѣвшихъ на флангахъ по фрегату; въ четвертой и пятой по семи шнявъ, а въ шестой два такія же судна и двѣ скампавеи; зашемъ слѣдовалъ флотъ Графа Боциса, который составляли шесть линій, каждая изъ девятнадцати судовъ; а въ заключеніи шли пять большихъ галеръ. Таково было шествіе

флота, состоявшаго изъ 226 судовъ, построенныхъ не болѣе какъ въ теченіе осьми лѣтъ, — шествіе, величественное и, конечно, восхитительное для Петра, виновника онаго, лично находившагося на флотѣ подъ начальствомъ Крюйса, въ званіи корабельнаго Шаубинахта.

Въ такомъ порядкѣ прошелъ флотъ двадцать верстъ, когда сильный ледъ, остановивъ дальнѣйшее его плаваніе, повидимому, содѣлывалъ невозможнымъ приближеніе къ Выборгу. Но Петръ не зналъ препятствій. Казалось, что съ искусствомъ управляя людьми, онъ также умѣлъ управлять и стихіями. Не смотря на очевидную преграду, противопоставляемую самою Природою, Монархъ отправился лично впередъ, и цѣлыя сутки изыскивалъ средства пройти сквозь спершіяся льдины. Когда всѣ исканія оказались тщетными, — на кораблѣ Крюйса собранъ былъ Совѣтъ, и въ ономъ принято мнѣніе Царя: разбить ледъ большими судами. Въ слѣдствіе того были посланы, одинъ 24-хъ-пушечный фрегатъ и еще бомбардирскій галіотъ, какъ наибольшіе изъ всего флота; съ наполненными парусами пошли они противъ льда, разбили оный на нѣкоторомъ пространствѣ и потомъ бросили якорь. Такимъ образомъ очищенъ былъ путь для прочихъ судовъ, кои, держась какъ можно ближе одно за другимъ, пробрались до Березовыхъ острововъ, сквозь льдины, не-

причинившія флоту никакого вредa, кромѣ потери трехъ небольшихъ транспортовъ.

Прибытіе флота перемѣнило обстоятельствa, и осада приняла ходъ рѣшительный. По свезеніи на берегъ войскъ, артиллеріи, военныхъ припасовъ и провіанта, Царь отправился съ корабельнымъ флотомъ назадъ къ Кронштлоту, оставя галерный у Выборга, и 14-го возвратился въ С.-Петербургъ. 27-го прибылъ туда Князь Меньшиковъ, встрѣченный у Красного кабачка (принадлежавшаго Генералъ-Адмиралу Апраксину) знатными особами, въ томъ числѣ Датскимъ и Польскимъ Посланниками и даже самимъ Государемъ, который, къ довершенію сей почести, повелѣлъ при въѣздѣ своего любимцa, привѣтствовать его пушечными выстрѣлами съ крѣпости. 30-е Мая, день Царскаго рожденія, прошло въ торжествѣ по сему случаю, а 1-го Іюня пріѣхали въ столицу Уполномоченные Курляндскаго Герцога Фридриха Вильгельма съ предложеніемъ о вступленіи его въ бракъ съ Царевною Анною, дочерью почившаго Царя Іоанна Алексѣевича. — 14-го того же мѣсяца они имѣли первую аудіенцію у Царя, желавшаго сблизиться связями родства съ Владѣтельными Домами Европы, и условившагося о бракѣ семъ съ дядею Герцога, Королемъ Прусскимъ (*). Предложеніе при-

(*) Полтавская побѣда, сокрушивъ армію Карла XII, доставила безсмертному его сопернику воз-

нято при Русскомъ Дворѣ тѣмъ охотнѣе, что оно было основано на согласіи самой Царевны и ея матери, Царицы Параскевіи Ѳеодоровны, пріѣхавшей на сей случай въ Петербургъ. — 18-го того же мѣсяца въ путешествіи Двора и всѣхъ бывшихъ въ столицѣ Россійскихъ и иностранныхъ Министровъ, происходило торжественное обрученіе Царевны съ Герцогомъ, коего мѣсто заступалъ одинъ изъ его Посланниковъ. Царевна приняла, отъ Уполномоченныхъ, портретъ будущаго своего су-

---

можность обратить снова главныя силы на берега Балтійскаго моря. Петръ видѣлъ, что для заключенія мира на желаемыхъ условіяхъ, надлежало нанести рѣшительные удары самой Швеціи въ ея нѣдрахъ, не довольствуясь поверженіемъ Короля отдаленнаго отъ своего Государства, и потому вскорѣ послѣ Полтавскаго дѣла, онъ отправился чрезъ Польшу въ Пруссію, въ намѣреніи согласить Фридриха ко вступленію съ нимъ въ союзъ противъ Швеціи; но Король уклонился отъ предложенія Русскаго Царя, вѣроятно не находя въ ономъ выгодъ для Берлинскаго Кабинета, однако же не возбранилъ свободнаго пропуска Русскихъ войскъ чрезъ Прусскія владѣнія для дѣйствій противъ Шведовъ, и укрѣпилъ дружественный союзъ съ Петромъ I, рѣшительнымъ намѣреніемъ сочетать бракомъ племянника своего, Фридриха Вильгельма, съ племянницею Царя, Царевною Анною Іоанновною. Петръ по сему случаю утвердилъ жениху потомствен-

пруга, украшенный драгоцѣнными алмазами, и по обыкновенію, обмѣнялась съ нимъ перстнями.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ Петербургѣ, осада Выборга продолжалась.

Петръ, потерявъ терпѣніе, самъ отправился туда, въ ночи на 11-е Іюня, и прибылъ въ то самое время, когда Комендантъ, не рѣшаясь выдержать угрожавшаго ему штурма, вступилъ въ переговоры. Пріѣздъ Царя ускорилъ сдачу, и 14-го числа предводимый имъ Преображенскій полкъ торжественно вступилъ въ крѣпость, за покоре-

---

ное владѣніе Курляндскимъ Герцогствомъ. Возвращаясь въ Россію, Царь заѣхалъ на пути въ столицу Курляндіи, а Герцогъ отправивъ въ Петербургъ уполномоченныхъ для явныхъ переговоровъ о бракѣ, и желая ознакомиться съ отечественниками будущей своей супруги, — посѣтилъ (въ Маѣ 1710 года) Русскій лагерь подъ Ригою, осажденною Фельдмаршаломъ Шереметевымъ, — онъ былъ принятъ блистательнѣйшимъ образомъ; замѣчательно, что сильный и роскошный Князь Меньшиковъ принесъ ему въ сіе время въ даръ драгоцѣнный сапфиръ, цѣною въ 50 т. ефимковъ, прекраснаго Турецкаго коня, дорогіе соболіи мѣха, нѣсколько другихъ предметовъ роскоши и 2000 бочекъ муки. Проживъ нѣсколько дней подъ Ригою, Герцогъ возвратился въ Митаву, а Князь Меньшиковъ направилъ путь въ Петербургъ, куда прибылъ 27 Мая, и принятъ былъ Царемъ съ чрезвычайными почестями, какъ сказано выше.

ніе коей Апраксинъ награжденъ орденомъ Св. Андрея.

Въ силу капитуляціи, гарнизону предоставлялась свобода возвратиться въ Швецію; но Петръ, справедливо негодуя на частыя нарушенія договоровъ со стороны Шведскаго Правительства, противныя святости народныхъ правъ, повелѣлъ задержать оный, до удовлетворенія его требованій. Собственность гарнизона и жителей осталась неприкосновенною, сверхъ того больные и раненные, также семейства падшихъ во время осады, получили дозволеніе оставить крѣпость и избрать путь по желанію.

Оставя въ Выборгѣ часть осаждавшихъ оный войскъ для содержанія гарнизона, Петръ отправился въ Петербургъ, и 23-го числа ввелъ въ оный баталіонъ гвардіи, несшій взятыя 58 знаменъ, кои съ большою церемоніею были поставлены въ крѣпостную церковь. 27-е Іюня, день ознаменованный Полтавскою битвою, началось молебствіемъ, по окончаніи котораго вынесены были на площадь, предъ Царскимъ домомъ, взятыя въ Выборгѣ знамена, и произведена пальба съ крѣпости, съ судовъ расположенныхъ на рѣкѣ противъ Петербургскаго острова; и изъ мелкаго оружія вечеромъ былъ сожженъ на Невѣ великолѣпный фейерверкъ, и торжество продолжалось за полночь. Съ того же времени повелѣно было праздновать сей день еже-

годно. 30-го Оберъ-Комендантъ Брюсъ выступилъ съ тремя драгунскими, двумя пѣхотными полками и двумя ротами гренадеръ, къ Кексгольму, котораго сдача, послѣдовавшая 8-го Сентября, предала во власть Петра всю Карелію.

Пребываніе Царя въ Петербургѣ въ 1710-мъ году было почти непрерывнымъ рядомъ торжествъ, по случаю успѣховъ надъ непріятельскимъ оружіемъ. Еще въ Февралѣ, до пріобрѣтенія Выборга, Русскіе покорили Элбингъ; 10-го Іюля Фельдмаршалъ Шереметевъ овладѣлъ Ригою, 8-го Августа сдалась крѣпость Динамюндъ, 15-го Перновъ, 13-го Сентября Аренсбургъ, а 29-го Генералъ Бауръ занялъ Ревель. Такимъ образомъ вся Эстляндія и Лифляндія вмѣли во власть Россіи. — Отправляясь въ Санктпетербургъ, Герцогъ Курляндскій (въ владѣніяхъ коего, равно какъ въ Лифляндіи и частію Эстляндіи, свирѣпствовало моровое повѣтріе), принужденъ былъ остановиться за три мили до Нарвы для выдержанія карантина. Царь заблаговременно повелѣлъ доставлять Герцогу столъ и прочія потребности; узнавъ же о его пріѣздѣ, послалъ ему въ подарокъ двѣ богато убранныя палатки и 400 рослыхъ кавалеристовъ, для составленія почетной Герцогской стражи, а для содержанія караула были отряжены 50 человѣкъ отъ конnаго Лейбъ-Регимента. Царевна, съ своей стороны, отправила къ жениху первое собственнору-

чное письмо. Въ половинѣ Августа Герцогъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, и остановился въ одномъ изъ домовъ на набережной Большой Невы, между Главнымъ Адмиралтействомъ и Лѣтнимъ садомъ; въ тотъ же день Царь представилъ его Царевнѣ и ея матери, съ коими онъ послѣ того видѣлся ежедневно. Со времени пріѣзда Герцога, шумъ пировъ не умолкалъ въ С.-Петербургѣ: 26-го Августа былъ великолѣпный балъ у Царицы Параскевіи Ѳеодоровны, 28-го весь Дворъ ѣздилъ въ Шлюссельбургъ для празднованія дня покоренія сей нѣкогда важной крѣпости; 9-го Октября былъ балъ у Князя Меньшикова, 10-го у Генералъ-Адмирала Апраксина, 11-го у Князя Черкаскаго, зашѣмъ у другихъ знатныхъ особъ и, въ заключеніе, вторично у Меньшикова, гдѣ пиръ продолжался до самаго утра. — Съ 17-го по 23-е Царь находился въ поѣздкѣ къ Кекскольму, и чрезъ недѣлю по возвращеніи (31-го Октября) праздновалъ бракосочетаніе своей племянницы. Мы далѣе опишемъ празднество сіе, но скажемъ предварительно нѣсколько словъ о распространеніи Петербурга, получившаго въ семъ году значительныя приращенія; шумъ торжествъ и увеселеній не препятствовалъ Петру неусыпно заниматься дѣлами государственными.

Намѣреніе Царя, утвердить въ построенномъ на Невѣ городѣ главное мѣсто своего пребыва-

нія, — намѣреніе, давно принятое, но приведенное въ исполненіе только послѣ Полтавской побѣды, привлекло въ новую столицу почти всѣхъ знатнѣйшихъ особъ Государства. Мы уже видѣли желаніе Царя: чтобы люди достаточные изъ поселившихся въ Петербургѣ, вмѣсто деревянныхъ домовъ, подверженныхъ частымъ пожарамъ, строили каменные. Первый примѣръ исполненія Царской воли подалъ Князь Меньшиковъ.

Обративъ вниманіе на красивое положеніе Лосинаго Острова, гдѣ нѣкогда стояла баштарея Поручика бомбардирской роты Василія Корчмина, онъ избралъ восточную часть онаго для построенія себѣ дома, который бы соотвѣтствовалъ важности его сана и любви его къ роскоши и великолѣпію. Съ средствами, какія имѣлъ сей знаменитый вельможа, первый любимецъ и другъ Царя, Губернаторъ города, и человѣкъ, обладающій несмѣтнымъ богатствомъ, ему нетрудно было приводить въ исполненіе самые обширные планы, если только они не превышали силъ человѣка. Съ сими средствами приступилъ онъ, еще въ 1709 г., къ построенію, на берегу Большой Невы, огромнаго каменнаго дома въ четыре этажа, съ длинными по сторонамъ трехъ-этажными флигелями и съ большимъ садомъ, простиравшимся въ ширину острова до самой Малой Невы. Не смотря на огромность работы, строеніе возникало съ невѣроят-

*

ною быспропой; къ осени 1710-го года средняя и вмѣстѣ главная часть онаго и вся набережная сторона праваго флигеля были выведены, и многіе внутренніе покои отдѣланы. Въ числѣ послѣднихъ находилась высокая зала, удивлявшая всѣхъ жителей и посѣтителей Петербурга своею обширностію: въ продолженіе многихъ лѣтъ она служила для большихъ празднествъ и баловъ. Входъ въ сію залу велъ съ набережной по широкой, красивой лѣстницѣ, а изъ самой залы былъ выходъ на просторный балконъ, съ котораго можно было обозрѣвать пространство Большой Невы, омывающей Петербургъ, и весь лѣвый ея берегъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый. Смежныя съ залою комнаты, назначавшіяся собственно для жительства Князя, были украшены по потолку и стѣнамъ небольшими бѣлыми изразцами, съ изображеніями синяго цвѣта, заимствованными частію изъ Священной, частію изъ Свѣтской Исторіи. Парадныя комнаты украшались гобеленовыми обоями, подаренными Петру въ бытность его въ Парижѣ.

Не мѣньшее великолѣпіе отличало домашнюю утварь, которая, вмѣстѣ съ краснымъ убранствомъ стѣнъ, отражалась на блестящихъ штучныхъ полахъ, изъ разноцвѣтнаго дерева. Надъ срединою набережнаго фасада, на полуовальномъ фронтонѣ, находилось лѣпное изображеніе Княжескаго

герба, а въ саду, разведенномъ въ Голландскомъ вкусѣ съ обширными прудами и оранжереею, построенное въ томъ же году двуэтажное деревянное зданіе, Италіянской архитектуры, было назначено для помѣщенія пріѣзжавшихъ къ Двору, отъ чего и называлось *Посольскими хоромами*. Все пространство сихъ двухъ домовъ съ садомъ занимало до 33 т. квадратныхъ саженъ, и заключалось между Большою и Малою Невою-чертою, на коей въ послѣдствіи построены зданія Двѣнадцати Коллегій, и нынѣшнею Кадетскою линіею.

Съ того времени Лосинный Островъ начали именовать *Княжескимъ*, или *Меньшиковымъ*, но болѣе называли его *Васильевскимъ*, по той причинѣ, что еще прежде того, Царь, посылая повелѣнія къ командовавшему на стрѣлкѣ баттареею Поручику Корчмину, обыкновенно надписывалъ на оныхъ: «*Василью на Островъ.*» Другой, не столько обширный, мазанковый домъ построилъ Меньшиковъ на Адмиралтейской сторонѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Сената. Прежній же, стоявшій около крѣпости, былъ разобранъ; одну половину его употребили для постройки дома на томъ же Лосинномъ Островѣ, у взморья, на концѣ нынѣшняго Большаго проспекта, а изъ другой сооруженъ былъ дворецъ въ городѣ Ямбургѣ, принадлежавшемъ Князю. Другой вельможа, послѣдовавшій въ 1710-мъ году примѣру Меньшикова, былъ Государствен-

ный Канцлеръ Графъ Головкинъ, построившій себѣ каменный домъ на берегу Петербургскаго острова, тамъ, гдѣ изъ Большой Невы отдѣляется Малая Невка, изъ матеріяловъ, взятыхъ, по недостатку въ плитѣ и кирпичѣ, изъ развавалинъ покинутаго Шлотбурга.

Царь, съ своей стороны, обращалъ по прежнему неутомимое вниманіе на Петербургъ, и въ теченіе одного года укрѣпилъ оный множествомъ новыхъ строеній. Въ память основанія столицы и въ признательность къ Святому Промыслу, сохранившему ее посреди стольких опасностей, заложилъ онъ на Петербургскомъ островѣ, недалеко отъ своего дома, деревянную церковь, во имя Св. Троицы. Церковь сія, сначала весьма небольшая, безъ трапезы и придѣловъ, примѣчательна тѣмъ, что въ ней почти всегда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Царская фамилія слушала Божественную литургію и самъ Царь пѣвалъ нерѣдко на клиросѣ. На небольшомъ узкомъ островѣ Поцесари, или Столбовомъ (нынѣ Петровскомъ), лежащемъ между островами Петербургскимъ и Васильевскимъ, построены въ томъ же году деревянные магазины для храненія военныхъ припасовъ, а на западной сторонѣ острова Корписари, или Елеваго (нынѣ Аптекарскаго), на берегу Средней Невки, построенъ небольшой заводъ для изготовленія пороха. Топкая, болотистая

почвъ города побудила начать въ томъ же году мощеніе улицъ жердями и фашинами, и, наконецъ, для бо̀льшаго заселенія столицы, вызваны въ оную почти изъ всѣхъ губерній цѣлыми семействами купцы, художники, и не только разные масперовые, какъ-то: столяры, плотники, кузнецы и каменьщики, но даже простые крестьяне.

Между тѣмъ, какъ все сіе приводилось въ дѣйство по повелѣнію Самодержца, сильный пожаръ истребилъ рынокъ, построенный въ 1706-мъ году близъ кронверка. Огорченіе Царя, при семъ случаѣ, увеличилось еще болѣе извѣстіемъ, что въ тѣ минуты, когда общее вниманіе было обращено на утушеніе пламени и спасеніе ближнихъ домовъ, нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ занимались расхищеніемъ вынесенныхъ на улицу пожитковъ. Хотя еще въ прежнія царствованія существовалъ законъ, обрекавшій за подобныя грабительства на смерть; но законъ сей отъ обстоятельствъ невсегда исполнялся, и зло увеличивалось. Петръ, справедливо разгнѣванный, велѣлъ произвесть строжайшіе розыски; виновные были найдены, и четверо изъ нихъ, по жребію, для примѣра другимъ, наказаны смертію на мѣстѣ преступленія. Мелочные торгаши, какъ-то ветошники, пирожники и т. п., умѣли воспользоваться досками и балками, уцѣлѣвшими отъ пожара, и, построивъ изъ оныхъ противъ кронверка два ряда шалашей, положили

тѣмъ основаніе первому *толкучему рынку* въ Петербургѣ, такъ названному отъ безпрерывно толкавшейся тамъ черни. Рынокъ сей иначе назывался въ народѣ *Татарскимъ табором*. Мало по малу число продаваемыхъ тамъ предметовъ умножалось и становилось разнообразнѣе, а вмѣстѣ съ оными увеличивалось и воровство, доходившее до такой степени, что у посѣтителей не только вышаскивали деньги и вещи изъ кармановъ, но даже срывали съ головъ шляпы.

Въ томъ же году Петръ Великій, осматривая въ Петербургѣ мѣста, кои бы можно было назначить подъ строеніе, обратилъ вниманіе на мѣсто, издавна называвшееся Викторіи, по преданію знаменитой побѣды, одержанной тамъ Александромъ Невскимъ, и избралъ оное для основанія Монастыря, въ память Державнаго Князя, прославившаго себя мужествомъ, мудрымъ правленіемъ и святою жизнію. За намѣреніемъ послѣдовало немедленное исполненіе — и тамъ, гдѣ небольшая рѣчка Черная сливается съ Невою, назначенный въ Монастырь Архимандритъ Ѳеодосій, въ присутствіи Двора, Россійскихъ и иностранныхъ Министровъ и Генералитета, и при стеченіи многочисленной толпы зрителей, водрузилъ крестъ, послужившій заложеніемъ Обители.

Выше уже замѣчено, что въ цѣль основанія Петербурга входило удобство къ содержанію въ

ономъ флота. Но какъ ни выгодно было къ тому мѣстное положеніе столицы, Петръ скоро увидѣлъ, что оно содѣлывалось тѣснымъ для умножавшейся его морской силы и для купеческихъ судовъ, которыхъ онъ ожидалъ современемъ. Къ тѣснотѣ сей присовокуплялось еще запрудненіе, съ какимъ большія суда выходили изъ Невы въ Финскій заливъ, — запрудненіе, состоявшее въ малой глубинѣ фарватера между Петербургомъ и Кронштотомъ.

Усматривая сіи неудобства, Петръ недолго колебался въ пріисканіи средствъ къ устраненію оныхъ, и для вмѣщенія военнаго и купеческаго флота избралъ голый, безплодный, болотистый, но возвышенный островъ Котлинъ, простирающійся въ длину на восемь, а въ ширину почти на одну версту. Еще съ 1705 года, послѣ отраженія флота Адмирала Анкерстіерны, поставлены были на семъ островѣ противъ Кронштотской башни двѣ баттареи въ 10 и 12 пушекъ, а подлѣ берега со стороны моря выведена небольшая деревянная плотина, за которою во время открытыхъ водъ становились суда галернаго флота. Въ 1710-мъ году, стараніями Царя, Котлинъ измѣнилъ свой видъ. У береговъ его началось строеніе двухъ большихъ каменныхъ гаваней для судовъ военныхъ и такихъ купеческихъ, которыя за мелководіемъ не могли бы проходить въ Неву, и на восточной сто-

ронѣ острова воздвигнуто небольшое укрѣпленіе, названное, въ честь Меньшикова, *Александръ-шанцомъ*. Доставивъ такимъ образомъ столицѣ еще сильнѣйшій оплотъ со стороны моря, положивъ тѣмъ прочное начало къ привлеченію въ оную обширной торговли, и принявъ всѣ мѣры къ распространенію Петербурга, Петръ, по окончаніи праздествъ, кои происходили по случаю непрерывнаго ряда одержанныхъ надъ непріятелемъ успѣховъ, приступилъ къ торжественному бракосочетанію Царевны Анны Іоанновны. Петербургъ въ сіе время былъ мѣстомъ сборища многихъ знатныхъ и знаменитыхъ особъ, или съѣхавшихся туда по дѣламъ политическимъ, или приведенныхъ судьбою. Сверхъ почти всѣхъ первостепенныхъ сановниковъ Русскихъ, находились тамъ: Римско-Императорскій Посланникъ Графъ Вилсекъ, Прусскіе Бибершгейнъ и Кейзерлингъ, Датскій Вице-Адмиралъ Юэль, Польско-Саксонскій Графъ Фицтумъ; изъ Шведовъ, взятые въ плѣнъ Графъ Шперъ, Фельдмаршалъ Графъ Рейншильдъ, Генералъ Левенгауптъ, бывшій Генералъ-Губернаторъ Лифляндскій Графъ Штрембергъ, Королевскій Секретарь Баронъ Седергеймъ, и нѣсколько другихъ почетныхъ иностранцевъ.

Окруженный такимъ множествомъ именитыхъ мужей Россіи и другихъ первенствующихъ Государствъ Европы, Петръ, который любилъ про-

стоту нравъ, гдѣ можно было обойтись безъ роскоши, пожелалъ украсить предстоявшее торжество приличнымъ блескомъ, и сдѣлалъ для онаго великолѣпныя приготовленія, кои, какъ равно и самый церемоніалъ брака, достойны подробнаго описанія. Кромѣ того, что празднество сіе было первое сего рода въ С.-Петербургѣ отъ его основанія, оно ознакомитъ съ обычаями, существовавшими въ то время при Россійскомъ Дворѣ, — обычаями, представляющими собою нѣкоторую смѣсь Русской старины съ Европейскими нововведеніями.

Когда уже всѣ приготовленія къ брачному пированію были сдѣланы, 29-го Октября, за день до назначеннаго торжества, четыре Царскіе Каммергера, въ двухъ каретахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, разъѣзжали по обѣимъ частямъ города, т. е. Петербургской и Адмиралтейской, и отъ имени Государя приглашали на праздникъ Русскихъ и чужестранныхъ Министровъ, Генераловъ и вообще всѣхъ имѣвшихъ пріѣздъ ко Двору. Вся столица пришла въ движеніе. Наконецъ наступилъ и нетерпѣливо ожиданный день брака. Съ самаго утра предъ Царскимъ домикомъ, построеннымъ близъ церкви Св. Троицы (и сохраненнымъ понынѣ) стояла флоттилія, назначенная для церемоніяльнаго поѣзда. Ее составляли около пятидесяти шлюбокъ, и большая, обитая сукномъ баржа, назначенная для Царской Фамиліи. Въ девятомъ часу

вышель Царь, принявшій на сей день званіе Оберъ-Маршала, или главнаго шафера, въ сопровожденіи большой свиты, въ томъ числѣ двадцати четырехъ Унтеръ-Маршаловъ, или подшаферовъ, выбранныхъ предпочтительно изъ флотскихъ Генераловъ и Капитановъ. Какъ скоро всѣ мѣста въ шлюбкахъ были заняты, Царь подалъ знакъ, и флоттилія, предшествуемая шлюбкою съ музыкантами, игравшими на трубахъ и флейтахъ, отправилась къ дому вдовствующей Царицы, жившей на Адмиралтейской сторонѣ. Шлюбки плыли спройнымъ порядкомъ въ нѣсколько линій, имѣя посреднѣ баржу, гдѣ сидѣлъ Царь въ красномъ Французскомъ кафтанѣ, опушенномъ соболями, съ орденскою лентой Св. Андрея черезъ плечо, съ портупеею по поясу, и шпагою, оправленною по ефесу и ножнамъ серебромъ, имѣя на головѣ большой напудренный парикъ, безъ шляпы, и держа въ рукѣ оберъ-маршальскій шпабъ, украшенный золотыми и серебряными лентами. Гребцы баржи были одѣты въ матрозскіе кафтаны алаго бархата, обложенные по борту и швамъ широкимъ золотымъ позументомъ, и на груди имѣя серебряные щиты, въ родѣ кирасъ, съ изображеніемъ государственнаго герба. Достигнувъ показаннаго мѣста у набережной, флоттилія остановилась, и Царь съ подшаферами, въ предшествіи музыкантовъ, отправился пѣшкомъ къ дому Царицы, гдѣ, кромѣ

невѣсты, уже собрались объ-ея сестры, Царевны Екатерина и Параскевія, сестры Царя: Наталія, Марія и Ѳеодосія Алексѣевны, и знатныя дамы, всѣ въ нарядныхъ Нѣмецкихъ платьяхъ, узкихъ спенцерахъ и широкихъ робахъ на фижмахъ. Чрезъ полчаса началось шествіе къ флотиліи, открываемое Царемъ, за коимъ слѣдовали невѣста, другія Царевны и вдовствующая Царица, въ сопровожденіи дамъ и кавалеровъ. По прибытіи къ пристани, Царская Фамилія помѣстилась въ баржѣ, а свита и подшаферы въ шлюбкахъ, и всѣ прежнимъ порядкомъ поѣхали къ дому Герцога. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ надлежало выйти на берегъ, Царь вышель съ Унтеръ-Маршалами и другими особами, имѣя впереди музыкантовъ и оставя дамъ на флотиліи. Герцогъ, сопровождаемый собравшимися у него иностранными Министрами и Генералами, встрѣтилъ Монарха за нѣсколько шаговъ отъ своего дома, и, пригласивъ въ оный, угощалъ его и всѣхъ присутствовавшихъ завтракомъ. По окончаніи завтрака, всѣ отправились къ флотиліи, и, при многочисленномъ стеченіи зрителей, покрывавшихъ берега Невы, отправились внизъ по рѣкѣ къ Васильевскому Острову, въ домъ Князя Меньшикова (составлявшаго почти весь набережный фасъ нынѣшняго 1-го Кадетскаго Корпуса), гдѣ все было приготовлено для торжества бракосочетанія.

Достигнувъ пристани, устроенной на берегу, противъ Княжескаго дома, флотилія остановилась. Знатнѣйшіе изъ кавалеровъ вышли напередъ для пріема Высокихъ Особъ, которыя послѣдовали уже за ними. Герцогъ, въ бѣлой шитой золотой одеждѣ, шелъ впереди, имѣя ассистентами, по правую руку Царя, а по лѣвую Меньшикова; за нимъ слѣдовала Царевна Анна Іоанновна, также въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ по мѣстамъ золотыми городками, имѣя сверхъ онаго богатую мантію изъ алаго бархата, подбитую горностаемъ, а на головѣ осыпанную алмазами Королевскую корону. Ее вели подъ руки Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ и Государственный Канцлеръ Графъ Головкинъ. Въ третьемъ и послѣдующихъ рядахъ шли Царица и Царевны, за ними прочія дамы, и въ заключеніе толпа Русскихъ и иностранныхъ офицеровъ, статскихъ чиновниковъ и придворныхъ служителей.

По приближеніи процессіи къ дому, встрѣчена она была звуками флейтъ и трубъ, и отъ стоявшей въ строю роты Преображенскаго полка, установленною воинскою почестію. Пройдя нѣсколько комнатъ, блиставшихъ великолѣпіемъ, обрученные остановились въ одной, гдѣ надлежало совершиться бракосочетанію, и гдѣ, по сему случаю, былъ устроенъ балдахинъ изъ малиноваго бархата, а предъ онымъ на полу постланъ богатый Турецкій

ковръ. Въ одномъ изъ угловъ, красивая драпировка изъ шелковой ткани изображала родъ часовни, гдѣ на столѣ, покрытомъ бархатомъ, по обряду Греко-Россійской Церкви, лежали вѣнцы, Евангеліе, въ переплетѣ съ серебряною оправой, крестъ и мощи въ серебряномъ ковчегѣ.

Посаженымъ отцемъ невѣсты былъ Царь, а бракъ совершалъ Архимандритъ Ѳеодосій, тотъ самый, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ водрузилъ крестъ, послужившій основаніемъ Александро-Невской Обители. Служба отправлялась, по обыкновенію, на языкѣ Славянскомъ, и была повторена на Латинскомъ. Вѣнецъ надъ Царевною держалъ Меньшиковъ, а надъ Герцогомъ одинъ изъ Флотскихъ Капитановъ.

По совершеніи брака, супруги принимали поздравленія отъ присутствовавшихъ, а потомъ были введены Царемъ въ большую залу (занимаемую нынѣ Греко-Россійскою церковью 1-го Кадетскаго Корпуса), въ которой былъ приготовленъ обѣденный столъ. Особы Царской Фамиліи и нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ дамъ сѣли отдѣльно отъ прочихъ, подлѣ стѣны подъ бархатнымъ балдахиномъ; причемъ надъ мѣстами, назначенными для новобрачныхъ и Царевенъ Екатерины и Параскевіи, висѣли лавровые вѣнки. Отъ сего стола вдоль обѣихъ стѣнъ залы помѣстились: за однимъ столомъ Министры, Генералы и другіе почетнѣй-

щіе гости изъ Русскихъ, а за другимъ знатнѣйшіе иностранцы. Тѣ, коимъ не достало мѣста въ залѣ, обѣдали въ смежной съ оною другой залѣ или, справедливѣе, длинной галлереѣ, соединявшей главную часть набережнаго строенія съ флигелями, выдающимися на нынѣшнюю Румянцовскую площадь.

Въ продолженіе всего обѣда Царь, по обязанности старшаго шафера, и всѣ двадцать четыре подшафера, каждый съ большимъ бантомъ изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ, приколотымъ къ правой рукѣ, около плеча, расхаживали вокругъ столовъ, распоряжали разноскою блюдъ, и упрашивали пирующихъ не чиниться, а веселиться. Царь былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; глядя на него, веселы были всѣ прочіе, и шумная, непринужденная радость выражалась на лицахъ всѣхъ гостей, неоставлявшихъ осушать здравные бокалы, о наполненіи которыхъ шафера неусыпно заботились. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и за каждымъ раздавались пушечные выстрѣлы съ собственной Царской яхты, *Лизеты*, стоявшей на Невѣ противъ Княжескаго дома, и изъ поставленныхъ на дворѣ тридцати пушекъ. Послѣ стола начались Польскіе и Французскіе танцы, между тѣмъ, какъ офиціанты и другіе служители Князя, въ одеждѣ, блиставшей серебромъ и золотомъ, обильно разносили присутствующимъ десертъ и напитки. Танцы, музыка

и угощеніе не прекращались до двухъ часовъ по полуночи: тогда только гости получили дозволеніе разъѣзжаться; до того же времени строжайше было запрещено выпускать изъ дому, кого бы то ни было, безъ Царскаго разрѣшенія. Въ это же время вся Царская Фамилія, шаферы и нѣсколько изъ знатнѣйшихъ посѣтителей повели новобрачныхъ въ ихъ спальню, устроенную тутъ же въ домѣ, и вино запѣнилось снова за здравіе и благоденствіе супруговъ. Спустя четверть часа, Герцогъ и Герцогиня удалились для раздѣванія, въ отведенныя для каждаго комнаты, и когда возвратились, то были приведены къ брачному ложу, Герцогъ Царемъ, а новобрачная Царицею и родными сестрами.

Едва наступило утро слѣдующаго дня, какъ Нева, чрезъ которую въ царствованіе Петра I-го мостовъ еще не было, запестрѣла множествомъ яловъ, ботовъ, верескъ и шлюбокъ, наполненныхъ гостями предъидущаго дня, спѣшившими къ Васильевскому Острову на новое веселье. Князь Меньшиковъ, любившій не отставать въ роскоши и великолѣпіи отъ особъ владѣтельныхъ, далъ въ свою очередь пиръ, пригласивъ къ оному гостей еще наканунѣ. Обѣденный столъ былъ приготовленъ въ тѣхъ же двухъ залахъ; но прежде, нежели сѣли за оный, Царь подошелъ къ вѣнку, висѣвшему надъ Герцогомъ, и разорвалъ оный надвое. Слѣдуя обычаю, новобрачному над-

лежало сдѣлать то же надъ вѣнкомъ Герцогини, но какъ сей послѣдній былъ сдѣланъ гораздо крѣпче, то Герцогъ, истощивъ надъ онымъ всѣ усилія, наконецъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи ножа. Люди догадливые не замедлили вывести изъ сего дурныя предзнаменованія; но веселость, по прежнему господствовавшая за столомъ, скоро изгнала изъ умовъ пирующихъ всѣ примѣты и замѣчанія. Обѣдъ былъ самый роскошный. Столы гнулись подъ тяжестію многочисленныхъ яствъ, а вина лились рѣкою. Когда дошла очередь до послѣдняго блюда, служители внесли въ большую залу два паштета, немного болѣе аршина въ поперечникѣ, и поставили оные на концахъ главныхъ столовъ; паштеты оставались тамъ до совершеннаго окончанія обѣда, и когда потомъ, по Царскому знаку, были вскрыты, то къ изумленію присутствовавшихъ, изъ каждаго выпрыгнуло по карлицѣ. Одну изъ нихъ взялъ на руки Царь, а другую Меньшиковъ, и понесли ихъ къ столу, гдѣ сидѣли Высочайшія особы, послѣ чего обѣ онѣ забавляли гостей менуэтомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, по примѣру предшествовавшаго дня, начались танцы, явились огромные подносы, корзины и вазы съ различными напитками и закусками, а около полуночи хозяинъ дома угостилъ пирующихъ большимъ фейерверкомъ, продолжавшимся около полутора часа. Заключеніемъ фейерверка были три

щита, устроенные посреди Невы на трехъ большихъ, плоскодонныхъ судахъ, или паромахъ. Одинъ изъ щитовъ изображалъ вензеловыя имена новобрачныхъ, и надъ оными ихъ гербы, кои богъ любви соединялъ цѣпью. Другой щитъ изображалъ купидона, сковывающаго на наковальнѣ два сердца, и подъ нимъ Русскую подпись: *два во едино соединяю*. По окончаніи фейерверка, еще продолжались съ часъ танцы, а затѣмъ начался разъѣздъ, чему примѣръ подали новобрачные, отправившіеся въ домъ, отведенный для Герцога. Многіе изъ знатныхъ посѣтителей бала изъявили свою готовность сопровождать Высокую чету до самаго мѣста ихъ жительства; но какъ было уже давно за полночь, и большая часть изъ нихъ жила на Петербургской сторонѣ, то супруги, не желая подвергать ихъ лишнему переѣзду чрезъ Неву въ столь темное и холодное время, отклонили сіе предложеніе.

На слѣдующее утро, 2-го Ноября, новобрачные получили благословеніе, въ домѣ Герцога, отъ придворнаго его Проповѣдника, а чрезъ нѣсколько дней угощали и они въ свою очередь обѣдомъ и баломъ особъ Царской Фамиліи, шаферовъ и часть посѣтителей, бывшихъ при свадьбѣ, сколько то дозволяла вмѣстительность дома. Въ продолженіе обѣда за первымъ столомъ сидѣли Царь и Унтеръ-Маршалы, за вторымъ новобрачные, Царица и Царевны, за третьимъ дамы, а за осталными,

самыми большими, кавалеры, между коими первое мѣсто занималъ Меньшиковъ.

Симъ еще не кончились пиршества, поводомъ къ коимъ былъ бракъ Царевны Анны Іоанновны. Петръ, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ выходившій изъ круга обыкновенныхъ людей, любилъ иногда забавы, кои выходили изъ круга увеселеній привычныхъ; на сей разъ онъ придумалъ празднество, дотолѣ не виданное ни въ Россіи, ни, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ — извѣстную свадьбу карликовъ, коихъ въ то время рѣдкій изъ Русскихъ вельможъ не имѣлъ при себѣ по нѣскольку, въ качествѣ шутовъ и шутихъ. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было собрать ихъ множество, и, въ силу Царскаго повелѣнія, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль набралось въ Петербургѣ 72 карлика и карлицы. Цѣль сего состояла въ томъ, чтобъ всѣ они должны присутствовать при свадьбѣ четы, выбранной изъ числа ихъ же, и пировать на оной. Бракъ долженствовалъ совершиться со всѣми обрядами, какими обыкновенно сопровождаются бракосочетанія особъ высокаго сана, и былъ назначенъ 15-го Ноября, ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ дня, ознаменованнаго вступленіемъ въ супружество Царевны Анны Іоанновны. По установленному церемоніялу, за день до свадьбы, два равнаго роста карла, одѣтые во Французскіе кафтаны, каждый въ небольшой одноколкѣ, запряжен-

ной малорослою лошадью, разукрашенною разноцвѣтными лентами, съ двумя верховыми карлами же впереди, поѣхали одинъ на Петербургскую, а другой на Адмиралтейскую сторону, и приглашали почетнѣйшихъ жителей столицы къ предстоявшему празднику.

Въ день, назначенный для свадьбы, поутру, до обѣдни, всѣ приглашенные собрались въ показанныхъ домахъ, близъ крѣпости, и по прибытіи Царя началась процессія. Шествіе открывалъ щегольски разряженный карликъ, выбранный въ должность Маршала, и на сей предметъ, имѣвшій въ рукѣ трость, съ пукомъ пестрыхъ лентъ; за нимъ шли рука объ руку женихъ и невѣста, потомъ слѣдовалъ Царь съ свитою; за ними остальные карлики и карлицы поросшно, по два въ рядъ, а въ заключеніе необъятное множество народа, привлеченнаго любопытствомъ къ столь необыкновенному и вмѣстѣ забавному зрѣлищу. Въ такомъ порядкѣ процессія вступила въ Петропавловскую крѣпость, и вошла въ церковь, а оттуда, по благословеніи брака, отправились водою въ домъ Меньшикова, гдѣ, посреди главной залы, были накрыты для карликовъ небольшіе, низкіе столики; посреди ихъ, подъ двумя шелковыми навѣсами, особый столъ для новобрачныхъ и для двухъ невѣстиныхъ дружекъ, отличавшійся отъ прочихъ еще тѣмъ, что надъ каждымъ изъ четырехъ

мѣстъ висѣло по вѣнку. Царь, Герцогъ и всѣ почетные гости сидѣли за длинными узкими столами, поставленными подлѣ стѣнъ, и образовавшими собою продолговатый четыреугольникъ, такъ, что присутствовавшіе, сидя только по одну сторону столовъ, спинами къ стѣнѣ, удобно могли видѣть всѣхъ карликовъ. Выбранные изъ числа сихъ послѣднихъ, одинъ старшій и восемь младшихъ шаферовъ, съ пестрыми банпами изъ кружевъ и лентъ на правой рукѣ, чинно расхаживали между столами, и разносили вино пирующимъ, кои, отбросивъ весь этикетъ, не заботились о томъ, что были предметомъ вниманія и любопытства особъ, ихъ окружавшихъ, шумѣли и веселились, какъ бы каждый былъ у себя въ домѣ. При началѣ обѣда, дружки новобрачной прикололи шаферскій банпъ къ рукѣ карлика, посаженнаго между ними для прислуживанія имъ, и онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, отблагодарилъ каждую поцѣлуемъ. Въ продолженіе всего стола въ залѣ гремѣла музыка, и когда дошло до заздравныхъ тостовъ, то всѣ девять шаферовъ, съ большими бокалами въ рукахъ, подошли къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Царь, поклонились почти до земли, и, провозгласивъ его здравіе, выпили все до капли. Празднеству сему, по нынѣшнимъ понятіямъ и обычаямъ странному, но въ то время сообразному съ господствовавшимъ вкусомъ, нѣсколько помѣшала болѣзнь малолѣтнаго сына Меньшикова, по какой причинѣ и

стоявшія подлѣ дома небольшія пушки остались безъ употребленія. Не смотря однако на сіе обстоятельство, пиръ продолжался до полуночи. Карлы играли, прыгали, кувыркались, танцовали; забавляли гостей шутками и кривляньями, осмѣивали многихъ, и при всемъ безобразіи старались принимать видъ еще безобразнѣйшій. По окончаніи пира, новобрачные карлы удалились въ отведенную для нихъ спальню, а прочіе разошлись по домамъ. На утро въ домѣ Меньшикова веселіе уступило мѣсто печали: одержимый болѣзнію сынъ его умеръ, и свадьба смѣнилась похоронами (*).

(*) Здѣсь почитаемъ мы нелишнимъ сообщить свѣдѣніе о дальнѣйшей участи новобрачныхъ. Осенью 1711-года молодая умерла вмѣстѣ съ младенцемъ, отъ мучительныхъ родовъ; въ слѣдствіе чего запрещены были браки между карлами; въ началѣ 1724-го года умеръ и мужъ, за безпорядочное поведеніе свое лишившійся милости, которою онъ пользовался у Монарха. Посѣтивъ бракъ, Петръ не отказался присутствовать и на похоронахъ, которыя были причиною новой церемоніи; она происходила 1-го Февраля; печальное шествіе началось отъ Зимняго дворца, (гдѣ нынѣ казармы 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка); процессію открывали 13 малолѣтныхъ пѣвчихъ, попарно, и за ними священникъ, самый малорослый изъ Петербургскаго Духовенства; шесть маленькихъ лошадей (изъ конюшень Великаго Князя Петра Алексѣевича и сына Князя Меньшикова),

Такъ происходили празднества, данныя въ С-Петербургѣ по случаю бракосочетанія Царевны Анны Іоанновны. Въ продолженіе оныхъ, 1-го Января 1711-го года, на Петербургской сторонѣ, на площади близъ церкви Св. Троицы, былъ сожженъ большой фейерверкъ; но скоро всѣ сіи торжества

подъ черными покрывалами, везли маленькія дроги, на которыхъ стоялъ гробикъ, обитый чернымъ бархатомъ. Лошадей вели маленькіе придворные пажи, а по сторонамъ гроба тянулись два длинные ряда гвардейскихъ гренадеръ, въ трауръ съ плёрезами и факелами въ рукахъ. Позади гроба шелъ, въ качествѣ Маршала, маленькій Царскій карликъ съ маршальскимъ штабомъ, въ черной одеждѣ и въ большой шляпѣ, отъ которой бѣлый флёръ доставалъ до земли; за нимъ нѣсколько карловъ, мужчинъ попарно маленькіе впереди, въ черныхъ мантіяхъ; далѣе слѣдовали въ такомъ же порядкѣ двѣ отдѣленія карлицъ, предшествуемыя каждое Маршаломъ и сверхъ того печальною дамою, изъ коихъ одна была карлица Герцогиня Мекленбургской, а другая Царевны Параскевіи Іоанновны; всѣ имѣли ассистентовъ съ факелами изъ придворныхъ гайдуковъ. Отъ Зимняго дома до Невскаго проспекта всѣ карлы шли пѣшкомъ, здѣсь подвезли огромныя розвальни въ шесть большихъ лошадей и, побросавъ ихъ въ оныя, везли до Ямской, гдѣ схоронили покойника. Петръ провожалъ процессію до Невскаго проспекта, и удостоилъ присутствіемъ своимъ ужинъ, который приготовленъ былъ въ залѣ Зимняго дома.

и веселія опять уступили мѣсто слезамъ. Герцогъ Курляндскій, занемогшій горячкою чрезъ день или два послѣ свадьбы карликовъ, выѣхалъ 3-го Января въ свои владѣнія, не совершенно освободясь отъ болѣзни; въ дорогѣ простудился еще болѣе, и чрезъ шесть дней скончался въ деревнѣ Кипени, подъ Петербургомъ. Герцогиня была неутѣшна. Опечаленный Царь повелѣлъ препроводить тѣло ея супруга въ Курляндію, гдѣ оно и предано землѣ съ приличными почестями.

1711. — Въ послѣдовавшее затѣмъ отсутствіе Государя, (съ 17-го Января по 29-е Декабря), ознаменованное прискорбнымъ для него Прутскимъ миромъ, Петербургъ украсился такимъ множествомъ новыхъ строеній, какого не было ни въ предшествовавшіе, ни послѣдовавшіе годы царствованія Петра Великаго.

Мы уже замѣтили выше, что населеніе Адмиралтейской стороны вдругъ начало быстро увеличиваться. Причиною тому было возвышеннѣйшее положеніе лѣваго берега предъ противоположнымъ и не столь влажная его почва; преимущество сіе скоро замѣчен обыло самимъ Царемъ, первоначально желавшимъ основать городъ на Петербургскомъ островѣ. Небольшой его домикъ, построенный въ сей части столицы, былъ для него достаточенъ на случай кратковременныхъ пріѣздовъ; но когда пре-

бываніе его на Невскихъ берегахъ сдѣлалось постояннымъ, иногда самая необходимость потребовала строенія жилища болѣе вмѣстительнаго и болѣе приличнаго священному сану Вѣнценосца. Эта необходимость побудила Петра построить для своего жительства обширнѣйшее зданіе. Выборъ его остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Большой Невы истекаетъ рѣка Фонтанка, тогда еще не имѣвшая сего наименованія и неизвѣстно какъ называвшаяся. При сліяніи сихъ-то двухъ рѣкъ, безсмертный Основатель Петербурга повелѣлъ построить небольшой двуэтажный каменный домъ, назначенный для его лѣтняго пребыванія, и потому наименованный *Лѣтнимъ дворцемъ*, или просто *Лѣтнимъ домомъ*. При семъ домѣ былъ обширный садъ, съ длинными аллеями, кои были усажены липами, дубами и частію плодовыми деревьями, о чемъ упомянется подробнѣе при описаніи извѣстныхъ ассамблей, происходившихъ въ саду, который отъ дворца получилъ и сохранилъ по сіе время названіе *Лѣтняго*. Противъ сего дворца, нѣсколько наискось, на другомъ берегу Фонтанки, довольно обширный деревянный домъ въ одинъ этажъ съ мезониномъ служилъ для помѣщенія принадлежавшихъ Двору съѣстныхъ припасовъ, и потому назывался *Запаснымъ дворцемъ*. На томъ же берегу Невы при углѣ, образуемомъ нынѣшними Большею Міліонною улицею и Зимнимъ

каналомъ, (гдѣ помѣщается 1-й баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка), построили каменный дворецъ, почти одинакой величины съ Лѣтнимъ, назначенный для жительства Царя зимою. Третій дворецъ, каменный же, былъ построенъ для любимой сестры Петра Великаго, Царевны Наталыи Алексѣевны, также на лѣвомъ берегу Невы, на мѣстѣ нынѣшнихъ Гофъ-Интендантскихъ магазиновъ. Достойно замѣчанія, что въ ономъ набожная и благодѣтельная Царевна устроила небольшую церковь, и при ней богадѣльню для призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ женщинъ, — первое учрежденіе сего рода въ Петербургѣ. Четвертый дворецъ, также каменный, назначенъ былъ для Царевича Алексѣя Петровича, и стояль на той же набережной подлѣ жительства Царевны Наталіи.

Кромѣ дворцевъ, находившихся въ самомъ городѣ, построено въ семь же году нѣсколько дворцевъ загородныхъ: новое доказательство, какъ нравилось Петру Великому положеніе Петербурга. Первый изъ нихъ, *Екатерингофъ*, такъ названный въ честь Царицы Екатерины, (всенародно объявленной въ Маріи того же 1711-го года Супругою Царя), и ей подаренный, основанъ въ память побѣды, одержанной близъ сего мѣста въ 1703-мъ году надъ двумя Шведскими судами. Дворецъ сей былъ деревянный о двухъ этажахъ, безъ флигелей, (которые пристроены къ нему уже въ

*

царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны) съ каналомъ, прокопаннымъ до взморья, и небольшою гаванью для мелкихъ судовъ, что̀, по страсти Петра I-го къ бурной стихіи, составляло необходимую принадлежность почти всѣхъ загородныхъ его дворцевъ. Недалеко отъ сего мѣста, на островѣ, лежащемъ предъ входомъ изъ Большой Невы въ протокъ между нынѣшнимъ Гутуевымъ островомъ и Екатерингофскимъ берегомъ, былъ построенъ еще каменный, съ небольшою башнею дворецъ названный *Подзорнымъ*, изъ онаго открывался видъ моря; Петръ любилъ смотрѣть оттуда не идутъ ли къ Петербургу иностранныя суда, каковыхъ послѣ приходившаго въ 1703-мъ году еще не было.

Въ то же самое время заложили еще каменный дворецъ, въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга, по Финскому или Корельскому берегу, между деревнею Лахтою и Сестрорѣцкомъ. Царь, прельщенный положеніемъ сего мѣста, откуда взоръ простирался къ Петербургу и Кронштадту, повелѣлъ насадить тамъ дубовую рощу, и посему далъ дворцу наименованіе: *Дубки* (*).

На другой сторонѣ залива, на Ингерманланд-

(*) Отъ дворца сего почти не осталось слѣдовъ. Прекрасный лѣсъ, въ коемъ находятся дубы, насаженные, можетъ, собственною рукой Основателя столицы, сохраняетъ какъ и самое мѣсто, понынѣ свое первоначальное названіе.

скомъ берегу, Петръ избралъ еще два мѣста для построенія увеселительныхъ дворцевъ, изъ которыхъ одинъ, лежащій въ 17-ти верстахъ отъ столицы, при рѣкѣ Стрѣлѣ, подлѣ моря, назвалъ *Стрѣльна*, или *Стрѣльною мызою*, и подарилъ Царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ; а другой, гораздо обширнѣйшій и великолѣпнѣйшій, отстоящій въ 28-хъ верстахъ, назначилъ собственно для себя, украсилъ садомъ съ фонтанами, и назвалъ *Петергофомъ*.

Желая видѣть окрестности Петербурга сколь можно болѣе населенными, Царь тогда же подарилъ острова: *Ристисари*, или *Крестовый*, нынѣ *Крестовскій*, Меньшикову, гдѣ сей вельможа намѣревался построить для себя загородный домъ, и сдѣлалъ существующій по сіе время просѣкъ по всей длинѣ острова; *Поцесари*, или *Столбовый*, нынѣ *Петровскій*, достался Царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; *Мишинъ*, или *Елагинъ*, Вице-Канцлеру Шафирову, а *Кивсари*, или *Каменный*, Канцлеру Графу Головкину.

Соображаясь во всемъ съ желаніями Монарха, Князь Меньшиковъ вознамѣрился также построить для себя загородный дворецъ: онъ избралъ для сего мѣсто, подаренное ему Царемъ на берегу Финскаго залива, въ осьми верстахъ отъ Петергофа. Тамъ сей могущественный вельможа заложилъ огромный домъ съ обширнымъ садомъ, и назвалъ сіе мѣсто *Оранїенбаумомъ*.

Наконецъ Меньшиковымъ же построенъ былъ при рѣкѣ Ижорѣ (въ принадлежавшемъ ему селѣ сего имени) еще новый дворецъ въ два этажа, съ одно-этажными по сторонамъ флигелями и съ двумя высокими спицами, примѣчательный тѣмъ, что въ немъ останавливался Петръ I-й во время поѣздокъ своихъ въ Шлиссельбургъ; въ недальнемъ разстояніи отъ дворца, заложена небольшая деревянная церковь во имя Св. Александра Невскаго и въ память его побѣды надъ Шведами.

Къ другимъ памятникамъ заботливости Петра Великаго о пользѣ основаннаго имъ при Невѣ города, принадлежитъ вычищеніе, углубленіе и укрѣпленіе береговъ рѣки *Мьи*, бывшей до того времени узкимъ, мутнымъ и мелкимъ протокомъ. Соединеніе оной въ томъ же году съ Большою Невою, посредствомъ двухъ каналовъ (изъ которыхъ одинъ былъ прокопанъ у нынѣшняго Мраморнаго дворца и въ послѣдствіи засыпанъ, а другой существуетъ и понынѣ, подъ названіемъ *Зимняго*,) способствовало еще болѣе къ очищенію сей рѣчки, названной *Мойкою* уже въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Въ то же время проведенъ былъ еще каналъ, (нынѣ не существующій), изъ Большой Невы къ главному крыльцу Посольскаго дома, находившагося на Васильевскомъ островѣ, въ саду Меньшикова.

Окружавшіе до того корабельную Петербург-

скую верфь деревянные сараи были сломаны и, вмѣсто оныхъ, выведено къ сторонѣ луга каменное зданіе въ два этажа, для засѣданія Адмиралтействъ-Коллегіи, по сторонамъ онаго находились мазанковые флигели, загнутые подъ прямымъ угломъ къ Невскому берегу, въ срединѣ луговой стороны устроили ворота, которые вели къ верфи, а надъ ними, двуярусную мазанковую башню съ часами и высокимъ спицомъ, обитымъ жестью. На той же сторонѣ рѣки выше къ Лѣтнему саду, на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца, Царь повелѣлъ построить *Почтовый Дворъ*, четвероугольное мазанковое одноэтажное строеніе, съ галереями, большимъ внутри дворомъ и всѣми удобствами для пріѣзжавшихъ въ Петербургъ. Столица давно чувствовала недостатокъ въ подобномъ учрежденіи, ибо еще не было дома, гдѣ пріѣзжіе могли бы останавливаться, не теряя времени въ исканіи по всему городу квартиры. Домъ сей состоялъ въ завѣдываніи особаго Смотрителя, имѣвшаго рангъ армейскаго Прапорщика, съ весьма умѣреннымъ содержаніемъ, которое однако же въ послѣдствіи было увеличено дозволеніемъ ему завести еще особую гостинницу, выписывать безпошлинно изъ чужихъ краевъ опредѣленное количество винъ и другихъ потребностей. Кромѣ сей привилегіи, Смотрителю Почтоваго Двора предоставлено было право пользовать-

ся частію сбора съ присылаемыхъ писемъ, но доходъ сей былъ весьма незначителенъ по дешевизнѣ цѣнъ, установленныхъ на сей предметъ; такъ, напримѣръ, за доставку письма изъ Петербурга въ Москву и обратно, платилось не болѣе двухъ копѣекъ мѣдью; въ такой же соразмѣрности были платы и на прочія разстоянія. По вмѣстительности почтоваго строенія, Царь нерѣдко отправлялъ въ немъ большія празднества, если находилъ дворцы свои для того тѣсными.

Въ одно время съ учрежденіемъ Почтоваго Двора состоялся Царскій Указъ объ устроеніи отъ Петербурга къ Москвѣ большой дороги съ почтовыми станціями, чрезъ Старую-Русу, Ржевъ, Володиміровъ и Волоколамскъ. Боярину Тихону Стрѣшневу и Стольнику Матвѣю Головину поручалась выдача подорожныхъ видовъ; а для безопасности дороги, назначалось содержать на сихъ посты отъ Преображенскаго полка.

Рѣшась учредить главныя городскія строенія на лѣвой сторонѣ Невы, Петръ положилъ тамъ основаніе первому *Литейному двору*, устроенному первоначально въ прочномъ анбарѣ или сараѣ изъ бревенъ, въ который свѣтъ проходилъ сверху, сквозь окна небольшаго деревяннаго купола, надъ коимъ возвышался широкій, обитый жестью спицъ, съ двуглавымъ орломъ на вершинѣ. Для производства съ семъ сараѣ работъ,

вызвана была изъ Москвы часть жившихъ тамъ литейныхъ мастеровъ и артиллерійскихъ служителей. Заселивъ сію часть города, названную сначала *Русскою слободою*, а послѣ *Литейною*, они подали поводъ къ учрежденію въ томъ же 1711-мъ году Канцеляріи Артиллеріи и Фортификаціи, состоявшей въ непосредственномъ завѣдываніи Генералъ-Фельдцейхмейстера, и помѣщавшейся въ мазанковомъ домѣ, между литейнымъ сараемъ и нынѣшнею церковію Св. Сергія.

Царь, побужденный частыми пожарами избѣгать по возможности деревяннаго строенія, не могъ однако же начать вдругъ строеніе каменное, по малому количеству и дороговизнѣ кирпича, производимымъ дальнею онаго доставкою, для отвращенія сего Петръ Великій вознамѣрился учредить кирпичные заводы, сколь можно поблизости Петербурга; на первый случай, были перенесены за десять верстъ отъ онаго по Шлиссельбургской дорогѣ, — заводы, построенные около 1706-го года при рѣкѣ Тоснѣ, а въ послѣдствіи учреждены еще новые въ мѣстечкѣ Кайкуши, у рѣчки Славянки и за Александроневскимъ монастыремъ. Вмѣстѣ съ переведеніемъ Тосненскаго завода, устроена при ономъ деревянная церковь, во имя Спаса Преображенія.

Желая прежде застроить берега Невы, а потомъ уже производить строеніе внутри, Царь

въ томъ же году повелѣлъ заселять берегъ Большой Невки, противолежащій Петербургскому острову, чѣмъ положилъ начало строенію на Выборгской сторонѣ, гдѣ тогда же, нѣсколько наискось Литейнаго дома, заложены провіантскіе магазины, окруженные земляным валомъ, со рвомъ и палисадомъ, и потому называвшіеся въ народѣ *Новою крѣпостію.*

По, переселяясь на Адмиралтейскую сторону, Петръ не хотѣлъ предать запустѣнію ту часть города, которая была колыбелью Петербурга, и для того избралъ оную для помѣщенія *Сената*, учрежденнаго 2-го Марта 1711 года въ Москвѣ, вмѣсто бывшей Боярской Думы, и долженствовавшаго въ скоромъ времени перейти въ Петербургъ. Такимъ образомъ Создатель сего столичнаго города уравнивалъ населеніе различныхъ частей онаго, и между тѣмъ, какъ строеніе, заводилось вновь на Выборгской сторонѣ, и распространялось на Адмиралтейской, часть домовъ, бывшихъ на Петербургскомъ островѣ вправо отъ кронверка, обведена, не извѣстно для какой причины, деревяннымъ палисадомъ, имѣвшимъ видъ фортификаціонныхъ реданотовъ, соединенныхъ прямыми линіями. Построенный тамъ въ первые годы основанія города обжорный рынокъ, переведенъ въ сосѣдство съ толкучимъ, противъ кронверка; торговый рядъ перенесенъ ближе къ Троицкой цер-

кви, а бывшіе до того на Адмиралтейской сторонѣ выше истока Фонтанки и *мясные ряды*, на Петербургскій островъ, наискось противъ Самсоніевской церкви. Петръ, охотно заимствовавшій иноземные обычаи, желая поддержать Петербургскій островъ, велѣлъ построить на оном подлѣ моста, ведущаго въ крѣпость, небольшой деревянный трактиръ, или *аустерію*, для продажи отъ казны вина, водки, пива, табаку и прочаго; входъ туда былъ разрѣшенъ только для людей чиновныхъ. Нерѣдко захаживалъ въ аустерію самъ Царь, въ сопровожденіи большой свиты, послѣ обѣдни въ Троицкой церкви. Трактиръ имѣлъ два этажа, и былъ окруженъ галереями, изъ коихъ на верхней въ полдень собирались *Нѣмецкіе музыканты*, и потѣшали народъ играніемъ на флейтахъ и трубахъ. Нѣсколько вправо отъ аустеріи строился домъ для первой въ С.-Петербургѣ типографіи, которая первоначально состояла изъ одного станка, привезеннаго въ столицу въ томъ же 1711-мъ году, и поставленнаго на время въ одномъ изъ партикулярныхъ домовъ. До того времени постоянное печатаніе Русскихъ книгъ производилось: съ 1553 года въ Москвѣ, а съ 1697 по 1710 годъ въ Амстердамѣ. Въ семъ же году, по штату 19-го Февраля, положено сформировать въ Петербургѣ четыре гарнизонные полка, каждый въ два баталіона, изъ 1843 человѣкъ. Въ число оныхъ

три были сформированы и назывались именами Полковниковъ: Бахметьевъ, Колтовской, Зезевитовъ; четвертый же, Бѣлозерскій, переименованъ изъ учрежденнаго въ 1699-мъ году Бернерова пѣхотнаго. Всѣ они были расположены на Петербургской сторонѣ слободами, отъ чего не только многія улицы, но цѣлые участки получили названія: Колтовской, Слободскихъ, Гарнизонныхъ, Парадныхъ и т. д. — Въ послѣдствіи полки сіи, до раздѣленія ихъ въ 1764 году на особые баталіоны, именовались: С.-Петербургскій, Нарвскій, Ямбургскій и Копорскій. Кромѣ сихъ полковъ и двухъ вышеупомянутыхъ Ингерманландскаго и С.-Петербургскаго, имѣли въ столицѣ непремѣнныя квартиры оба полка Гвардіи, полкъ Астраханскій пѣхотный, существовавшій съ 1669 по 1784 годъ и баталіонъ Сенявина, или Городовыхъ Дѣлъ, сформированный около 1711 года изъ мастеровыхъ людей. Сей послѣдній имѣлъ квартиры на Выборгской сторонѣ, въ особой слободѣ, около церкви Св. Самсонія, а прочіе пять полковъ размѣщались постоемъ въ домахъ, обывательскихъ, или принадлежавшихъ солдатамъ, каковыхъ въ Петербургѣ было въ то время множество. Право имѣть собственные домы распространялось также на матросовъ и нижнихъ адмиралтейскихъ служителей. Уже въ концѣ царствованія Петра Великаго были построены особыя слободы: для

Астраханскаго полка за Фонтанкою, близъ нынѣшней церкви Владимірской Божіей Матери, а для Ингерманландскаго на островъ Голодай.

При возвращеніи въ Петербургъ вмѣстѣ съ Екатериною, въ послѣднихъ числахъ Декабря 1711 года, Петръ имѣлъ утѣшеніе увидѣть, что столица его приняла новый видъ отъ столь многихъ построекъ, произведенныхъ въ теченіе одного года.

1712. — Въ то время, какъ собранные по прежнимъ примѣрамъ изъ всѣхъ Губерній, кромѣ отдаленной Сибири, тысячи работниковъ оканчивали начатыя строенія, и начинали новыя, — Царь соорудилъ на лѣвой сторонѣ Фонтанки небольшую церковь, во имя *Св. Семіона и Анны*, для Ангела Царевны Анны Петровны, а 5-го дня Мая, вмѣсто деревянной Петропавловской церкви, заложилъ на томъ же мѣстѣ болѣе обширную, каменную.

Въ Апрѣлѣ прибыли въ Петербургъ изъ Москвы Сенаторы, кои съ того времени начали имѣть постоянное пребываніе въ Петербургѣ, гдѣ для Сената былъ отведенъ довольно обширный мазанковый домъ внутри крѣпости. 15-го Іюля съ особеннымъ торжествомъ происходилъ спускъ на воду, заложеннаго въ 1707 году, 54-хъ-пушечнаго корабля Полтава, построеннаго мастеромъ Скляевымъ. По-

слѣ сего Царь по дѣламъ политическимъ отправился сухимъ путемъ въ Пруссію, Померанію и другія сосѣдственныя имъ владѣнія; посѣтилъ Датскій флотъ и, объѣхавъ почти всю Германію, возвратился не прежде весны слѣдующаго года. Между тѣмъ столица украсилась новыми домами: деревяннымъ Оберъ-Коменданта Брюса, на Адмиралтейской сторонѣ противъ первоначальнаго Царскаго домика; каменнымъ Адмиралтействъ-Совѣтника Кикина, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворецъ; каменнымъ же съ кровлею необычайной вышины Княгини Анастасіи Ивановны, близъ дворцевъ Царевны Наталіи Алексѣевны и Царевича Алексѣя Петровича, и еще новымъ дворцемъ, названнымъ по архитектурѣ его и по внутреннему убранству, *Италіянскимъ*. Сей послѣдній былъ также каменный, находился на мѣстѣ нынѣшняго училища Ордена Св. Екатерины и части дома Графа Шереметева, и имѣлъ обширный садъ, выходившій далеко за большую Литейную улицу. Въ сіе же время переведена изъ Москвы часть масперовыхъ, кои, бывъ поселены на Петербургскомъ островѣ, около Большой Невки, передали свое названіе улицѣ, долгое время именовавшейся Оружейною. Тамъ, въ нарочно построенномъ оружейномъ домѣ, работалъ самъ Царь по нѣсколько часовъ сряду. Начатый въ 1710-мъ году домъ для типографіи былъ оконченъ, и въ оный

перенесенъ первый въ Петербургѣ печатный станъ. Переведена изъ Москвы часть Аптекарской Канцеляріи и на островѣ Карписари, или Елевомъ, при мѣстѣ, гдѣ рѣчка Карповка вытекаетъ изъ Большой Невки, заведенъ садъ для употребляемыхъ въ Медицинѣ травъ и растеній, отъ чего островъ и получилъ наименованіе *Аптекарскаго*. На семъ самомъ мѣстѣ отъ начала города жители иновѣрныхъ исповѣданій хоронили своихъ умершихъ; но какъ, по множеству въ то время въ Петербургѣ воровъ и разбойниковъ, коимъ благопріятствовали окружавшіе городъ лѣса, тѣла почти всегда находили вырытыми изъ земли и ограбленными, то разрѣшено было предавать оныя впредь погребенію при самыхъ домахъ. Сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока для иновѣрцевъ не отвели мѣста на кладбищѣ у Самсоніевской церкви.

1713. — Весною столица снова узрѣла Царя, но не надолго. Радѣя о пользѣ отечества и стараясь принудить Швецію къ заключенію міра, Петръ занялся пріуготовленіемъ морской экспедиціи къ берегамъ Финляндіи. Балтійскій его флотъ, кромѣ четырехъ линѣйныхъ кораблей отъ 50 до 54-пушечныхъ, осьми фрегатовъ, десяти шнявъ, двухъ прамовъ, такого же числа бриговъ, и около двадцати другихъ судовъ большаго, или корабельнаго флота, подчиненнаго Вице-Адмиралу Крюйсу, со-

стоялъ изъ 200 бригантинъ, 93 галеръ, 15 полугалеръ, 30 скампавей, 60 карбусовъ, 75 тялокъ, 25 мелецшхоутовъ и 50 большихъ лодокъ, кои всѣ принадлежали къ флоту гребному, или галерному, суда сіи помѣщались зимою въ Петербургѣ, гдѣ разсѣяны были почти по всему пространству Невы и ея рукавовъ, галеры становились обыкновенно въ протокѣ между крѣпостью и кронверкомъ, а часть корабельнаго флота въ устьѣ Большой Невы вдоль береговъ.

Съ частію сего флота, состоявшею изъ всѣхъ галеръ, карбусовъ и лодокъ, Царь вышелъ 26-го Апрѣля въ море въ званіи Контръ-Адмирала, начальствующаго авангардомъ; кор-де-баталіею, какъ и всѣмъ флотомъ, командовалъ Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ, а двумя арріергардными отдѣленіями Генералъ-Лейтенантъ Князь Голицынъ и Шаутбенахтъ Графъ Боцисъ. Съ симъ флотомъ ходилъ Государь къ Гельсингфорсу и Борго, и повелѣвъ осадить сіи города, 16-го Іюня возвратился въ Петербургъ, заѣхавъ по пути къ Кронштлоту, гдѣ уже стоялъ флотъ Крюйса, усиленный тремя линѣйными кораблями, купленными въ Англіи.

Въ день славной Полтавской побѣды, празднованной по обыкновенію молебствіемъ, пушечною пальбою и фейерверкомъ, происходилъ церемоніяльный пріѣздъ на флотъ въ столицу Персидскаго Посла, при-

везшаго Царю между прочими подарками отъ Шаха, львовъ, тигровъ и большаго слона. Шествіе сего послѣдняго, явленіе въ Россіи рѣдкое и едва ли не совершенно новое, до того изумило языческіе народы, обитавшіе въ нынѣшней Астраханской губерніи, гдѣ его проводили, что они воздавали ему божескія почести, и слѣдовали за нимъ по нѣскольку верстъ. Звѣри были помѣщены въ сараѣ, или *звѣровомъ домѣ*, нарочно для нихъ построенномъ, на площади между Почтовымъ Дворомъ и Лѣтнимъ садомъ; на содержаніе ихъ отпускалась отъ Двора особая суммз.

Содержаніе и прислуга одного слона, также какъ кормъ его, состоявшій изъ риса, изюму, вина и проч., обходились по пятнадцати рублей въ день. По причинѣ холоднаго, сыраго Петербургскаго климата, слонъ жилъ недолго, кожа его, тщательно сохраненная и набитая, поставлена въ Кунстъ-Камеру, гдѣ находится понынѣ. Вожатые сего слона имѣли обыкновеніе по большимъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ убирать его великолѣпнымъ образомъ, и водить для поздравленія къ знатнымъ особамъ, чѣмъ составляли себѣ немалый доходъ.

Еще 25-го Марта, на мѣстѣ, гдѣ, по водруженіи въ 1710-мъ году Архимандритомъ Ѳеодосіемъ креста, стояла небольшая часовня, Новгородскій Митрополитъ Іовъ совершилъ освященіе деревянной церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богороди-

цы, въ присутствіи Двора и многочисленнаго стеченія народа; симъ положено было прочное основаніе нынѣшней Александроневской Лаврѣ, для содержанія коей приняты Царемъ мѣры, о коихъ мы упомянемъ въ послѣдствіи; съ сего же года поселились въ монастырѣ первые иноки.

Другая, построенная въ томъ же году мазанковая церковь на берегу Петербургскаго острова противъ сада Князя Меньшикова, при первомъ Вице-Губернаторѣ Петербурга Корсаковѣ, была освящена во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, и имѣла два придѣла: Рождества Іоанна Крестителя и Николая Чудотворца.

Вельможи, стараясь угождать желанію Государя, продолжали застраивать городъ большими каменными домами. На берегу Большой Невы, нѣсколько выше Лѣтняго сада, построилъ себѣ каменный домъ Сибирскій Генералъ-Губернаторъ Князь Гагаринъ; подлѣ него, еще выше, Вице-Канцлеръ Шафировъ, зашѣмъ нѣкто Строевъ, бывшій учитель Царя Зотовъ, а на углу къ Литейному дому Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Брюсъ, братъ Оберъ-Коменданта. На Петербургской сторонѣ близъ угла, образуемаго Большою Невкою, построенъ деревянный домъ Князя-Папы Бутурлина (*), съ огромнымъ куполомъ, на верху коего на-

(*) Смотри главу шестую.

ходилась статуя Бахуса; тутъ же на набережной противъ Выборгской стороны селились Сенаторы и нѣкоторыя другія изъ знатныхъ особъ, отъ чего и улица, мимо оныхъ идущая, получила названіе *Большой Дворянской*.

Царь, съ своей стороны, повелѣлъ отъ Адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю прорубить въ лѣсу прямую дорогу, получившую названіе *Невскаго проспекта*, или *Большой перспективы*; на Выборгской сторонѣ учредилъ восковой заводъ, а на Петербургской сторонѣ противъ Троицкой церкви указалъ строить мазанковый съ черепичною кровлею Гостиный дворъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній назначался подъ лавки, а верхній подъ кладовыя. Сквозь сіе зданіе, имѣвшее фигуру продолговатаго четвероугольника, шелъ каналъ, соединявшій ровъ кронверка съ Большою Невкою, и имѣвшій сообщеніе посредствомъ другаго канала равной ему ширины съ Большою Невою.

Кромѣ того шелъ еще каналъ поперегъ перваго, начинавшійся противъ Лѣтняго сада, и оканчивавшійся у рѣки Карповки. Такимъ образомъ Петръ имѣлъ въ виду, чтобы суда могли приходить въ самую средину Гостинаго двора. На время постройки сего зданія, купечеству дозволялось сохранять товары въ крѣпостныхъ казематахъ. По отстроеніи дворъ, оный былъ оберегаемъ часовы-

ми, а лавки отдавались въ наемъ отъ казны, но какъ цѣны, установленныя за сіе, казались купечеству слишкомъ высокими, то значительная часть лавокъ и кладовыхъ оставалась ненаятою. Внутри Гостинаго двора находилась деревянная Ратуша, а на берегу у канала стояла Таможня, нижній одноэтажный домъ изъ бревенъ. Въ продолженіе сего лѣта пришло къ Петербургу Голландское купеческое судно, второе отъ основанія города; оно было приведено къ Петербургскому острову самимъ Царемъ, принявшимъ на сей случай обязанность лоцмана. Въ память же сего обстоятельства, какъ начала внѣшней торговли Россіи, выбита была медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета Царя, а на другой корабля и надписи: 1713 годъ. Въ Іюлѣ Петръ ѣздилъ опять къ флоту, стоявшему у Гельсингфорса, и возвратясь оттуда 14-го Сентября, издалъ Указъ, чтобы впредь всѣ товары, слѣдовавшіе изъ Россіи къ отвозу за море, посылались, вмѣсто Архангельска, какъ бывало прежде, къ Петербургу. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (8-го Октября) спущенъ съ Адмиралтейской верфи еще линѣйный корабль о 60 пушкахъ, въ честь Царицы, названный Екатерина, а вскорѣ затѣмъ прибыли изъ Казани 100 буеровъ и 50 вереекъ, съ заготовленными для Петербургской верфи матеріалами. Съ 12-го Ноября по 7-е слѣдующаго мѣсяца Царь находился

въ безпрерывныхъ отлучкахъ къ Кронштлоту, Котлину, Ораніенбауму и Петергофу, и по возвращеніи въ столицу украсилъ церковь Св. Троицы огромнымъ колоколомъ, взятымъ флотомъ въ городѣ Або, вмѣстѣ съ многочисленною библіотекою, послужившею основаніемъ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Наконецъ въ семъ году, появилась первая печатанная въ С.-Петербургѣ книга: *Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ Царскаго Величества Россійскихъ ко взятію преславныхъ фортификацій и на разныхъ мѣстахъ баталій, учиненныхъ надъ войски Его Королевскаго Величества Свейскаго.*

1714 годъ начался въ Петербургѣ по обыкновенію пиромъ при Дворѣ и большимъ фейерверкомъ на Троицкой площади. 24-го Января Царь съ Генералъ-Адмираломъ Графомъ Апраксинымъ и Генераломъ Вейде, отправился въ Ревель, для заложенія гавани, и посѣтивъ потомъ Перновъ и Ригу, 15-го Февраля возвратился въ столицу. Здѣсь, на другой день своего пріѣзда, онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть новые трофеи побѣдъ своего воинства: знамена и пушки, взятыя вмѣстѣ съ Шведскимъ корпусомъ Генерала Шлейнбока, въ Голштинской крѣпости Тоннингенѣ, и доставленныя оттуда Бомбардирскою ротою Преображенскаго полка. Въ Мартѣ, на Галерной верфи были спущены на воду

шестьдесятъ полугалеръ, назначенныхъ для дѣйствія у Финляндскихъ береговъ, между такъ называемыми шхерами, или въ тѣсныхъ протокахъ, образуемыхъ многочисленными каменистыми островами, коими усѣяна вся сѣверная часть Финскаго залива. Въ семъ же мѣсяцѣ переведены въ Петербургъ изъ Москвы Помѣстный и Судный Приказы, а въ Апрѣлѣ по Царскому повелѣнію сдѣлана была перепись всѣмъ домамъ новой столицы, которыхъ оказалось 34.550, слѣдовательно среднимъ числомъ (не считая 1703-го года, когда въ Петербургѣ обывательскихъ строеній еще не было), въ семъ городѣ строилось ежегодно 3.455 домовъ; если взять присемъ въ разсужденіе, что постоянное число рабочихъ простиралось до 15 т., то выйдетъ, что каждый домъ былъ отстроенъ меньше нежели пятью человѣками. Изъ сего не трудно понять, что Петербургъ состоялъ болѣе изъ сельскихъ хижинъ, нежели изъ городскихъ зданій; тѣмъ не менѣе многочисленность ихъ свидѣтельствуетъ о той дѣятельности, которая оживляла, по волѣ Петра Великаго, пустынные и болотистые острова Невскихъ устьевъ.

Родительская заботливость Царя о населявшейся и постепенно украшавшейся столицѣ, не препятствовала попеченіямъ его о пользѣ цѣлаго Государства, для величія и блага коего посвящены были всѣ минуты его жизни. Война со Шве-

цією, безпрерывно въ теченіе пятнацати лѣтъ продолжаемая, начинала утомлять терпѣніе Петра. Хотя безсмертное Полтавское дѣло, сокрушившее главныя силы нѣкогда побѣдоносной непріятельской арміи, принудило уже самого Короля Швеціи искать убѣжища подъ чужимъ небомъ, хотя съ одной стороны Финскаго залива, Ингрія, Эстляндія и Лифляндія, съ другой, часть Финляндіи покорены были оружіемъ, и оставалось только убѣдить Швецію къ миру и къ совершенной уступкѣ Россіи всѣхъ сихъ завоеваній, но при чрезвычайныхъ потеряхъ, при всемъ обезсиленіи своемъ, Королевство упорствовало еще, льстясь можетъ быть надеждою на будущее; и потому Петръ, имѣвшій въ Финляндіи корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Князя Голицына, рѣшился усилить дѣйствія онаго флотомъ, который съ возможною поспѣшностію снаряжался на сей предметъ въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ. Между тѣмъ 6-го Мая Царь давалъ аудіенцію прибывшему наканунѣ въ Петербургъ Посланнику Узбекскаго Хана, Хаджи-Могамедъ-Богадира, а 9-го поѣхалъ къ Кронштоту, куда въ тотъ же день, при пушечныхъ выстрѣлахъ съ Петропавловской крѣпости, послѣдовали двѣсти полугалеръ, а 10-го числа на *шнявѣ Ракъ* отправились чужестранные Посланники и Сенаторы, въ числѣ коихъ находились знаменитый въ Исторіи царствованія Петра Великаго, Князь-Кесарь Ромо-

дановскій и Посланникъ Узбекскаго Хана, о коемъ мы упомянули. Какъ Царь, такъ и выступившій за нимъ галерный флотъ, достигли Кронштадта благополучно; но плаваніе шнявы продолжалось црое сутокъ, по причинѣ крѣпкаго противнаго вѣтра и неискусства командира и штурмана; судно сіе брошенно было на мель, и получило сильную течь; къ 9 часамъ вечера буря усилившись разбила гребныя суда шнявы въ щепы, и грозила ей совершенною гибелью; уже на четвертый день шнява, снятая съ мели присланною отъ Царя галерою, прибыла въ Кронштадтъ, едва избѣжавъ крушенія, которое по всей вѣроятности стоило бы жизни именитымъ пассажирамъ. Посланникъ, въ первый разъ видѣвшій море, послѣ неописаннаго страха, потерявъ всю надежду на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ, и ожидая смерти, велѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣни, читать надъ собою священные стихи Корана. 20 Мая всѣ возвратились въ Петербургъ, кромѣ Царя, который, въ званіи Шаубинахта, съ корабельнымъ, а Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ съ галернымъ флотами, вышли въ море, одинъ къ Ревелю, другой къ Або.

Въ то время, какъ война грозила берегамъ Финляндіи, Петербургъ обстроивался и населялся съ прежнею дѣятельностію. Петръ, движимый нетерпѣливымъ, горячимъ желаніемъ, содѣлать сто-

лицу свою красивымъ, обширнымъ и многолюднымъ городомъ, повелѣлъ, чтобы триста пятьдесятъ дворянскихъ семействъ, имѣющихъ за собою не менѣе ста крестьянскихъ дворовъ каждое, строили въ Петербургѣ домы на отведенныхъ отъ казны мѣстахъ, особо сверхъ сего возложивъ построеніе трехъ сотъ домовъ на зажиточныхъ людей разныхъ состояній, какъ-то: купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, и. т. п. и еще столько же на различныхъ художниковъ и мастеровыхъ. Отъ сей повинности освобождались только находившіеся въ чужихъ краяхъ или пославшіе туда дѣтей своихъ для ученія. Естественно, что подобныя мѣры не нравились многимъ изъ тѣхъ, до кого относились, въ особенности же старымъ Боярамъ, видѣвшимъ себя въ необходимости изъ постоянныхъ жилищъ своихъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, переселяться въ край новый, обильный, (по ихъ словамъ) «только слезами и болотами.» Но Петръ, помышляя о будущемъ благосостояніи отечества, пользу общую предпочиталъ выгодамъ частнымъ, и твердою, неизмѣняемою волею сгибалъ неутомимо духъ предразсудковъ и неудовольствій.

Прервемъ на время описаніе заботливости Царя о распространеніи и украшеніи Петербурга, дабы слѣдить дѣйствія его флота, вышедшаго (какъ мы видѣли) во второй половинѣ Мая изъ Крон-

штадта. Первое изъ отдѣленій, коимъ начальствовалъ самъ Царь, достигло мѣста своего назначенія безпрепятственно, но вторрое, предводимое Генералъ-Адмираломъ, встрѣтило затрудненіе: сильный Шведскій флотъ, занявъ позицію у каменистаго мыса Гангута, или Гангёудда (между Гельсингфорсомъ и Або) заграждалъ Русскимъ галерамъ путь къ сему послѣднему. Видя невозможность пробиться съ своими галерами сквозь непріятельскій флотъ, Генералъ-Адмиралъ просилъ Царя, отвлечь оный отъ берега, подходомъ къ шхерамъ съ корабельною своею эскадрою, или, въ случаѣ неудобства сей мѣры, прибыть лично въ галерный флотъ. — Это происходило въ концѣ Іюня. Петръ, не рѣшавшійся оставить Ревель безъ защиты и вмѣстѣ убѣжденный въ невозможности дѣйствовать кораблями въ шхерахъ, отправился самъ къ галерамъ, стоявшимъ въ совершенномъ бездѣйствіи у Тверемунда.

Прибывъ туда, Царь тотчасъ увидѣлъ, сколь опасна была позиція, ими занятая; находясь посреди шхеръ, галеры имѣли только одинъ узкій выходъ, и потому весьма легко могли быть окружены непріятелемъ; онъ, повелѣвъ Апраксину покинуть немедленно сіе мѣсто, принялъ смѣлое намѣреніе — перетащить часть своихъ галеръ сухимъ путемъ, чрезъ перешеекъ, отдѣляющій Тверемундскій заливъ отъ залива, находящагося по

восточную сторону Гангута, дабы произвесть оными нападеніе на Шведовъ, и доставить чрезъ то остальному флоту возможность пройти къ Або. Однако, до приведенія предпріятія сего въ дѣйствіе, начальствовавшій непріятельскимъ флотомъ, Адмиралъ Ватрангъ, замѣтивъ тѣсноту мѣста, занятаго Русскими судами, вознамѣрился запереть ихъ. Съ сею цѣлью, оставаясь самъ при Гангутѣ, онъ поручилъ одной части своего флота (подъ командою Контръ-Адмирала Эреншильда) стать предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Русскіе предполагали впустить въ заливъ галеры, перетащенныя чрезъ перешеекъ, а Вице-Адмирала Лиліена отрядилъ къ тѣсному выходу изъ залива Тверминдскаго. Такимъ образомъ галеры Петра Великаго могли быть не только совершенно заперты, но даже истреблены. Царь видѣлъ всю опасность: онъ рѣшился вывести свой флотъ изъ залива и, пользуясь попутнымъ для Шведовъ вѣтромъ, итти мимо ихъ, за Гангутъ. Успѣхъ увѣнчалъ сію рѣшимость: двѣнадцать галеръ, подъ командою Капитана Змаевича, отважились первые и, счастливо избѣжавъ опасности, были послѣдованы еще пятнадцатью. Тогда Адмиралъ Ватрангъ, изумленный неожиданною смѣлостію Русскихъ, увидѣлъ необходимость отозвать назадъ эскадру Лиліена, дабы совокупными силами остановить дальнѣйшіе ихъ успѣхи.

Между тѣмъ Эреншильдъ съ однимъ фрегатомъ, шестью галерами и тремя шхерботами, все оставался въ своей позиціи, угрожая Россіянамъ сдѣлать безплоднымъ покушеніе ихъ обойти Гангутъ. Видя намѣреніе его, Петръ повелѣлъ Капитану Змаевичу немедленно атаковать сію опасную для него эскадру, однако темнота ночи принудила отложить исполненіе сего до утра.

Царь, въ качествѣ Шаубинахта рѣшился, по взаимному согласію съ Графомъ Апраксинымъ, при разсвѣтѣ дня, не теряя ни одной минуты и не обходя уже мыса, перерѣзать непріятельскій флотъ, чтобъ пробиться сквозь оный. Исполненіе соотвѣтствовало отважному начертанію, и по утру 27-го Іюля всѣ галеры, (за исключеніемъ одной, ставшей на мель и взятой Шведами почти безъ боя), прошли сквозь линіи кораблей и судовъ непріятельскихъ. Сіе обстоятельство поставило Эреншильда въ положеніе, чрезвычайно опасное; Царь сдѣлалъ ему предложеніе сдаться Русскимъ, но какъ храбрый Адмиралъ сей отвергъ оное, то и былъ атакованъ передовыми галерами, предводительствуемыми лично Петромъ и Генераломъ Вейде.

Послѣ двухъ-часоваго, кровопролитнаго боя, фрегатъ и прочія суда Эреншильда были взяты абордажемъ.

Изъ 940 человѣкъ, составлявшихъ экипажи, 352

пали въ славной битвѣ, остальные же, между коими находился и самъ Эреншильдъ, жестоко израненный, взяты были въ плѣнъ. Потеря Русскихъ заключалась въ 124 человѣкахъ убитыми и 342 ранеными. 30-го флотъ совершилъ на мѣстѣ сраженія благодарственное молебствіе, при громѣ взятыхъ у непріятеля пушекъ, и Царь, утѣшенный *первою побѣдою*, одержанною созданнымъ имъ флотомъ, изъявилъ свое удовольствіе въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Фельдмаршалу Шереметеву: « Правда, какъ у насъ въ сію войну, такъ и у « алиртовъ съ Франціею, много не только Гене- « раловъ, но и Фельдмаршаловъ брано, а флагмана « ни единаго, и такъ сею ни коли у насъ быв- « шею викторіею, вамъ поздравляемъ. » Слѣдствіемъ сей побѣды было то, что Адмиралъ Ватрангъ поспѣшилъ оставить берега Финляндіи для защиты Стокгольма и внутреннихъ провинцій Швеціи, а Русскіе прибыли безпрепятственно къ Або, и овладѣли Аландскими островами.

Сіе событіе, вмѣстѣ съ побѣдою Князя Голицына, надъ Шведскимъ Генераломъ Армфельдомъ при городѣ Вазѣ, и взятіемъ крѣпости Нейшлота, довершили покореніе Финляндіи.

Пробывъ еще мѣсяцъ въ морѣ, Царь съ флотомъ своимъ и съ плѣнными судами прибылъ 4-го Сентября къ Кроншлоту, а 6-го отправился къ Петербургу съ сими послѣдними, въ сопровожде-

ніи шести галеръ. Онъ намѣревался въ тотъ же день вступить торжественнымъ образомъ въ городъ, но крѣпкій противный вѣтръ задержалъ его трое сутокъ предъ Екатерингофомъ. Наконецъ, 9-го числа, столица Петра Великаго была свидѣтельницею зрѣлища, котораго она не видала со дня своего основанія.

Рано по утру густыя толпы народа усѣяли оба берега Невы, и чрезъ нѣсколько часовъ нетерпѣливаго ожиданія, взоры ихъ привѣтствовали три Русскія галеры, расцвѣченныя флагами, явившіяся въ устьѣ рѣки; за ними шли два шхербота, шесть взятыхъ галеръ и фрегатъ Контръ-Адмирала Эреншильда; далѣе галера Св. Екатерина, на коей находился Петръ въ званіи карабельнаго Шаубинахта; наконецъ процессія заключалась двумя галерами, изъ которыхъ на одной былъ сподвижникъ Царя, Генералъ Вейде. — Радостное безпрерывное ура! зрителей; 151 выстрѣлъ съ Адмиралтейства и съ крѣпости, встрѣтили побѣдителей.

У пристани противъ церкви Св. Троицы торжественный поѣздъ остановился: здѣсь послѣдовало отнесеніе взятыхъ на морѣ флаговъ и на сухомъ пути знаменъ, въ соборъ Св. Петра и Павла. Шествіе открывала рота Преображенскаго полка, предводимая Генералъ-Маіоромъ Головинымъ; за нею везены были двѣнадцать пушекъ и несены болѣе

шестидесяти Шведскихъ знаменъ и штандартовъ — трофеи побѣды Князя Голицына въ Финляндіи; далѣе за двумя ротами Астраханскаго пѣхотнаго полка, шли плѣнные Шведскіе матросы и солдаты; потомъ, за двумя же ротами Преображенскаго полка, четырнадцать плѣнныхъ Офицеровъ, а позади ихъ четыре унтеръ-офицера несли флагъ Эренпильда, за коимъ онъ самъ шелъ въ новомъ шитомъ серебромъ мундирѣ, подаренномъ ему Петромъ Великимъ, умѣвшимъ почитать и цѣнить достойно мужество своего плѣнника. Вслѣдъ за побѣжденнымъ, шелъ побѣдитель, въ Контръ-Адмиральскомъ мундирѣ, а за нимъ остальныя роты Преображенскаго полка заключали процессію.

При безпрерывной пушечной пальбѣ съ Петропавловской и Адмиралтейской крѣпостей, также съ галеръ и яхтъ, стоявшихъ вдоль обоихъ береговъ Невы, и при радостныхъ восклицаніяхъ народа, занимавшаго обѣ стороны пути, шествіе медленно двигалось къ крѣпости, сквозь нарочно устроенныя тріумфальныя ворота, на коихъ между прочими символическими изображеніями особенное вниманіе обращалъ на себя орелъ, налетавшій на слона, съ подписью внизу: « *Орелъ не мухъ ловитъ.* » Это относилось къ взятію Русскимъ оружіемъ Эренпильдова фрегата, именовавшагося Элефантомъ. По приближеніи къ Сенату, всѣ оста-

новились, и Петръ вступилъ въ присутствіе, по предварительномъ докладѣ Князю Кесарю Ромодановскому; тамъ Царь вручилъ ему письменный рапортъ о Гангутскомъ сраженіи и рекомендательное письмо Генералъ-Адмирала о своей службѣ. По прочтеніи сихъ бумагъ, и по сдѣланіи вѣнценосному Шаубинахту нѣкоторыхъ вопросовъ, относившихся до военныхъ дѣйствій съ Шведами, Князь-Кесарь провозгласилъ его Вице-Адмираломъ, что́ было подтверждено прочими Сенаторами. На Генерала Вейде, мужественнаго сподвижника Царя, были возложены знаки ордена Св. Андрея, а прочіе Офицеры, участвовавшіе въ знаменитой побѣдѣ надъ Эреншильдомъ, получили золотыя медали, на коихъ съ одной стороны было грудное изображенія Петра Великаго, а на другой очеркъ самой битвы, съ надписью: «*прилежаніе и вѣрность превосходятъ силу.*» Точно такими же медалями, только серебряными, были награждены нижніе чины, совершившіе достопамятный подвигъ 27-го Іюля. — Сказавъ нѣсколько благодарственныхъ словъ Ромодановскому и принявъ поздравленіе Сенаторовъ, Петръ вышелъ, и процессія снова потянулась къ крѣпости, для отвезенія пушекъ и постановленія знаменъ въ храмъ.

Возвратясь на галеру, Петръ повелѣлъ поднять на оной флагъ Вице-Адмирала, при появленіи коего снова открылась пушечная пальба, и

всѣ знатныя особы спѣшили принести Монарху свои поздравленія.

Царь, довольный лично заслуженною имъ наградою и торжествомъ, коего былъ виновникомъ, отправился на Васильевскій Островъ, въ домъ любимца своего, Князя Меньшикова. Тамъ, за роскошнымъ обѣдомъ, къ коему приглашенъ былъ и Эреншильдъ, Петръ почтилъ сего Адмирала особеннымъ вниманіемъ и лестными знаками уваженія. «Вы видите здѣсь,» — сказалъ Царь, указывая присутствовавшимъ на своего плѣнника — «вы видите «здѣсь вѣрнаго и храбраго слугу своего Государя, «который достоинъ не только его, но и всего мо- «его уваженія; хотя онъ лишилъ меня множества «храбрыхъ подданныхъ, но тѣмъ исполнялъ долгъ «свой и можетъ быть увѣренъ, что благосклон- «ность моя къ нему никогда не измѣнится.» Тронутый Эреншильдъ всталъ, и, поблагодаривъ Государя поклономъ, отвѣчалъ: — «Я сдѣлалъ только «то, что обязанъ былъ сдѣлать, и хотя не на- «шелъ смерти, которой искалъ, но утѣшаюсь «тѣмъ, что былъ побѣжденъ столь великимъ «морскимъ Офицеромъ, каковы Ваше Величество, «и что удостоился заслужить вашу милость.»

Справедливость, которую Петръ отдавалъ самимъ непріятелямъ, увеличивала общее къ нему уваженіе. Не менѣе поступка его съ Эреншильдомъ заслуживаетъ вниманія поведеніе, рѣчь, ска-

занная имъ чрезъ нѣсколько дней послѣ торжества Гангутской побѣды, именно 28-го Сентября, при успѣшномъ спускѣ въ Адмиралтействѣ корабля *Шлиссельбургъ*, заложеннаго рукою, которая со всѣмъ превосходствомъ генія владѣла топоромъ плотника и скипетромъ Правителя народовъ.

«Товарищи! (говорилъ Монархъ окружавшимъ «его особамъ), кто бы изъ васъ за двадцать лѣтъ «предъ симъ могъ представить себѣ, что здѣсь, «при берегахъ Балтійскаго моря, мы будемъ по- «бѣждать непріятелей, на корабляхъ построен- «ныхъ нашими же руками, и что мы водворимся «въ сихъ мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ нашими тру- «дами и мужествомъ? Думали ли вы, въ такое «краткое время увидѣть такое множество храб- «рыхъ и опытныхъ солдатъ и матросовъ, изъ «природныхъ Россіянъ, и городъ сей населенный «такимъ множествомъ не только уроженцевъ Рус- «скихъ, но и чужестранныхъ Художниковъ, реме- «сленниковъ, людей торговыхъ и ученыхъ, при- «бывшихъ сюда, чтобы водвориться между на- «ми? Думали ли вы, что мы заставимъ столь- «ко уважать себя всѣми образованными наро- «дами? Писатели поставляютъ древнее оби- «талище Наукъ въ Греціи; изгнанныя оттуда «судьбами, онѣ нашли убѣжище въ Италіи, по- «томъ, разсѣясь по всей Европѣ, дошли до Поль- «ши; но въ отечество наше не проникли по не-

«вѣжеству нашихъ предковъ и мы оставались въ «той самой тмѣ, въ какую до появленія ихъ бы- «ли погружены Германія и Польша. Попечитель- «ностію мудрыхъ правителей, обитатели сихъ Го- «сударствъ просвѣтились и пришли уже сами въ «состояніе обучать тѣмъ Наукамъ, какими въ дре- «вности хвалилась одна Греція. Теперь дошла до «насъ очередь, и просвѣщеніе уже не встрѣтитъ «препятствій въ нашемъ отечествѣ, если только «вы будете искренно и безпрекословно вспомоще- «ствовать моимъ намѣреніямъ, и къ повиновенію «вашему присоедините трудъ и терпѣніе. Я сра- «вниваю ходъ Наукъ съ кругообращеніемъ человѣ- «ческой крови и надѣюсь, что онѣ скоро пересе- «лятся къ намъ и, утвердя у насъ свое владыче- «ство, перейдутъ наконецъ въ прежнее свое оби- «талище, Грецію. Я предчувствую, что Русскіе «когда нибудь, а можетъ еще и при нашей жиз- «ни, пристыдятъ самые просвѣщенные народы «своими успѣхами въ Наукахъ, своею неутомимостію «въ трудахъ, и имя свое вознесутъ на верхъ славы.»

Рѣчь сія, сказанная безсмертнымъ Петромъ отъ глубины великой души его, была слушана въ свя- щенномъ молчаніи: она привела въ совершенный восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ, и тѣ изъ нихъ, кои въ тайнѣ роптали еще на дѣйствія Монарха, не могли не убѣдиться въ истинѣ его словъ, въ величіи и пользѣ его мудрыхъ намѣреній.

26-го Октября спущенъ, въ присутствіи Государя, въ томъ же Адмиралтействѣ, другой, 64-хъ пушечный корабль Нарва; 20-го слѣдующаго мѣсяца состоялся Высочайшій Указъ: о причисленіи къ Александроневскому монастырю Духова монастыря въ Новгородѣ и 1554-хъ крестьянскихъ дворовъ въ уѣздахъ: Новгородскомъ, Ярославскомъ, Углицкомъ, Кашинскомъ, Тверскомъ, Новоторжскомъ и Бѣжецкомъ. Обезпечивъ такимъ образомъ содержаніе обители, воздвигнутой въ новомъ городѣ на мѣстахъ, издревле прославленныхъ подвигами героя Невскаго, Царь присутствовалъ со всѣмъ Дворомъ своимъ, на освященіи церкви, построенной любимцемъ его, Меньшиковымъ, у берега большой Невы (1). По случаю освященія сего, происходившаго 23 Ноября, въ день именинъ роскошнаго Князя, даны имъ были большой обѣденный столъ, балъ и великолѣпный фейерверкъ. Церковь, построенная во имя Воскресенія Христова, была мазанковая съ желѣзною кровлею и колокольнею, на которой находились часы съ боемъ и игрою; въ ней была устроена каѳедра, что̀ тогда считалось въ Петербургѣ рѣдкостью; главнѣйшую же ея достопамятность составляло богатое Евангеліе, нѣкогда принадлежавшее Мазепѣ

(1) На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится манежъ 1-го Кадетскаго Корпуса.

и послѣ бѣгства его съ Карломъ XII, доставшееся Меньшикову, побѣдителю Шведской арміи при Переволочнѣ (1).

Возлѣ скромнаго храма, о коемъ мы говорили, возвышался огромный каменный домъ, построённый дворецкимъ Князя, Соловьевымъ (2). Зданіе сіе послѣ домовъ Меньшикова и Апраксина, (находившагося противъ Адмиралтейства, на мѣстѣ, занимаемомъ теперь угловою частію Зимняго Дворца) было лучшее въ столицѣ.

24-го Ноября, въ день тезоименитства Царицы, учрежденъ основателемъ Петербурга орденъ Св. Екатерины, въ честь супруги его, и какъ даръ признательности къ великимъ заслугамъ, оказаннымъ ею супругу и Государству — въ эпоху достопамятнаго Прутскаго дѣла.

Единогласныя показанія современниковъ свидѣтельствуютъ, что для спасенія Царя и арміи, Государыня пожертвовала тогда всѣми своими драгоцѣностями, и тѣмъ успѣла склонить Верховнаго Визиря къ свободному пропуску Русскихъ войскъ въ свои предѣлы. Важность обстоятельства сего подтверждается самымъ Уставомъ Ор-

---

(1) Нынѣ Евангеліе сіе составляетъ собственность церкви Перваго Кадетскаго Корпуса.

(2) Въ немъ помѣщаются нынѣ Учители и другіе чиновники Корпуса.

дена, названнаго *Орденомъ Свобожденія*; Царица, какъ *великая Госпожа Ордена*, первая возложила на себя знаки онаго; въ 1725 году Цесаревна Анна Петровна была ими украшена въ торжественный день бракосочетанія своего съ Голстинскимъ Герцогомъ, Карломъ Фридрихомъ. Третьи знаки получила, въ томъ же году, Цесаревна (въ послѣдствіи Императрица) Елисавета Петровна; затѣмъ въ 1726-мъ симъ орденомъ были пожалованы: дочери Царя Іоанна Алексѣевича, Мекленбургская Герцогиня Екатерина, Герцогиня Курляндская (послѣ бывшая Императрицею) Анна, Царевна Праскевія, супруга Князя Меньшикова и Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Императора Петра II. Въ 1727 году малолѣтный сынъ Князя Меньшикова получилъ сей орденъ: это единственный примѣръ пожалованія онымъ особы мужескаго пола. Въ томъ же году знаменитый любимецъ Петра, по смерти его почти владѣвшій броздами правленія и достигшій высочайшей степени человѣческаго счастія — если оное заключается въ пресыщеніи собственнаго честолюбія, чрезмѣрномъ богатствѣ и могуществѣ, — успѣлъ доставить почесть сію не только двумъ своимъ дочерямъ: Маріи, обрученной невѣстѣ юнаго Императора, и Александрѣ, но и сестрѣ супруги своей, Арсеньевой.

Когда сіе могущественное и вмѣстѣ несчастное

семейство пало, знаки ордена, торжественнымъ образомъ возложенные на Царскую невѣсту, перешли къ заступившей ея мѣсто, и наслѣдовавшей одинаковую съ нею участь, Княжнѣ Долгоруковой. Такимъ образомъ орденъ Св. Екатерины невольно приводитъ къ воспоминанію событій великихъ или разительныхъ. Изъ иностранныхъ особъ, первая, получившая оный, въ 1737-мъ году была Марія Іозефина, супруга Польскаго Короля и Саксонскаго Курфирста Фридриха Августа.

Чрезъ четыре дня послѣ учрежденія ордена Св. Екатерины, Царь торжественно принималъ главнаго предводителя своего флота, Апраксина, прибывшаго съ онымъ отъ береговъ Финляндіи; а 4-го Декабря былъ обрадованъ возвращеніемъ изъ Константинополя, содержавшихся тамъ заложниками, до окончательнаго исполненія условій Прутскаго трактата: Тайнаго Совѣтника Толстаго и Вице-Канцлера Шафирова. Товарищъ ихъ трудовъ и заключенія, Графъ Шереметевъ, сынъ Фельдмаршала, умеръ на пути въ Россію.

Въ семъ же году, обильномъ столь многими достопамятными событіями, состоялся примѣчательный въ Исторіи построенія столицы Указъ 9 Октября, запрещавшій: «подъ опасеніемъ лише-
«нія всего имѣнія и ссылки, производить гдѣ либо
«въ Россіи каменное строеніе, кромѣ Петербурга.»
Поводомъ къ сему было желаніе усилить сколь

возможно населеніе города, чему препятствовалъ недостатокъ въ каменщикахъ, кои, бывъ большею частію уроженцы внутреннихъ губерній Государства, охотнѣе шли работать въ мѣста, ближайшія къ ихъ постояннымъ жилищамъ, и надѣленныя отъ природы климатомъ не столь сырымъ и суровымъ; тѣмъ болѣе, что предразсудки, недоброжелательство, а можетъ быть и привязанность къ старинѣ, устами народной молвы разглашали о климатѣ Петербургскомъ небывалые ужасы.

Недостатокъ въ камняхъ для фундаментовъ домовъ и для мощенія улицъ имѣлъ послѣдствіемъ другой Указъ, 24 Октября, коимъ повелѣно было привозить оные въ Петербургъ водою на шхутѣ и на карбусѣ по 30, на полукарбусѣ по 20, на водовикѣ и соймѣ по 10-ти штукъ; сухимъ же путемъ на возахъ съ товарами или иною кладью, по три; вѣсъ камня, доставляемаго на судахъ, полагался не менѣе 10-ти, а на возахъ не менѣе 5-ти фунтовъ; невыполнявшіе сего, подвергались денежному штрафу, по гривнѣ за камень.

Въ семъ же году, состоялся важный для городскаго порядка и безопасности Указъ 6-го Декабря: размноженіе въ столицѣ воровъ и разбойниковъ побудило Петра повелѣть, чтобы никто изъ обывателей Петербургскихъ не держалъ при себѣ людей безъ законныхъ видовъ, или *поручныхъ записей*; наконецъ, 9-го Декабря, особымъ Указомъ назначено

выслать изъ губерній въ Петербургъ къ Таможнямъ и досмотрамъ кораблей, придцать семь бургомистровъ, *изъ добрыхъ и нажиточныхъ людей*, бывшихъ уже прежде при городскихъ ярмаркахъ головами, ларечными, бургомистрами и таможенными сборщиками.

Между тѣмъ число новыхъ домовъ, украсившихъ въ сіе время городъ, для безопасности и устройства коего Царь принималъ столь дѣйствительныя мѣры, было довольно значительно; примѣчательнѣйшій изъ оныхъ выстроенъ Адмиралтействъ-Совѣтникомъ Кикинымъ, на берегу Невы, противъ срытаго Шеншанца. На Петербургскомъ островѣ, влѣво отъ кронверка, у берега Малой Невки построили деревянный мытный дворъ, для продажи съѣстныхъ припасовъ; на Троицкой площади, новые двѣнадцать мазанковыхъ домовъ, о двухъ ярусахъ, назначенные для помѣщенія Государственныхъ Коллегій, а на концѣ нынѣшней Большой Никольской улицы, домъ для Губернской Канцеляріи. По свидѣтельству современниковъ, устройство и порядокъ теченія дѣлъ сей Канцеляріи были совершенны; замѣчательно, что при ней состояли переводчики для шестнадцати языковъ: Русскаго, Польскаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго, Голландскаго, Датскаго, Италіянскаго, Испанскаго, Греческаго, Турецкаго, Татарскаго, Китайскаго, Монгольскаго и Калмыцкаго.

Въ семъ же году Троицкая церковь (построенная въ 1710 году), увеличена пристройкою къ ней трапезы и двухъ придѣловъ, а на мѣстѣ нынѣшней церкви Св. Апостола Матѳея, на Петербургскомъ же Островѣ, построенъ небольшой деревянный хлѣбный рынокъ, названный Ростовскимъ рядомъ, по той причинѣ, что торговавшіе въ оном большею частію были Ростовцы.

Начало **1715** года употреблено было съ чрезвычайною дѣятельностію на украшеніе города; въ самомъ Петербургѣ достроивали каменную Петропавловскую церковь, Почтовый домъ, отдѣлывали Гостинный дворъ, и вновь строили на Выборгской сторонѣ каменный госпиталь для больныхъ Военнаго вѣдомства, между тѣмъ какъ въ Петергофѣ созидали обширный дворецъ, съ каналомъ къ морю, обдѣланнымъ камнемъ. Петръ неутомимо подвигалъ работы собственнымъ надъ оными надзоромъ; онъѣздилъ въ Кронштадтъ, Петергофъ и Красное село, и заложилъ въ Адмиралтействѣ 80-ти-пушечный корабль. Январь мѣсяцъ сего года памятенъ еще придворнымъ праздникомъ, начавшимся 16-го числа и продолжавшимся нѣсколько дней сряду. Поводомъ къ празднеству была женитьба осьмидесяти четырехъ-лѣтняго Князя-Папы Зотова, съ тридцати четырехъ-лѣтнею вдовою. Званіе Князя-Папы было однимъ изъ тѣхъ стран-

ныхъ, свойственныхъ духу и обстоятельствамъ времени средствъ, которыми Петръ почиталъ необходимымъ дѣйствовать на народъ свой; онъ чувствовалъ, что въ рукахъ опытныхъ насмѣшка становится орудіемъ чрезвычайно сильнымъ, а потому часто и успѣшно употреблялъ оную, для искорененія многихъ недостатковъ, для истребленія многихъ причудъ, для развитія многихъ понятій (1).

Свадьба Тайнаго Совѣтника Никиты Моисѣевича Зотова съ вдовою Ржевскою, занимала Царя еще осенью 1714 года. 21 Сентября состоялось чрезвычайно оригинальное письменное о семъ извѣщеніе, носившее печать особенной веселости: « Позвать вѣжливо, (сказано въ семъ приглашеніи), « особливымъ штилемъ, не торопясь; того, кто « фамиліею своею гораздо старѣе чорта (то есть « Оберъ-Корсицкаго Маразина), лучшаго изъ всѣхъ « хвастуновъ, Бѣлохвастова, который кромѣ души « весь въ заплатахъ, того что съ похмѣлья го- « раздо — и ш. д. » въ семъ шутливомъ тонѣ написана была вся грамота. (1).

---

(1) Въ шестой главѣ читатель найдетъ нѣкоторыя подробности относительно достоинства Князя-Папы, о которомъ мы будемъ еще имѣть случай упомянуть въ сей Исторіи.

(1) Списокъ съ сего забавнаго повѣщенія, чита-

Вмѣстѣ съ симъ, разосланы къ четыремъ стамъ лицамъ, приглашеннымъ на свадьбу, слѣдующія объявленія: «По указу Великаго Государя объя-«вить нижеписаннымъ, чтобы быть имъ на свадь-«бѣ Тайнаго Совѣтника Никиты Моисеевича Зо-«това, всесвѣтнаго манера въ платьѣ, каждаго «манера по три человѣка, и въ томъ согласясь, «и о платьѣ кто какое возмнишь сдѣлать, объя-«вить Государственному Канцлеру и Кавалеру Га-«врилѣ Ивановичу Головкину сего Сентября 22 го, «дабы однимъ образцомъ больше трехъ платьевъ «у другихъ не было и конечно бъ оное платье въ «готовности было Сентября къ 29-му числу.» — Сіе объявленіе, касавшееся до особъ обоего пола, было въ послѣдствіи измѣнено въ томъ, что вмѣсто трехъ человѣкъ въ одинаковомъ платьѣ могли быть четверо. 10-го Декабря всѣмъ приглашеннымъ на свадьбу повелѣно было собраться въ маскарадныхъ костюмахъ, скрытыхъ отъ любопытнаго народа подъ плащами, на Васильевскомъ Острову въ домѣ Секретаря, Князя Меньшикова, Волкова (*)

тели найдутъ на стр. 247-й X-го тома дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова.

(*) Домъ сей, въ коемъ въ послѣдствіи помѣщалась аптека 1-го Кадетскаго Корпуса, существуетъ и понынѣ въ Кадетской линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами.

Меньшиковъ сообщая о сей Царской волѣ Канцлеру Головкину, въ заключеніи письма своего объявляетъ слѣдующее: «Присемъ прилагаю роспись «Его Царскаго Величества собственной руки, «по которой извольте тѣмъ персонамъ объявить, «чтобы каждый изготовилъ къ тому браку сани, «а именно *линеи* такія, какова у Царскаго «Величества, на которой бы можно десяти «персонамъ сѣсть, а на полозья *кріули* брать «изъ Адмиралтейства.» Въ два часа по полудни Царь прибывъ въ опредѣленный для сборнаго мѣста домъ Волкова, утвердилъ расписаніе, кому въ какомъ нарядѣ и съ какимъ музыкальнымъ инструментомъ, участвовать въ свадебномъ празднествѣ, назначенномъ 16 Января. Въ день свадьбы, гости начали съѣзжаться по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ съ крѣпости, мужчины на Петербургскую сторону въ домъ Канцлера Головкина, а дамы въ находившійся по близости онаго домъ невѣсты; — оттуда всѣ отправились церемоніяльнымъ образомъ въ крѣпостную Петропавловскую церковь, предшествуемые женихомъ въ нарядѣ Кардинала; за нимъ, одѣтый Царемъ Давидомъ, съ рылями, висѣвшими на перевязяхъ изъ мѣдвѣжей кожи, ѣхалъ Князь Кесарь Ромадановскій, далѣе съ рылями же слѣдовали одѣтые Гамбургскими Бургомистрами въ черныхъ мантіяхъ, съ манжетами и въ беретахъ Князь Меньшиковъ,

Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ, Генералъ-Фельдцейгмейстеръ Графъ Брюсъ, Генералъ Вейде и Польско-Саксонскій Посланникъ Графъ Фицтумъ; за ними, въ разнохарактерныхъ костюмахъ, били въ барабаны: Царь, одѣтый матросомъ; Генералъ Бутурлинъ, Князь Трубецкой и корабельный мастеръ Скляевъ, далѣе слѣдовало болѣе полутораста особъ мужескаго пола одѣтыхъ: Китайцами — съ дудочками, Венеціанами — съ свирѣлями, скороходами — съ большими палками, Римскими архіепископами — съ рогами, Турками съ тарелками, рудокопами — съ цитрами, Нѣмецкими пастухами — съ флейтами, *Ассесорами — съ соловьями*, Американцами — съ деревянными вилами, древними Лифляндскими рыцарями — верхомъ съ флейтами и дудками, докторами, въ красныхъ плащахъ — съ книгами, матросами, — съ трещетками, *въ охобняхъ съ тулумбасами и набатами*, Венгерцами — съ сковородами, поляками — съ скрипками, Норвежскими крестьянами — съ варганами, Калмыками — съ балалайками, въ шубахъ, съ тазами, пасторами — съ гудками, киноловами — съ копьями, шхиперами — съ охотничьими свистками, Армянами и Японцами — съ флейтами, Прусскими почталіонами — съ рожками, охотниками — съ рогами, и проч. Нельзя исчислить всѣхъ кадрилей сего необыкновеннаго маскарада. кромѣ упомянутыхъ нами,

тамъ были еще Македонцы, Бернардинскіе монахи, Тунгусы, Тиремарскіе мужики, Турецкіе дровосѣки, *Гондурасы* (Honduras), рыболовы, люди *въ Никонскомъ платьѣ, въ Баурской одеждѣ, въ Конарскомъ платьѣ*, въ коротких шубахъ надѣтыхъ на выворотъ, одни съ гобоями, другіе съ трубами, колокольчиками, варганами, рогами, Новгородскими трещетками, свирѣлями, пузырями наполненными горохомъ, глиняными дудками, *Хизикскими* горшками, органными трубками, старинными сипилками, литаврами, волынками и проч. и проч. — Въ семъ длинномъ, разнообразномъ сборищѣ гостей, — посреды *Ассесоровъ* и Венеціанъ, державшихъ въ рукахъ урны, ѣхали: старшій и шесть младшихъ шаферовъ, « *безъ игръ для того, что отъ старости своей немогли ничего въ рукахъ держать.* — За кавалерами слѣдовали дами: Царица Екатерина съ осьмью особами ея штата, — въ Фризланскомъ платьѣ, вдовствовавшая супруга Царя Ѳеодора Алексѣевича — Царица Марѳа Матвѣевна, по неотступнымъ убѣжденіямъ Петра, рѣшившаяся, участвовать въ маскарадѣ, Царица Параскевія Ѳеодоровна и Царевна Наталія Алексѣевна въ Польскомъ костюмѣ, Царевны Анна, Екатерина и Параскевія Іоанновны — въ Испанскомъ, супруга Царевича Алексѣя Петровича и нѣсколько придворныхъ дамъ — въ старонѣмецкомъ; прочія же знатныя дамы въ нарядахъ Ис-

панскихъ, Польскихъ, Венгерскихъ, Новгородскихъ, Китайскихъ; въ шубахъ, лѣтникахъ, шѣлогрѣйкахъ, и т. п. — Представьте себѣ эту пеструю смѣсь лицъ и одеждъ, длинной полосою чинно движущуюся по улицамъ, при одобрительномъ ропотѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ восхищенныхъ зрителей, при оглушительномъ громѣ, трескѣ, скрипѣ и визгѣ музыкальныхъ инструментовъ, орудій и принадлежностей всѣхъ кадрилей, при дикихъ и непонятныхъ звукахъ сливавшихся въ общій нестройный гулъ, по временамъ покрываемый отчаяннымъ ревомъ четырехъ огромныхъ медвѣдей, дразнимыхъ рогатинами и привязанныхъ къ санямъ Князя-Кесаря, прибавьте къ сему, смѣшную наружность четырехъ необыкновенно тучныхъ крестьянъ, избранныхъ въ скороходы и шедшихъ по сторонамъ широкихъ, высокихъ саней жениха; представьте себѣ, среди народа еще новаго во всемъ, процессію здѣсь описанную, въ самомъ смѣшномъ, въ самомъ странномъ видѣ, какой только можетъ изобрѣсть ваше воображеніе; тогда вы будете имѣть слабое понятіе объ этомъ истинно неподражаемомъ сѣверномъ карнавалѣ!

Въ церквѣ бракъ былъ совершенъ священникомъ, имѣвшимъ болѣе 90 лѣтъ отъ роду. По окончаніи обряда весь поѣздъ, въ прежнемъ порядкѣ отправился въ домъ новобрачнаго, (находившійся на ны-

нѣшней Гагаринской пристани), тамъ въ продолженіе обѣденнаго стола старики, едва державшіеся на ногахъ, подносили гостямъ вино, между тѣмъ внѣ дома разставлены были для народа разныя яства и напитки. — На другой день всѣ гости прежнимъ порядкомъ ѣздили: сперва навѣстить новобрачныхъ, потомъ на обѣдъ въ домъ Генералъ-Адмирала, а передъ вечеромъ торжественно возили по городу Князя-Папу, съ его молодою супругою! — Забава сія повторялась ежедневно до самаго Февраля мѣсяца.

Не будемъ входить въ причины, побуждавшія Царя при всякомъ удобномъ случаѣ возобновлять подобныя увеселенія. Великій находилъ сіе необходимымъ, и тѣшилъ жителей Петербургскихъ чудными зрѣлищами, въ промежуткахъ коихъ безпрерывно раждались безсмертныя творенія сего генія, образовавшаго народъ свой, какъ бы шутя.

Юноши дворянства Россійскаго имѣли разсадникомъ Гвардію для части военно-сухопутной; ибо званіе офицера пріобрѣталось только выслуженіемъ нѣсколькихъ лѣтъ солдатомъ, въ полкахъ Преображенскомъ или Семеновскомъ; для флота же, кромѣ неважнаго училища въ Москвѣ, не было заведенія, которое бы удовлетворяло желанію Петра: доставить морской службѣ офицеровъ, знакомыхъ съ труднымъ и важнымъ искусствомъ своимъ не по одной только практикѣ, пріобрѣ-

таемой во время самой службы, но и по основательному, теоретическому изученію онаго. Предположивъ учредить въ Петербургѣ *Морское Училище*, Петръ поручилъ (еще въ 1712 году) начертаніе плана сего заведенія, (послужившаго основаніемъ нынѣшнему Морскому Кадетскому Корпусу) Барону С. Гиллеру; когда и какъ сей послѣдній исполнилъ оное, мы увидимъ въ послѣдствіи; но прежде должны показать читателю дальнѣйшія занятія Царя въ Петербургѣ, и постепенное распространеніе сего города, дабы не нарушить хронологическаго порядка, нами принятаго.

1-го Мая Петръ присутствовалъ въ Адмиралтействѣ, при торжественномъ по обыкновенію и всегда радостномъ для него, спускѣ корабля. Новопостроенный 64-пушечный корабль, въ сей разъ спущенный на воду Невы, былъ названъ *Ингерманландомъ*. 27-го числа Царь имѣлъ огорченіе лишиться двухлѣтней дщери своей, Наталіи, которая погребена въ Соборѣ Св. Петра и Павла, а 29-го отправилъ изъ столицы къ Кронштлоту галерный флотъ, на который были посажены оба гвардейскіе полка, также два армейскіе: Ингерманландскій и Астраханскій. Въ то время, какъ у Кронштлота производились приготовленія къ морскому походу, Петръ 7-го Іюня получилъ новое прискорбное извѣстіе, что во время

сильной грозы и бури, свирѣпствовавшей въ теченіе нѣсколькихъ дней, молнія ударила въ крюйтъ-камеру (*), построеннаго въ прошедшемъ году 64-пушечнаго корабля *Нарвы*, и подняла оный на воздухъ, почти съ 300 человѣкъ экипажа. Утрата людей чрезвычайно опечалила Царя: она была невозвратима; но примѣчательно, что въ сей же самый день, какъ бы въ замѣнъ потери корабля, спущенъ былъ въ Петербургѣ другой, точно такого же ранга корабль: *Москва*.

Шестаго слѣдующаго мѣсяца, корабельный и галерный флоты, подъ главнымъ предводительствомъ Генералъ-Адмирала, вышли отъ Кронштота въ море, а 7-го послѣдовало отправленіе въ Персію Чрезвычайнаго Посла, Подполковника Волынскаго, бывшаго въ послѣдствіи Кабинетъ-Министромъ и въ семъ высокомъ званіи содѣлавшагося жертвою ненависти Бирона (**). Цѣлію посольства, о коемъ мы говоримъ, было желаніе Петра Великаго, получить сколь можно вѣрныя свѣдѣнія о военномъ состояніи Персіи, и заключить съ симъ Государствомъ торговый трактатъ.

18-го Августа отправилось изъ С.-Петербурга еще другое, замѣчательное посольство: Китайскій

(*) Мѣсто храненія пороха въ кораблѣ.

(**) По настоянію сего временщика, Волынскій былъ казненъ въ царствованіе Анны Іоанновны.

Богды-Ханъ просилъ Сибирскаго Губернатора, Князя Гагарина, прислать ему искуснаго Медика, съ разными, наиболѣе употребительными лекарствами и врачебными припасами. Гагаринъ поспѣшилъ донести о семъ Царю, который, желая воспользоваться симъ случаемъ для утвержденія съ Китаемъ дружественныхъ связей и для полученія точныхъ свѣдѣній о состояніи сего Государства, отправилъ въ Пекинъ одного изъ Врачей военнаго вѣдомства, родомъ Англичанина, вызвавшагося на сію посылку, давъ ему въ товарищи Инженера Лоренца Ланга.

Походъ флота, неознаменованный ничѣмъ примѣчательнымъ, состоялъ въ плаваніи до Рогервика, или Балтійскаго порта, предназначеннаго Петромъ Великимъ для обширной военной гавани; придцатаго Августа Царь уже былъ въ Петербургѣ.

Посѣтивъ вскорѣ по своемъ пріѣздѣ работы, производившіяся на Котлинскомъ островѣ, въ Петергофѣ и Стрѣльнѣ, онъ отправился 9-го Октября въ Шлиссельбургъ, праздновать по обыкновенію день покоренія сей крѣпости, и тамъ 12-го числа получилъ вѣсть о рожденіи въ сей день въ Петербургѣ внука, Великаго Князя Петра (*). Обстоятельство сіе заставило Царя на другой

(*) Наслѣдовавшаго Престолъ по смерти Императрицы Екатерины I-й.

же день прибыть въ столицу, гдѣ радость его была вскорѣ отравлена скорбію о преждевременной кончинѣ матери новорожденнаго, послѣдовавшей 22-го того же мѣсяца.

Принцесса Шарлотта Христина Софія Брауншвейгъ-Волфенбиттельская, сестра супруги Римскаго Императора Карла VI-го, сочеталась бракомъ съ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ въ 1711 году, въ Торгау. Прекрасныя ея душевныя качества содѣлали ее предметомъ уваженія не только Царя и всего Двора, но и всѣхъ жителей Петербурга; для совершеннаго счастія ей недоставало одного: искренней любви супруга. Принцесса, томимая горестію, не пріобрѣтя любви сей, скончалась на двадцать второмъ году отъ рожденія; 27-го Октября происходило торжественное погребеніе ея шѣла въ Петропавловскомъ Соборѣ, а въ слѣдующій день, глубокая скорбь Царя была облегчена рожденіемъ ему сына, которому Петръ далъ свое имя. Трауръ былъ немедленно отмѣненъ, цѣлая недѣля опредѣлена для празднованія сего желаннаго событія, и многія особы, находившіяся въ отсутствіи, извѣщены объ ономъ собственноручными письмами Царя, въ коихъ проявлялась вся его радость. Такъ между прочими писалъ онъ къ Фельдмаршалу Шереметеву:

«Объявляю вамъ, что сей ночи далъ Богъ

« Мнѣ рекрута отцовымъ именемъ. Прошу Гос-
« подъ Генераловъ и прочихъ отъ высшихъ до
« низшихъ, отъ Меня поздравить и сіе объявить. »
Въ письмѣ къ Морскому Капитану фонъ-Гофту
Петръ называлъ новорожденнаго « маленькимъ ма-
« тросомъ. » Объявляя же о семъ Гвардіи Маіору
Салтыкову, прибавилъ: « дай Богъ, чтобъ ви-
« дѣть подъ мушкетомъ. » Могъ ли це радоваться
Петръ Великій при одной мысли, что онъ
имѣетъ сына, который вѣроятно болѣе Царевича
Алексѣя Петровича содѣлается достойнымъ при-
нять Престолъ, необъятными трудами отца его
прочно утвержденный и мудро править наро-
домъ, введеннымъ въ путь славы; была ли ра-
дость сія продолжительною? сбылись ли сладкія
надежды Великаго? увидимъ въ послѣдствіи.

7-го Ноября, въ Зимнемъ Царскомъ домѣ, проис-
ходило торжественное крещеніе Царевича, коего
заочными воспріемниками были Короли Прусскій и
Датскій. По совершеніи священнодѣйствія, всѣ
приглашенные къ оному, были званы къ обѣденно-
му великолѣпному столу, предъ окончаніемъ кото-
раго (какъ и въ 1710 году при бракосочетаніи
Царевны Анны Іоанновны), внесли въ залу и по-
ставили предъ гостьми два пастета, изъ коихъ
вышли карлики. Вечеромъ на Невѣ предъ Лѣт-
нимъ садомъ сожженъ большой фейерверкъ, заклю-
ченный щитомъ, на которомъ аллегорически

изображалось рожденіе Царевича, съ надписью, *Надежда съ терпѣніемъ.*»

Воротимся нѣсколько назадъ, дабы упомянуть объ Указахъ, состоявшихся въ семъ году. До отправленія своего со флотомъ, Царь Указомъ 13-го Іюля повелѣлъ перевесть изъ Москвы въ Петербургъ Рудокопный Приказъ. 4-го Ноября издалъ Указъ, коимъ назначилъ переводимымъ въ Петербургъ изъ другихъ губерній купцамъ селиться на Васильевскомъ, а ремесленникамъ на Петербургскомъ Островахъ; за мѣсяцъ же до сего утвердилъ учрежденіе *Морской Академіи.*

Мы уже говорили выше о порученіи, сдѣланномъ Петромъ Великимъ Барону С. Гиллеру. 18-го Сентября онъ подалъ Царю готовый проектъ объ учрежденіи Морскаго Училища. Проектъ сей состоялъ изъ десяти пунктовъ, и былъ довольно хорошо обдуманъ; но самолюбіе С. Гиллера не довольствовалось честію, которую бы могло ему принести составленіе проэкта: высокомѣрный Баронъ неумѣстно и нескромно требовалъ для себя не только отличныхъ наградъ, но и рѣшительно объявилъ, что лучше хочетъ быть уволеннымъ отъ службы, нежели знать, что въ чемъ либо отступлено отъ его предположеній. Царь въ справедливомъ негодованіи, велѣлъ ему: «или дѣлать «свое дѣло безъ прихотливыхъ запросовъ, или отдавъ «взятое жалованье, выѣхать изъ Россіи.» Точно С. Гиллеръ вскорѣ былъ смѣненъ вовсе.

На другой же день Царской резолюціи (1-го Октября), послѣдовалъ Указъ объ учрежденіи на Адмиралтейской сторонѣ, въ описанномъ въ казну домѣ Совѣтника Кикина, Училища для образованія Морскихъ Офицеровъ, подъ названіемъ *Морской Академіи* (*), для трехъ-сотъ воспитанниковъ изъ дворянъ. Академія подчинена была главному начальству Генералъ-Адмирала Графа Апраксина. Положить краеугольный камень въ основаніе заведенія, которое въ послѣдствіи столь много доставило Россійскому флоту свѣдущихъ Офицеровъ, было дѣломъ, достойнымъ творческой руки Петра.

Такимъ образомъ высшія правительственныя мѣста, средства и способы просвѣщенія, порядокъ городской и гражданскій, все сосредоточивалось постепенно въ С.-Петербургѣ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ 1715 года, Царь почти ежедневно посѣщалъ Сенатъ и Коллегіи, гдѣ обращалъ вниманіе на правильность и порядокъ производства дѣлъ, и приступилъ къ важному во всѣхъ отношеніяхъ сочиненію Воинскаго Устава.

Въ сіе же время (8 Ноября), послѣдовалъ Указъ, коимъ повелѣвалось Петербургскимъ жителямъ:

(*) Смотр. описаніе Морскаго Кадетскаго Корпуса въ третьей части Панорамы.

укрѣплять сваями берега Невы и ея протоковъ. Наконецъ къ примѣчательнымъ происшествіямъ сего года должно отнести наводненіе, бывшее въ столицѣ 5-го Ноября. Вода, выступивъ изъ береговъ, разлилась по всему городу, снесла существовавшіе по каналамъ мосты, повредила множество домовъ, и поломала береговыя укрѣпленія и пристани. Къ счастію встревоженныхъ жителей, бѣдствіе послѣдовало днемъ, и вода скоро пошла на убыль.

1716. — Въ послѣдующіе два года Царь почти вовсе не видалъ Петербурга, ибо выѣхалъ изъ онаго за границу 27-го Января 1716, а возвратился не прежде осени 1717 года.

Предъ отъѣздомъ своимъ, Петръ отдалъ послѣдній долгъ вдовствовавшей супругѣ Царя Ѳедора Алексѣевича: Маѳѣ Матвѣевнѣ, родной сестрѣ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина. Царица, бывшая въ супружествѣ только четыре мѣсяца, оставалась безутѣшною въ продолженіе своего вдовства: она постоянно избѣгала обществъ, и только по настоятельному желанію Петра Великаго, не за долго до кончины своей переселилась изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ продолжала вести жизнь самую затворническую; не выходила никогда изъ своей комнаты, и не видѣла никого кромѣ родственныхъ особъ и малочисленной своей

прислуги. Убитая искреннею горестію, она скончалась на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія и погребена въ Петропавловскомъ Соборѣ (*). Гробъ былъ везенъ изъ дома усопшей (находившагося на Адмиралтейской сторонѣ), чрезъ покрытую льдомъ Неву, среди двухъ рядовъ факеловъ; предъ печальною колесницею шествовало многочисленное Духовенство; драгоцѣнную Царскую корону несъ Тайный Совѣтникъ Толстой, а за гробомъ слѣдовали, кромѣ Царской Фамиліи, болѣе семи сотъ человѣкъ разнаго званія; толпы народа заключали процессію.

Въ продолженіе лѣта, необыкновенно жаркаго, за коимъ послѣдовала сильная засуха, Царская фамилія понесла новую, чувствительную утрату, въ лицѣ благотворительной Царевны Наталіи Алексѣевны, родной и любимѣйшей сестры Петра Великаго: она скончалась въ Петербургѣ 18-го Іюня, слѣдовательно во время отсутствія Царя, и погребена при Александроневскомъ монастырѣ; надъ могилою ея построена тогда же небольшая деревянная церковь Св. Лазаря, а въ 1723 году тѣло ея перенесено въ церковь Благовѣщенія, гдѣ почіетъ и понынѣ. — Петръ, желая почтить память сестры достойнымъ образомъ, повелѣлъ

(*) Подъ нынѣшней колокольнею у западныхъ дверей.

обратишь весь дворецъ ея (о которомъ мы упомянули въ описаніи 1712 года), въ домъ призрѣнія бѣдныхъ, вдовъ и тѣхъ несчастныхъ дѣтей, кои нерѣдко лишены не только опоры, покровительства и попеченій, но и сладостнаго чувства знать своихъ родителей. Въ позднѣйшее время въ домъ Царевны помѣщалась *Канцелярія Строенія домовъ и садовъ*.

Въ то время, какъ Царь съ Царицею посѣщали нынѣшнія Остзейскія провинціи Россіи, Пруссію, городъ Гамбургъ, Ганноверское Курфиршество и Копенгагенъ; въ то время, какъ Петръ начальствовалъ въ Балтійскомъ морѣ надъ четырьмя соединенными флотами: Россійскимъ, Англійскимъ, Голландскимъ и Датскимъ, и потомъ продолжалъ путь въ Амстердамъ, — С.-Петербургъ постоянно украшался, и число зданій увеличивалось по прежнему. Небольшой деревянный сарай, стоявшій на лугу противъ Адмиралтейскихъ воротъ, и вмѣщавшій въ себѣ *Чертежную камору* для кораблестроителей, былъ обращенъ въ церковь, освященную 30-го Мая въ день рожденія Петра Великаго, во имя Св. Исаакія Далматскаго, и существовавшую до 1727 года, когда, вмѣсто ее, на берегу Невы, близъ нынѣшняго Исакіевскаго моста, построена была новая каменная церковь; зданіе Адмиралтейства, съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ большому лугу, обведено высокимъ

земляным валом съ водяными рвами, что составило новую въ Петербургѣ крѣпость, долгое время называвшуюся *Адмиралтейскою крѣпостью*. На берегу Большой Невы, близъ нынѣшняго Сената, галерный мастеръ Нѣмцевъ построилъ для себя каменный домъ, первый на сей набережной, гдѣ всѣ прочіе домы были или деревянные или мазанковые. На Охтѣ, устроили пороховые, а при рѣкѣ Сестрѣ, оружейные, деревянные заводы, преимущественно для флота; изъ нихъ послѣдній, по мѣсту, на коемъ былъ построенъ, названъ *Сестрорѣцкимъ*. Наконецъ въ семъ же году положено въ Петербургѣ основаніе Кунсткамеры, многочисленнымъ собраніемъ звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, насѣкомыхъ и разныхъ искусственныхъ произведеній, частію купленныхъ Петромъ Великимъ въ семъ же (1716) году у Амстердамскаго Аптекаря Себы за 15 т. Голландскихъ гульденовъ, частію пріобрѣтенныхъ Царемъ въ Голландіи еще въ 1697 году, и сохранявшихся въ Москвѣ подъ смотрѣніемъ Лейб-Медика Арескина. Все сіе, вмѣстѣ съ богатою коллекціею минераловъ и раковинъ, купленныхъ (въ 1716 году) въ Данцигѣ у Доктора Готвальда и съ огромною библіотекою, вывезенною въ 1714-мъ году Княземъ Меньшиковымъ изъ Курляндіи, было помѣщено на Литейной въ домѣ Кикина, о коемъ мы нѣсколько разъ упоминали; тамъ рѣдкости сіи сохранялись

до перевода Кунсткамеры на Васильевскій Островъ въ зданіе, гдѣ она и понынѣ находится. Въ числѣ 2500 книгъ, составлявшихъ библіотеку, особенное вниманіе заслуживали: оригинальное собраніе ботаническихъ рисунковъ знаменитой въ семъ родѣ Сибиллы Меріанъ и манускриптъ Библіи на Нѣмецкомъ языкѣ, писанный рукою одного изъ Курляндскихъ Герцоговъ.

1717. — Едва возникшая Кунсткамера обогащалась быстро: въ нее поступилъ рѣдкій натуральный кабинетъ знаменитаго Доктора Рюйша, у котораго Петръ Великій, въ бытность свою (въ 1697 году) въ Амстердамѣ, учился Анатоміи, а послѣ смерти Рюйша купилъ (въ 1717 году) у наслѣдниковъ его богатую анатомическую коллекцію и множество разныхъ вещей, по части Естественной Исторіи. Рюйшъ былъ неподражаемъ въ искусствѣ сохранять предметы животнаго царства до такой степени, что оные не измѣнили своего вида и свѣжести въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ. —

Выше мы уже видѣли, что въ 1706, 1707 и 1709 годахъ начали одѣвать камнемъ бастіоны Петропавловской крѣпости: *Меньшикова, Зотова* и *Трубецкаго;* въ 1717 году приступлено къ одеждѣ бастіона *Царскаго* и къ построенію каменныхъ воротъ, въ куртинѣ, обращенной къ Троицкой церкви; ихъ назвали Петровскими, по находящемуся

надъ оными изображенію Св. Апостола Петра, которое до 1717-го года было рѣзное изъ дерева, а послѣ замѣнено каменнымъ.

Въ семъ же году прорыты въ С.-Петербургѣ четыре канала: Крюковъ, отъ Большой Невы до Фонтанки, названный по имени дѣлавшаго оный подрядчика Семена Крюкова; Адмиралтейскій, проведенный отъ Адмиралтейства къ Галерной верфи, и протекающій мимо нынѣшняго манежа Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, и два канала изъ Большой Невы въ Мойку: одинъ изъ нихъ течетъ мимо Малаго Адмиралтейства, а другой чрезъ мѣсто, находящееся подъ нынѣшними заведеніями Г. Берда. Во время прорытія каналовъ, вырытъ бассейнъ, у такъ называемыхъ Песковъ, для снабженія водою фонтанныхъ трубъ Лѣтняго сада, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить въ описаніи слѣдующаго года. Для большаго удобства въ водяномъ сообщеніи Петербурга съ Шлиссельбургомъ, начали устроивать между сими городами фашинный бичевникъ, но вскорѣ онъ былъ уничтоженъ напоромъ льда. Вотъ главнѣйшія работы, произведенныя въ С.-Петербургѣ, въ продолжительное отсутствіе Петра Великаго, который, проѣхавъ изъ Голландіи во Францію, возвратился 10-го Октября въ столицу, гдѣ получилъ отъ Швеціи предложеніе о заключеніи мира и о назначеніи для сего на островѣ Аландѣ Конгресса

между Полномочными обѣихъ Державъ. Царь немедленно отправилъ туда съ своей стороны Генералъ-Фельдцейхмейстера Графа Брюса и знаменитаго въ послѣдствіи, Совѣтника Остермана, самъ же отбылъ въ Москву (15-го Декабря), отдавъ предъ отъѣздомъ послѣдній долгъ умершему Генералъ-Поручику Брюсу, извѣстному спасеніемъ Петербурга отъ нападенія Шведскаго Генерала Майделя (въ 1706 году) и взятіемъ Кексгольма; Брюсъ былъ, какъ мы уже видѣли, второй Комендантъ и вмѣстѣ первый Оберъ-Комендантъ описываемаго нами города. Тѣло его съ приличною почестью предано землѣ въ крѣпости близъ Собора, противъ алтаря. На упразднившееся кончиною Брюса мѣсто, Царь назначилъ Оберъ-Комендантомъ Генералъ-Маіора Бильса, а Комендантомъ С.-Петербургскаго Плацъ-Маіора Полковника Челизова.

Въ заключеніе обозрѣнія 1717-го года остается еще упомянуть, что въ продолженіе онаго Голландцы Реформатскаго Исповеданія, посѣщавшіе вмѣстѣ съ Лютеранами домовую церковь Вице-Адмирала Крюйса, отдѣлились отъ сего прихода, и начали имѣть собственнаго Проповѣдника.

Деревянная церковь Исаакія Далматскаго замѣнена каменною съ главою въ 12 саженъ вышины, и съ колокольнею, для которой Государь выписалъ изъ Амстердама часы съ курантами, разбитые въ

послѣдствіи молніею (26-го Іюля 1735 года); они заплачены были 35.000 руб. Зная любовь Петра къ изящному, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій Фридрихъ, подарилъ ему огромный глобусъ, сдѣланный въ Готторпѣ въ 1654 году; онъ привезенъ былъ съ чрезвычайнымъ трудомъ и издержками изъ Киля въ С.-Петербургъ, гдѣ помѣщенъ въ Кунсткамерѣ, но послѣ пожара, уничтожившаго часть сего зданія (въ 1747 году), глобусъ перенесенъ въ такъ называемый *Слоновый домъ*, выстроенный для приведеннаго въ 1711 году въ столицу слона.

Въ семъ же году сдѣлано важное въ нравственномъ отношеніи нововведеніе: попеченіями Царевны Наталыи Алексѣевны, устроены первыя въ С.-Петербургѣ театральныя представленія, въ домѣ, гдѣ помѣщена была послѣ Полицейская Канцелярія (*).

1718. — Царь возвратился въ Петербургъ 24-го Марта; съ его пріѣздомъ началось извѣстное слѣдствіе надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Порочное его поведеніе, непокорность волѣ Державнаго родителя, явное отвращеніе отъ всего, что Преобразователь Россіи, пренебрегая трудъ

(*) Подробности о рожденіи и первыхъ успѣхахъ театра въ столицѣ, читатель найдетъ въ 22-й главѣ Панорамы.

ности, съ чрезвычайнымъ усилiемъ ввелъ и вводилъ еще для пользы своего Государства, и наконецъ бѣгство въ чужiе краи, заставили раздраженнаго отца, послѣ неоднократныхъ, убѣдительныхъ увѣщанiй, лишить сына права наслѣдiя на Престолъ. Долго колебался Петръ привести въ исполненiе сiе намѣренiе, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ кончины его не оставалось преемника мужескаго пола. По рожденiи Великаго Князя Петра Алексѣевича, Царь рѣшился совершенно, *но медлилъ еще, дабы испытать* послѣднiя средства къ исправленiю виновнаго. Когда и сiи были истощены безъ пользы, а между тѣмъ родился ближайшiй наслѣдникъ, Царевичь Петръ: тогда Манифестомъ, обнародованнымъ 3 Февраля 1718 года, Алексѣй Петровичь лишенъ былъ правъ на Престолъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначена особая Коммисiя, для произведенiя какъ надъ нимъ, такъ и надъ соучастниками его, строгаго, безпристрастнаго суда. Судъ началъ заняття свои въ Москвѣ, но съ пріѣздомъ Царя въ Петербургъ, былъ переведенъ въ сiю столицу. Печальное обстоятельство сiе принадлежитъ собственно къ Исторiи Петра Великаго; потому-то, не входя въ подробности онаго, скажемъ только, что Членами Слѣдственной Коммисiи, 24 Iюня былъ подписанъ, а 26-го прочтенъ осужденному приговоръ, коимъ онъ « за вины свои и преступленiя главныя, про-

«ившъ Государя и отца своего, яко сынъ и под-«данный Его Величества, достоинъ смерти.» Пораженный страхомъ, Царевичъ впалъ, по выходѣ своемъ изъ Сената, въ продолжительный предсмертный обморокъ. Всѣ старанія врачей были безуспѣшны; они возвратили его къ жизни только на нѣсколько часовъ; ни убѣжденія окружавшихъ Царевича особъ въ милосердіи Царя, ни самое нѣжное участіе Государя, забывшаго въ эти минуты всѣ вины и преступленія сына, и съ чувствами отца спѣшившаго навѣстить больнаго, ничто не могло отдалить быстро приближавшагося смертнаго часа. Ночью, узнавъ, что Царевичу сдѣлалось опять хуже, Царь садился уже въ шлюбку, чтобъ ѣхать въ мѣсто его заключенія, Петропавловскую крѣпость, когда получилъ извѣстіе, что Алексѣй Петровичъ скончался. Тѣло покойнаго, по волѣ Царя, было выставлено всенародно въ Троицкой церкви, и по истеченіи трехъ дней (30-го Іюня), въ присутствіи Монарха, всего Двора и Министровъ, предано землѣ въ церкви Св. Петра и Павла.

Читатель замѣтилъ изъ описанія предшествовавшихъ годовъ, что сообщеніе между различными частями С.-Петербурга, раздѣляемыми Большою Невою и ея протоками, производилось не по мостамъ, какъ нынѣ, а на судахъ. Только чрезъ и большія рѣчки и каналы, какъ-то: Фон-

панку, Мойку и проч., были устроены маленькіе подъемные мосты, столь узкіе, что доставляли проѣздъ только одному экипажу въ двѣ лошади. Царь не желалъ заведенія экипажей, содержаніе коихъ, по дороговизнѣ фуража, могло быть отягощительнымъ; онъ нерѣдко запрещалъ придворнымъ пріѣзжать во дворецъ иначе, какъ въ лодкахъ, и самъ показывалъ примѣръ, разъѣзжая на катерѣ всюду, куда можно было подъѣхать водою. — Хозяева домовъ и каждый не совершенно бѣдный постоялецъ, обязаны были имѣть у берега, во всякое время, перевозныя суда; люди зажиточные строили ихъ отъ себя, небогатымъ они давались отъ казны безденежно, съ тѣмъ однако же, чтобъ по обветшаніи оныхъ, замѣняли ихъ новыми уже на собственный счетъ. Естественно, что распоряженія сего рода не нравились жителямъ, до переселенія своего въ Петербургъ не привыкшимъ къ безпрестанной ѣздѣ водою; но, мало по малу знакомясь съ влажною стихіею, они наконецъ научились презирать ея своенравіе, и безъ боязни, во всякое время, опытною рукою разсѣкали Невскія волны. Безпрестанно возраставшее число жителей Петербурга, начало однако же затруднять своевременное заготовленіе необходимыхъ по положенію рѣчныхъ судовъ: Петръ повелѣлъ учредить для строенія оныхъ особую верфь, назначивъ мѣсто на лѣвомъ берегѣ Фонтанки близъ истока

оной изъ Невы (*). Вновь учрежденной верфи дано названіе *партикулярной*, и управленіе оною ввѣрено особому *Коммисару*. Суда, кои предполагалось тамъ строить, дѣлились на парусныя и гребныя, т. е. одни изъ нихъ ходили подъ парусами, а на другихъ употреблялись и весла. Къ первымъ принадлежали: яхты, буеры и торшхоуты, а ко вторымъ баржи, или шлюбки и верейки. Всѣ они строились по образцамъ, даннымъ самимъ Государемъ, и назначались: парусныя для ѣзды мужчинъ, а гребныя для женщинъ. — О содержаніи и употребленіи оныхъ изданъ былъ 12-го Апрѣля особый Указъ: въ немъ заключались самыя подробныя наставленія, какимъ образомъ сохранять суда въ разныя времена года, какъ конопатить, починивать, предотвращать порчу и т. д.; всякое отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, влекло за собою установленный денежный штрафъ.

Царь требовалъ, чтобы суда сіи *были употребляемы точно такъже, какъ на сухомъ пути кареты и коляски, а не какъ сорныя телѣги.* При осеннемъ появленіи льда, когда переправа чрезъ Неву становилась слишкомъ опасною, суда выпаскиваемы были на берегъ подъ закрытія, а

(*) Почти на мѣстѣ нынѣшнихъ соляныхъ магазиновъ.

съ наступленіемъ весны ихъ починивали, подкрашивали и опять спускали на воду. Они составляли особый флотъ, подъ названіемъ *Невскаго*, а завѣдывавшій имп Коммисаръ партикулярной верфи, именовался *Невскимъ Адмираломъ*. Три раза въ годъ онъ обязанъ былъ осматривать флотъ: чрезъ недѣлю по вскрытіи Невы, въ исходѣ Іюля и въ Октябрѣ. Для упражненій Невскаго флота, всѣ суда должны были собираться въ воскресные дни по полудни, по пушечному выстрѣлу съ крѣпости, на мѣста, предварительно назначенныя Коммисаромъ, и въ предшествіи его ѣздить вверхъ и внизъ по рѣкѣ, иногда и на взморье; въ Маѣ и Іюнѣ плаванье продолжалось три съ половиною, въ Іюлѣ четыре, въ Августѣ три, а въ Сентябрѣ два съ половиною часа сряду. Многіе изъ буеровъ ѣздили съ музыкою, салютовали другъ другу выстрѣлами изъ маленькихъ пушечекъ, и маневрировали при многочисленномъ стеченіи зрителей; поднятіе флага на мачтѣ *Невскаго Адмирала*, было знакомъ къ вступленію подъ паруса или подъ весла, а спущеніе онаго — знакомъ къ разъѣзду по домамъ. Упражненія отмѣнялись только въ случаѣ сильнаго восточнаго вѣтра; потому и самое направленіе вѣтра означалось флагами, выкидываемыми въ четырехъ различныхъ мѣстахъ города. Петръ нерѣдко участвовалъ со всѣмъ Дворомъ въ сихъ за-

нятіяхъ. Онъ говорилъ, что назначалъ капанья собственно для себя, и что «стыдно бы было «забыть морскія эволюціи тому, кто *имѣлъ честь* «командовать на Балтійскомъ морѣ флотами че- «тырехъ Державъ.» Мы описали съ нѣкоторою подробностію все, что относится къ Невскому флоту, дабы показать читателю, какими средствами Царь пріохочивалъ своихъ подданныхъ къ любимой имъ стихіи.

Сильная, непреодолимая любовь Петра къ морю, внушила ему еще до послѣдняго отъѣзда за границу, намѣреніе перерыть Васильевскій Островъ вдоль и поперегъ каналами. Самый широкій и длинный, вдоль нынѣшняго Большаго проспекта, назначенъ былъ для прихода большихъ купеческихъ судовъ, отъ взморья прямо до мѣста нынѣшней Биржи; прочіе должны были служить для плаванія малыхъ судовъ. Землею, вырытою изъ каналовъ, имѣли намѣреніе значительно возвысить островъ, который по всей окружности предполагали даже обвесть 56 бастіонами. При большомъ и среднемъ каналахъ, (гдѣ нынѣ Большой и Средній проспекты) назначались мѣста для различныхъ рынковъ, а на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Смоленскимъ полемъ и кладбищемъ, Царь желалъ развесть большой садъ для гулянья публики. Но ни одно изъ предположеній сихъ не сбылось (*). Петръ,

(*) Планъ С.-Петербурга 1716 года, (нѣсколько

предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе краи, поручилъ Меньшикову производство нѣкоторыхъ изъ предназначенныхъ работъ. По невѣдѣнію или по небреженію, желанія Монарха не были выполнены. Возвратясь въ Петербургъ, Царь спѣшилъ посѣтить Васильевскій Островъ, и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что пространства, назначенныя подъ каналы, стѣснены каменными и деревянны-

---

лѣтъ назадъ изданный и вѣроятно скопированный съ хранящагося въ Эрмитажѣ, съ коего копія есть и во дворцѣ Петра I-го на Петербургской сторонѣ) *именно въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ находился онъ въ 13-й годъ послѣ своего построенія и проч.*, не вѣренъ, *именно* по сей надписи. Васильевскій Островъ было проектировано привесть въ сіе положеніе и по частію. «Профессоръ Маршини, въ Nachricht aus Russland, говоритъ: изъ 56 больверковъ не существуетъ ни «одного, и не вѣроятно, чтобъ Государь, какъ великій знатокъ Военной Архитектуры, соизволилъ «на постройку сего огромнаго, многоцѣннаго и «вовсе ненужнаго укрѣпленія, для защиты коего «требовалась бы цѣлая армія, и проч.» Въ сохранившихся и видѣнныхъ нами планахъ С.-Петербурга 1730-го года, не означено даже остатка сего укрѣпленія, тогда какъ Нієншанцъ означается на картахъ 1750-хъ годовъ. Между тѣмъ часть больверковъ, не только на бумагѣ, но и въ натурѣ уцѣлѣла бы непремѣнно, если бы только когда-либо оные были построены.

ми домами частныхъ людей, до того, что самыя улицы между оными не могли уже быть способными для исполненія предположеній. — Справедливо огорченный Царь, не обнаружилъ однако же своей досады: онъ отправился въ домъ Голландскаго Резидента Вильде, имѣвшаго подробный и вѣрный планъ Амстердама, по примѣру котораго Петръ желалъ расположить Васильевскій Островъ. Вымѣрявъ на планѣ самые широкіе и самые узкіе каналы, Государь замѣтилъ мѣру оныхъ въ своей записной книжкѣ, и, пригласивъ съ собою Вильде, поѣхалъ на шлюбкѣ опять къ острову. Тамъ, приказавъ вымѣрять вырытые каналы, и совершенно убѣдясь, что оные несравненно уже Амстердамскихъ, вскричалъ съ гнѣвомъ: « *все испорчено!* »

Петръ строго выговаривалъ за сіе Меньшикову, но еще болѣе винилъ самого себя въ томъ, что не поручилъ сего кому либо другому. Желаніе сдѣлать Васильевскій Островъ подобнымъ Амстердаму, было столь сильно, что Петръ не разъ ѣздилъ обозрѣвать сію часть города, оставался тамъ по часу и болѣе, и всегда уѣзжалъ, не говоря ни слова о своихъ намѣреніяхъ. Чрезъ нѣсколько времени въ Петербургъ прибылъ знаменитый Архитекторъ Леблондъ, приглашенный Царемъ въ Россію, въ послѣднее его пребываніе въ Парижѣ. Желая еще посовѣтоваться съ нимъ на счетъ остро-

ва, столь занимавшаго его, Царь взялъ Художника съ собою и, объяснивъ ему на мѣстѣ первый свой планъ, спросилъ его: чѣмъ пособить неудачѣ? — «*Сломать домы*, отвѣчалъ хладнокровно Леблондъ, *вмѣсто оныхъ построить новые, засыпать каналы и прокопать другіе.*» — «И я то же думалъ,» — сказалъ Петръ; съ симъ словомъ онъ сѣлъ въ шлюбку, поѣхалъ обратно во дворецъ и никогда уже не упоминалъ о неуспѣхѣ своего плана.

Іюня 15-го Петръ присутствовалъ въ Адмиралтействѣ при спускѣ двухъ кораблей: *Нептуна* о 70-ти и *Льснаго* о 90 пушкахъ. Іюля 8-го онъ отправился къ Кронштлоту на флотъ, назначенный къ берегамъ Финляндіи, для подкрѣпленія представленій Русскихъ Уполномоченныхъ на Аландскомъ Конгрессѣ. 9-го числа происходило на семъ флотѣ съ прилічными почестями погребеніе Шаубинахта Шелтинга. 15-го Царь, въ званіи Вице-Адмирала, отправился съ авангардною эскадрою флота въ море; 19-го прибылъ къ Ревелю, и прокрейсировавъ въ Финскомъ заливѣ, возвратился 3-го Сентября въ Петербургъ, гдѣ 28-го заложилъ 70-ти пушечный корабль. Чрезъ пять дней по прибытіи въ столицу, Царь, вмѣстѣ съ Царицею (которая въ сіе отсутствіе, 20-го Августа, разрѣшилась Царевною Наталіею), ѣздилъ въ Красное Село, Петергофъ и Стрѣльну, нѣсколько разъ посѣтилъ Кронштатъ и работы, произво-

дившіяся на островѣ Котлинѣ, а 24 Ноября радостно обнялъ Генераловъ Князя Трубецкаго и Головина, взятыхъ въ плѣнъ въ 1700 году, въ несчастномъ дѣлѣ подъ Нарвою, и чрезъ осмнадцать лѣтъ размѣненныхъ на плѣннаго Шведскаго Фельдмаршала Графа Рейншильда; — вслѣдъ за ними возвратился въ Петербургъ посланный въ 1715 году въ Персію Подполковникъ Волынскій.

23-го Декабря происходило съ большею пышностію погребеніе Царскаго Лейбъ-Медика Арескина, скончавшагося на Олонецкихъ водахъ; гробъ несенъ былъ, изъ дома покойнаго (находившагося въ нынѣшней Большой Милліонной улицѣ) до моста чрезъ Мойку, старшими Петербургскими Медиками и Хирургами; тамъ ожидала печальная колесница; тѣло повезено на оной въ Невскій монастырь, въ предшествіи двухъ сотъ факеловъ, и въ сопровожденіи самого Царя съ знатнѣйшими жителями столицы. Въ монастырѣ гробъ былъ несенъ между двухъ рядовъ войска, и опущенъ въ склепъ, приготовленный въ церкви Св. Лазаря.

На Выборгской сторонѣ, у берега Малой Невы, выстроили въ семъ году деревянные на сваяхъ анбары, для храненія пеньки. Учрежденный въ 1710 году на Петербургской сторонѣ Пороховой заводъ, перестроили на Голландскій манеръ, а изъ числа пильныхъ вѣтряныхъ мельницъ, стоявшихъ отъ первыхъ лѣтъ существованія Петербурга, на

Васильевскомъ Острову, между домомъ Меньшикова и Спрѣлкою, однѣ перенесены на Крестовскій Островъ, другія на рѣчку Славянку, остальныя же по ветхости сломаны.

Купцемъ Малютинымъ заведена первая въ Петербургѣ позументная и ленточная фабрика; при Морской Академіи учреждена типографія; а отъ деревни Лиговой проведенъ узкій каналъ въ бассейнъ, вырытый въ 1717 году (на такъ называемыхъ Пескахъ); изъ бассейна сего вода трубами проходила въ Лѣтній садъ, гдѣ снабжала фонтаны, существовавшіе нѣкоторое время при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Линія домовъ по Большой Невѣ, между Почтовымъ дворомъ и Адмиралтействомъ, названа Милліонною; на островѣ Котлинѣ построена первая въ Кронштатѣ церковь, во имя Вознесенія Христова, и повелѣно Комендантской Канцеляріи впредь вести подробныя записки о времени вскрытія и замерзанія Невы въ С.-Петербургѣ.

1718-й годъ вообще богатъ постройками, нововведеніями и полезными учрежденіями, воспріявшими начало въ С.-Петербургѣ; одно изъ важнѣйшихъ было основаніе, положенное для существованія Полиціи. Указомъ 25-го Мая Петръ повелѣлъ быть въ столицѣ Генералъ-Полицеймейстеру, а 7-го Іюня учредилъ подчиненную ему Полицеймейстерскую Канцелярію. Главныя обязанности сей

новой части Гражданскаго Управленія, заключались въ 13 пунктахъ, къ коимъ Петръ собственною рукою прибавилъ слѣдующій: «солдатъ ставить «на дворы всѣмъ, какого бъ кто рангу ни былъ.»

Вотъ вкратцѣ сущность того, что поручалось вѣдѣнію Полиціи:

1) Строеніе домовъ, сообразно изданнымъ на то правиламъ.

2) Укрѣпленіе и охраненіе отъ розсыпи береговъ рѣки и каналовъ.

3) Чистота улицъ.

4) Опрятность и удобное размѣщеніе шалашей для продажи съѣстныхъ припасовъ.

5) Наблюденіе за качествомъ, цѣною, мѣрою и вѣсомъ продаваемыхъ предметовъ.

6) Чистота передъ обывательскими домами и въ рыбныхъ рядахъ, также цѣлость мостовъ.

7) Отвращеніе публичныхъ дракъ и ссоръ.

8) Осматриваніе въ обывательскихъ домахъ печей, каминовъ, очаговъ и т. п.

9) Наблюденіе за подозрительными домами и запрещенными играми.

10) Задерживаніе бродягъ и праздношатающихся.

11) Предъявленіе въ Полицію со стороны обывателей, о всѣхъ пріѣзжихъ и постояльцахъ въ ихъ домахъ.

12) Поимка воровъ; тушеніе пожаровъ, содер-

жаніе по концамъ улицъ шлагбаумовъ, кои бы на ночь опускались; наконецъ

13) Опредѣленіе по городу надежныхъ старостъ и десятскихъ, обязанныхъ наблюдать за порядкомъ и тишиною.

Въ званіе Генералъ-Полицеймейстера былъ назначенъ Португальскій уроженецъ, Генералъ-Адъютантъ Царя, Дивіеръ.

Положивъ прочныя основанія благочинію, тишинѣ и порядку города, Царь желалъ дать большее развитіе общественнымъ увеселеніямъ жителей, и приступилъ къ дѣлу, важному въ нравственномъ отношеніи, къ учрежденію тѣхъ собраній, которыя, подъ названіемъ *Ассамблей*, служили Петру Великому пріятнымъ отдохновеніемъ отъ трудовъ государственнаго управленія, и въ которыя онъ совершалъ не менѣе тяжкій трудъ, пріучалъ подданныхъ своихъ къ общественности, и смягчалъ ихъ вкусы и привычки. Пересоздавъ уже многое, Петръ чувствовалъ, что ему еще предстояло сблизить дворянъ, раздѣленныхъ предразсудками, поселить въ нихъ любовь къ удовольствіямъ благороднымъ, о которыхъ въ Россіи мало имѣли тогда понятія, и совершенно измѣнить отношеніе, издавна существовавшее между обоими полами; женщины, назначенныя быть украшеніемъ обществъ, только со временъ Царя Алексѣя Михайловича, начали пользоваться въ Россіи нѣко-

торою свободою, но и то до чрезвычайности ограниченною мнѣніями и деспотическою волею мужчинъ; отъ самой колыбели осужденныя на скучное затворничество, онѣ влачили однообразно существованіе, въ которомъ не было ни надеждъ, ни радостей, ни собственной воли, ничего кромѣ тоски и рабскаго даже въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ повиновенія чьей либо прихоти, отъ рожденія до могилы.

Если одно невинное слово, сказанное чужому мужчинѣ, могло навсегда лишить дѣвушку добраго имени, а жену любви супруга; то не трудно понять, что стали бы говорить и думать о той, которая рука въ руку, съ человѣкомъ вовсе, можетъ быть, ей незнакомымъ, вздумала бы разговаривать и даже кружиться въ присутствіи многочисленнаго собранія?

Сіе принужденное отношеніе между полами, несогласовавшееся съ образованностію и просвѣщеніемъ, которыя въ высшихъ сословіяхъ были не только замѣтны, но вкоренялись и усиливались постоянно, въ слѣдствіе стараній Петра, препятствовало его намѣреніямъ: Царь рѣшился измѣнить его. Съ сею цѣлію, онъ издалъ 26-го Ноября 1718 года Указъ объ *Ассамблеяхъ*, неслыханныхъ до того собраніяхъ обоего пола. Приводимъ буквально здѣсь распоряженіе сіе, чрезвычайно любопытное, дабы читатель могъ судить о духѣ онаго.

« Ассамблеи, — слово Французское, которое на

« Русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невоз-
« можно, обстоятельно сказать, вольное, въ ко-
« торомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается, не
« только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ
« можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ
« переговорить, также слышать, что гдѣ дѣ-
« лается, притомъ же и забава. А какимъ обра-
« зомъ оныя Ассамблеи отправлять, опредѣляется
« ниже сего пунктомъ, покамѣсть въ обычай не
« войдетъ: »

« 1) Въ которомъ домѣ имѣетъ Ассамблея быть,
« то надлежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ,
« объявить людямъ, куда вольно всякому прид-
« тить, какъ мужскому, такъ и женскому. »

« 2) Ранѣе 5 или 4-хъ не начинается, а далѣе 10
« пополудни, не продолжается: »

« 3) Хозяинъ неповиненъ гостей ни встрѣчать,
« ни провожать, ни подчивать и не точію выше-
« писанное неповиненъ чинить, но хотя и дома не
« случится онаго, нѣтъ ничего; но токмо пови-
« ненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣ-
« чи, питье, употребляемое въ жажду кто про-
« сить, игры, на столахъ употребляемыя. »

« 4) Часы не опредѣляются, въ которомъ быть,
« но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе
« и не позже положеннаго времени; также тутъ
« быть сколько кто похочетъ и отъѣзжать воленъ,
« когда хочетъ. »

« 5) Во время бытія въ Ассамблеѣ вольно си-
« дѣть, ходить, играть, и въ томъ никто дру-
« гому прешкодить или унимать; также церемо-
« ніи дѣлать вставаньемъ, привожаньемъ и про-
« чимъ отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ
« Великаго Орла, но только при пріѣздѣ и отъ-
« ѣздѣ поклономъ почтить должно. »

« 6) Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя Ас-
« самблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ
« до Оберъ-Офицеровъ и дворянъ, также знат-
« нымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ лю-
« дямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ разу-
« мѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и до-
« черей. »

« 7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апарта-
« менты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ
« хозяинъ опредѣлитъ, также въ Аустеріи, когда
« и въ прочихъ мѣстахъ будутъ балы или банке-
« ты, невольно вышеписаннымъ служителямъ въ
« тѣ апартаменты входить, кромѣ вышеозначен-
« ныхъ мѣстъ. »

Вотъ правила Ассамблей, начертанныя рукою Великаго Петра! Царь прибавилъ еще распоряженіе, чтобы въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ карты, шашки и шахматы; въ третьей занимались разговорами и курили вокругъ столовъ, на которыхъ поставлены бутылки съ винами, разсыпанъ табакъ, спички и т. д.

Царь любилъ играть въ шашки, въ чемъ столько былъ силенъ, что едва находилъ себѣ равнаго.

Первая Ассамблея происходила 7-го Декабря того же года у Генералъ-Адмирала Апраксина, вторая 9-го числа у Тайнаго Совѣтника Толстаго, третья 11-го у Канцлера Головкина, затѣмъ 16-го у Вице-Канцлера Шафирова, 20-го у Вице-Адмирала Крюйса, такимъ образомъ поочередно у прочихъ знатныхъ особъ.

Въ день Ассамблеи Генералъ-Полицеймейстеръ былъ обязанъ чрезъ два или три часа послѣ полудня явиться къ хозяину дома, и записывать всѣхъ пріѣзжающихъ. Въ 6 часовъ пріѣзжалъ Государь, нѣсколько позже Государыня и вдовствовавшая Царица съ Царевнами; танцы открывались Польскими, потомъ слѣдовалъ менуетъ и уже за симъ Англійскій контръ-дансъ. Плѣнные Шведскіе Офицеры отличались предъ всѣми, и нѣкоторое время были учителями Русскихъ дамъ и кавалеровъ. Между танцами, дамамъ разносили чай, кофе, медъ, варенья и проч.; въ послѣдствіи же, со времени пребыванія въ Петербургѣ Голштинскаго Герцога, по примѣру его Ассамблеи, вошли въ моду шоколадъ и лимонадъ; онъ же первый ознакомилъ Петербургскую публику съ пріятною, стройною музыкою, выписанною имъ изъ Вѣны; до того на балахъ Петербургскихъ гремѣли трубы, фаготы, гобои и литавры и, за нешмѣніемъ другой, эту

грубую музыку находили прекрасною. Когда кто либо изъ посѣтителей преступалъ ассамблейныя правила, то на основаніи пятаго пункта оныхъ, подвергался наказанію осушить огромный кубокъ большаго орла, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, отъ сего не льзя было отговориться: ни какія причины или оправданія не были принимаемы отъ виновнаго. Лѣтомъ ассамблеи давались самимъ Царемъ въ Лѣтнемъ саду (*).

Въ числѣ памятниковъ попечительности Царя о благѣ его подданныхъ, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ должно занять проведеніе Ладожскаго канала.

Петръ, усмотрѣвъ опасности, съ коими было сопряжено доставленіе въ Петербургъ хлѣба и разныхъ предметовъ народнаго продовольствія и торговли, положилъ начало сего благодѣтельнаго предпріятія, долженствовавшаго и на предбудущія времена упрочить изобиліе столицы: Указомъ 10-го Сентября 1718 года, объявлено о проведеніи судоходнаго канала (Ладожскаго), между рѣками Невою и Волховомъ.

Другое, важное правительственное дѣло, есть учрежденіе Государственныхъ Коллегій, вмѣсто преждебывшихъ Приказовъ. Коллегіи, созданныя Указомъ 21-го Декабря, были помѣщены въ построенныхъ еще въ 1714-мъ году, на Петербург-

(*) Подобная ассамблея описана въ шестой главѣ.

ской сторонѣ, мазанковыхъ домахъ, и состояли въ числѣ слѣдующихъ девяти:

1) *Коллегія Иностранныхъ дѣлъ*, вмѣсто бывшаго Посольскаго Приказа.

2) *Каммеръ Коллегія*, имѣвшая въ своемъ вѣдѣніи всѣ казенные сборы и государственные доходы.

3) *Юстицъ-Коллегія*, учрежденная для гражданской расправы и наблюденія правосудія.

4) *Ревизіонъ-Коллегія*, для содержанія счетовъ и ревизіи всѣхъ доходовъ и расходовъ Государства.

5) *Военная Коллегія*, для управленія военно-сухопутными силами Государства.

6) *Адмиралтействъ-Коллегія*, имѣвшая въ своемъ вѣдѣніи Адмиралтейства и флоты.

7) *Коммерцъ-Коллегія*, управлявшая дѣлами торговыми.

8) *Штатсъ-Контора*, завѣдывавшая одними государственными расходами.

9) *Бергъ-* и *Мануфактуръ-Коллегія*, коей подчинены были всѣ горные заводы, фабрики, мануфактуры и всё относившееся до народной промышленности.

Петербургъ, вмѣщавшій уже большое число иностранцевъ, нуждался въ заграничной почтѣ: она учредилась въ 1718 году. Почтальонамъ даны были кожаные картузы и кафтаны сѣраго цвѣта, на спинѣ нашитъ былъ почтовый рогъ, вырѣзанный изъ алаго сукна, а на груди мѣдная бляха, съ вы-

битымъ на оной Россійскимъ гербомъ. Подъѣзжая къ станціи, почтальонъ долженъ былъ трубить въ рожокъ, который висѣлъ на шеѣ его на шнурѣ. Это нововведеніе и перемѣна одежды до того не понравились народу, что были причиною нѣкоторыхъ безпорядковъ. Приводимъ здѣсь обстоятельство сіе, чтобъ показать, съ какимъ трудомъ сопряжено еще было каждое полезное учрежденіе. Малѣйшая новость пробуждала засыпавшее невѣжество, и пораждала новую борьбу. Но воля Петра сокрушала вокругъ себя эти ничтожныя преграды. Въ семъ же году, для скорѣйшаго доставленія повелѣній Правительства внутрь Россіи, учреждена верховая почта, отъ столицы во всѣ губернскіе и провинціальные города. Баронъ Шафировъ именованъ былъ главнымъ начальникомъ по сей части, которую онъ образовалъ по примѣру Брандебургскихъ почтъ. Шафировъ завѣдывалъ почтами до 1722 года, въ которомъ установлено особое званіе Генералъ-почтъ-Директора; должность сія поручена Дашкову, а въ 1726 году Вице-Канцлеру Барону Остерману-Толстому.

Мы упомянули о позументной и ленточной фабрикѣ, заведенной купцомъ Малютинымъ, въ слѣдствіе Указа, разрѣшавшаго выдѣлку всякой шесьмы съ золотомъ и серебромъ, что до того времени было запрещено; но не сказали еще ни слова о заведенной казною за Дудергофомъ первой бума-

жной фабрикѣ, — на ней выдѣлывалось въ годъ 20 т. стопъ бумаги; содержаніе ея обходилось до 13.000 руб., сверхъ чего она давала до 8.000 руб. въ годъ прибыли. Въ сіе же время открыта шпалерная мануфактура, устроеніемъ которой Петръ самъ прилежно занимался. Выписавъ изъ Парижа масперовъ, онъ далъ имъ мальчиковъ для предварительнаго изученія, послѣ чего отвелъ въ *Калинкиной* двухъ-этажный домъ (тотъ самый, въ которомъ нынѣ помѣщается больница), и здѣсь-то, подъ руководствомъ Бурденя, искуснаго Французскаго рисовальщика, положилъ начало заведенію до нынѣ цвѣтущему, назвавъ оное *Мануфактурный Дворъ Шпалерный;* кромѣ шерстяныхъ шпалеръ, тамъ дѣлали штофы и парчи; вправо отъ сей фабрики по лѣвому же берегу Фонтанки, Царь завелъ прядильный домъ; до 80 бѣдныхъ старухъ, подъ надзоромъ старой Голандки, дѣлали въ оном пряжу, доброшою и тонкостію неуступавшую Голландской.

Словомъ, столица снабжена была не только необходимымъ или общеполезнымъ, но производила уже многое, служившее къ удовольствію и нѣкоторой роскоши избыточнаго класса жителей.

1719. — Ознаменовавъ первый день года, открытіемъ засѣданій въ новоучрежденныхъ Коллегіяхъ, Царь удостоилъ своимъ присутствіемъ

великолѣпный обѣдъ, данный въ честь его, первымъ Президентомъ Военной Коллегіи, Княземъ Меньшиковымъ, и большой фейерверкъ, сожженный на Троицкой площади. 2-го Января Петръ отправилъ въ Сибирь двухъ Геодезистовъ Морской Академіи, Еврейнова и Лужина, для подробнаго описанія полуострова Камчатки, коего жители уже съ 1701-го года платили Россіи ясакъ, и для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкою? Подобное первому изъ сихъ порученій было дано Флота Капитанъ-Лейтенанту фонъ Вердену и Лейтенанту Соймонову относительно берега Каспійскаго моря, между Астраханью и Астрабатомъ. 11-го числа Петръ заложилъ въ Адмиралтействѣ линѣйный корабль. Недѣлю спустя происходили съ большею церемоніею похороны маститаго старца Сенатора Стрѣшнева. Царь въ глубокомъ траурѣ, пѣшкомъ провожалъ гробъ до Невскаго монастыря, гдѣ тѣло предано было землѣ, а на другой день (19-го числа) отправился къ Олонецкимъ водамъ, поручивъ столицу и окончательное устройство Коллегій Меньшикову.

Въ продолженіе сего отсутствія, Царь, Указомъ 12-го Февраля, повелѣлъ производить на Васильевскомъ Острову каменное и деревянное строеніе: дворянамъ по числу состоящихъ за ними крестьянскихъ дворовъ, а купцамъ соразмѣрно платимой ими подати. Въ слѣдствіе распоряженія сего,

помѣщикъ, имѣвшій пятьсотъ дворовъ, обязанъ былъ строить каменный домъ въ два этажа; владѣвшіе меньшимъ числомъ дворовъ, должны были складываться, не болѣе однако же двухъ вмѣстѣ; каждый рубль, платимый купцами съ тягла, считался противъ одного крестьянскаго двора; мелкопомѣстные владѣльцы, имѣвшіе не менѣе 150 дворовъ, были обязаны строить деревянные домы въ одинъ этажъ; строеніе двуэтажныхъ каменныхъ домовъ распространялось тоже на Сенатскихъ Дьяковъ и *прочихъ ихъ братій*; сей обязанности подчинялись еще бывшія Патріаршія, Архіерейскія и Монастырскія владѣнія. Въ Указѣ подробно изъяснено было, кому, при какомъ имѣніи, на сколькихъ саженяхъ земли, въ какой части города, какой именно строить домъ. Петръ желалъ, чтобы при каждомъ домѣ находился небольшой садъ, и чтобъ предъ окнами, обращенными на улицу, были посажены деревья, что и по сіе время видимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города.

3-го Марта Царь возвратился въ Петербургъ, и узнавъ, что Указъ 12-го Февраля казался нѣсколько отягчительнымъ, перемѣнилъ первоначальныя распоряженія по сему предмету новымъ Указомъ 9-го Апрѣля, въ коемъ обязанности, возложенныя прежнимъ Указомъ на владѣльцевъ пятисотъ дворовъ, переносились на имѣвшихъ отъ 700 до 1000 дворовъ, и т. д.

Чадолюбивый отецъ своихъ подданныхъ, Петръ заботился не только о пользѣ Петербургскихъ жителей, но и о доставленіи имъ различныхъ удовольствій: онъ пользовался малѣйшимъ удобнымъ для сего случаемъ. Существовавшее издавна обыкновеніе, обманывать въ первый день Апрѣля, не разъ служило поводомъ къ шуткамъ: въ семъ году Царь забавнымъ образомъ обманулъ народъ, людей средняго состоянія, высшій кругъ и даже особъ своей фамиліи, приказавъ *Манну* иностранцу, содержавшему въ Петербургѣ театръ, заблаговременно повѣстить публику *о чрезвычайномъ* на сей день представленіи, — публика наполнила театръ, и — вмѣсто чудесъ нетерпѣливо ожиданныхъ, увидѣла на сценѣ доску съ надписью: *Сегодня первое Апрѣля* (*).

Въ 1718-мъ году Царь воспользовался этимъ обыкновеніемъ для шутки совершенно другаго рода, которая хотя испугала нѣкоторыхъ робкихъ жителей, но была сдѣлана съ намѣреніемъ; ночью въ 1-й день Апрѣля, Петръ, пріѣхавъ къ одному изъ самыхъ ветхихъ въ Петербургѣ деревянныхъ домовъ, стоявшему отдѣльно, приказалъ при себѣ подложить подъ него огонь, и ожидалъ послѣдствій. Едва успѣло вспыхнуть строе-

(*) Подробности читатель найдетъ въ 22 главѣ Панорамы.

ніе, какъ народъ и войско, которому для тушенія пожаровъ Петромъ розданы были надлежащія орудія, прибыли на мѣсто. Царь, чрезвычайно довольный готовностію жителей, исправностію всѣхъ чиновъ, составлявшихъ первую въ Россіи учрежденную имъ команду для тушенія пожаровъ, смѣясь, напомнилъ собравшимся, *что это первое Апрѣля*, и желая вознаградить ихъ за хлопоты, велѣлъ выставить нѣсколько бочекъ вина и пива.

10-го Апрѣля Царь отдалъ послѣдній долгъ сотруднику своему въ войнѣ и дѣлѣ образованія нравовъ, мужу, пріобрѣтшему всеобщее уваженіе, побѣдителю Турокъ и Шведовъ, первому Генералъ-Фельдмаршалу въ Россіи, знаменитому Шереметеву. Онъ скончался въ Москвѣ 10-го Февраля, послѣ продолжительной болѣзни; но Царь желалъ, чтобъ прахъ его покоился въ той землѣ, которая пріобрѣтена была его трудами, и на которой не разъ Полководецъ сей вѣнчался славою; память заслугъ героя почтена похоронами, совершенными съ возможными почестями и великолѣпіемъ, и тѣло предано землѣ въ Александроневскомъ монастырѣ, въ церкви Св. Лазаря.

За нѣсколько времени до сего Петръ удостоилъ своимъ присутствіемъ похороны Контръ-Адмирала Паддона, погребеннаго на иновѣрческомъ кладбищѣ, при церкви Св. Сампсона Страннопріимца.

Потеря людей полезныхъ была уже чувстви-

тельна Царю; но судьба готовила ему еще большее испытаніе: 25-го Апрѣля Петръ лишился Царевича Петра, наслѣдника Престола, сына, на колыбели коего отецъ въ минуту тяжкой горести, принялъ сладкую отраду счастливыхъ надеждъ и утѣшительныхъ ожиданій.

Тѣло почившаго въ мирѣ младенца, предано на другой день землѣ, въ Невскомъ монастырѣ.

Показанія большей части Историковъ, свидѣтельствующихъ о чрезвычайной горести Царя послѣ сей потери, намъ кажутся нѣсколько преувеличенными. По словамъ ихъ, теченіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ остановилось; Царь въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ одинъ, запершись въ комнатѣ, предавался совершенному отчаянію и даже не принималъ пищи и питья; наконецъ настояніемъ знаменитаго друга правды Князя Долгорукаго, онъ былъ возвращенъ Государству. — Анекдоты нерѣдко основываются или дополняются вымысломъ, но достовѣрнѣйшія свидѣтельства заставляютъ заключать, что Царь, мощный духомъ и покорный волѣ Провидѣнія, хотя пораженный до глубины сердца, умѣлъ побѣдить свою печаль; ибо вполнѣ чувствовалъ, сколь необходимы, для блага народнаго, его творческій умъ и сильная, опытная рука его, для кормила государственнаго.

30-го Мая, въ день своего рожденія, Петръ полу-

чилъ утѣшительное извѣстіе, что Капитанъ Сенявинъ, крейсировавшій съ четырьмя кораблями, встрѣтилъ и взялъ между островами Гогландомъ и Эзелемъ три Шведскія военныя судна. — Событіе сіе праздновано молебствіемъ, въ тотъ же день, въ Петропавловской церкви, и въ память онаго выбита особая медаль.

Принеся благодареніе Богу за новый успѣхъ Россійскаго оружія, Царь (въ сей самый день) отбылъ въ Кронштадтъ, и пріѣхавъ на флотъ, поднялъ на кораблѣ Ингерманландъ Вице-Адмиральскій свой флагъ.

4-го Іюня, отправленъ изъ Петербурга въ Пекинъ, для заключенія между обѣими Имперіями торговаго трактата, въ званіи Чрезвычайнаго Посла, Гвардіи Капитанъ Измайловъ.

Девятаго числа, флотъ вышелъ въ море для *опустошенія* береговъ Финляндіи. Мѣра сія можетъ показаться жестокою, но она была вынуждена обстоятельствами: воюющія стороны пользовались тогда всѣми возможными средствами для причиненія другъ другу вреда. Петръ долженъ былъ побудить Шведское Правительство къ скорѣйшему заключенію мира, надежда на близость котораго, казалась тѣмъ вѣроятнѣе, что еще 30-го Ноября 1718-го года, роковой свинецъ поразилъ Карла XII при осадѣ Норвежской крѣпости Фридериксгалла.

Въ отсутствіе Царя флотъ его громилъ Шведскіе берега, а Петербургъ украшался новыми зданіями. Внутри Адмиралтейства построены каменныя масперскія; на Васильевскомъ Острову, влѣво отъ дома Меньшикова заложенъ фундаментъ каменному же зданію, въ которомъ Петръ предполагалъ помѣстить со временемъ Академію Наукъ и Художествъ, присоединивъ къ оной Библіотеку и Кунсткамеру; на правомъ берегу Мьи (Мойки) противъ нынѣшняго дома Строгановыхъ, начато строеніе каменнаго Мытнаго двора для продажи съѣстныхъ припасовъ; на Петербургской сторонѣ, въ большой Никольской улицѣ построена вторая въ сей части города мазанковая Австерія; въ слободѣ С.-Петербургскаго гарнизоннаго полка заложена деревянная церковь Св. Апостола Матвѣя; на Васильевскомъ Острову, иностранцу Милле позволено выстроить первый въ столицѣ партикулярный шрактиръ; на берегу Невы между Адмиралтействомъ и Галернымъ дворомъ, (на мѣстѣ нынѣшней Англійской набережни) достроены и вновь заложены многіе частные домы; купцами Томилинымъ и Рюминымъ устроенъ игольный заводъ; при Сенатѣ учреждена типографія для печатанія указовъ; на берегу Большой Невы, близъ существовавшаго съ 1711-го года Литейнаго анбара, построенъ другой Литейный же, *Формо-*

вальный анбаръ (*) наконецъ особыми Указами, позволено на берегахъ Мьи и Фонтанной рѣчки обывателямъ строить домы, и приказано Архитектору Гербелю перемѣнить направленіе нѣкоторыхъ улицъ, первоначально Архитекторомъ Мадернови назначенныхъ. Такимъ образомъ съ сего времени положено начало застройкѣ и заселенію нынѣшнихъ второй и третьей Адмиралтейскихъ частей. Англичане — Реформаты, находившіеся въ Петербургѣ, перестали съ сего года посѣщать Лютеранскую церковь въ домѣ Вице-Адмирала Крюйса, и составили свой собственный, отдѣльный приходъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ 1719-го года было заложеніе въ Кронштадтѣ (1-го Мая) собственными руками Царя знаменитаго канала его имени, также каменнаго дворца и Гостинаго двора.

Въ Августѣ флотъ возвратился къ Кронштлоту. Царь прибылъ 21-го числа въ Петербургъ, гдѣ снова посвящалъ всѣ часы дѣятельной жизни своей государственнымъ занятіямъ. Онъ не забылъ съѣз-

---

(*) Въ этомъ *анбарѣ*, пріѣхавшій въ послѣдствіи въ Петербургъ извѣстный Графъ Растрелли, началъ лѣпить и дѣлать форму для того коннаго изображенія Петра Великаго, которое въ царствованіе Императора Павла, было вынесено изъ анбара, и поставлено на площади предъ нынѣшнимъ Инженернымъ замкомъ.

дить въ Шлиссельбургъ для поминовенія воиновъ, со славою падшихъ въ 1702-мъ году, при штурмѣ сей крѣпости; вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣлъ первыя работы, предначертаннаго имъ важнаго предпріятія, Ладожскаго канала.

Въ описаніи 1708-го года мы упомянули о раздачѣ Петромъ I-мъ въ Ингерманландіи земель, изъ коихъ супругѣ своей онъ подарилъ: Пуркало, Славянку, Колпино и другія; къ первому изъ сихъ помѣстьевъ принадлежала небольшая мыза *Сари*, носившая имя своей владѣтельницы, сія-то мыза есть нынѣшнее великолѣпное Царское Село.

Въ послѣдней книгѣ Панорамы читатель найдетъ описаніе и краткую исторію сего знаменитаго лѣтняго мѣстопребыванія Россійскихъ Государей; здѣсь, мы вкратцѣ укажемъ только на главнѣйшія эпохи его первоначальнаго построенія.

Въ 1710-мъ году, построенъ былъ въ мызѣ Сари, на случай проѣзда Высочайшихъ Особъ, небольшой деревянный домъ и другой для придворнаго штата; при нихъ находились особыя службы. При Царскомъ домѣ разведенъ садикъ съ оранжереею для нерастущихъ въ сѣверной Россіи плодовыхъ деревъ; неподалеку отъ нея отведено мѣсто подъ звѣринецъ, и нѣсколько Ижерскихъ семействъ изъ окрестностей переведено въ мызу.

Вотъ рожденіе Царскаго Села, въ которое въ 1713-мъ году опредѣленъ первый Священникъ съ

Діакономъ и причетниками; священнослуженіе совершалось тогда, или въ самомъ дворцѣ или въ походной церкви, привозимой во время пріѣздовъ Царицы изъ Петербурга.

Въ 1714-мъ году присланы изъ Московскихъ дворцовыхъ вотчинъ плотники для строенія крестьянскихъ избъ, въ которыхъ поселены въ слѣдующемъ году переведенцы изъ Московской же губерніи; въ 1716-мъ освящена первая деревянная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, и заведена въ домѣ Діакона казенная школа для дѣтей прихожанъ; съ сего же года село вмѣсто *Сарскаго* начало носить названіе *Царскаго*. Въ 1717-мъ году построена тамъ другая деревянная церковь Благовѣщенія Богородицы, и проведена изъ столицы къ селу чрезъ Пулкову гору дорога. Въ 1718-мъ заложенъ небольшой каменный домъ въ два этажа, составлявшій самую средину нынѣшняго дворцоваго зданія, и приступлено къ строенію на Пулковой горѣ маленькаго деревяннаго дома, изъ оконъ котораго открывалась картина Петербурга и его окрестностей. Въ 1719-мъ году всѣ работы сіи были окончены; село приведено въ порядокъ, и по возможности украшено, стараніемъ Архитектора Ферстера, которому Царица поручила все, что касалось до устройства ея мызы. Дѣло сіе производилось столь тайно, что Царь, рѣдко посѣщавшій эту сторону, вовсе не зналъ ни о чемъ. 11-го Мая

Екатерина пригласила супруга своего прогуляться за городомъ. Широкая, чистая, уровненная дорога, пріятно удивила Петра; но каковъ былъ его восторгъ, когда взъѣхалъ на гору, супруга ввела его въ чистыя комнаты Пулковскаго Дворца, гдѣ приготовленъ былъ обѣденный столъ; тамъ она подвела Петра къ окнамъ: съ одной стороны взорамъ восхищеннаго Царя представился любимый имъ Петербургъ во всей полнотѣ своей, съ другой Царское Село, красивое и устроенное, съ чистыми вокругъ деревеньками, на мѣстѣ, гдѣ Царь до сего времени видѣлъ въ лѣсной глуши, бѣдную, пустынную мызу. Эта загородная поѣздка принесла Петру чрезвычайное удовольствіе: онъ долго вспоминалъ объ ней, съ живѣйшею признательностію къ своей супругѣ. Съ того времени Царское Село начало мало по малу распространяться и украшаться. Кто знаетъ, существовало ли бы сіе обвороженное мѣсто, если бъ Екатеринѣ Первой не вздумалось въ 1719-мъ году удивить пріятнымъ и неожиданнымъ подаркомъ Вѣнценоснаго Супруга своего, отъ прозорливаго взора котораго трудно было скрыть что либо.

1720. — Съ Новымъ годомъ, подарены Россіи Царемъ ея новыя полезныя учрежденія. Начальникамъ губерній даны инструкціи, Магистратамъ и Духовной Коллегіи Регламенты; образованы ра-

зныя части гражданскаго судопроизводства, и 13-го Января изданъ Морской Уставъ, достойный, какъ и Военный Уставъ, занять одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ законодательныхъ трудахъ Петра.

Шестаго Февраля, Царь лично открылъ присутствіе въ С.-Петербургскомъ Магистратѣ. 25-го давалъ аудіенцію Чрезвычайному Посланнику Польскаго Короля Августа II, Мазовецкому Воеводѣ Хоментовскому, а съ 29-го числа сего мѣсяца по 27-е Марта, находился въ поѣздкѣ къ Олонецкимъ водамъ.

Петербургъ между тѣмъ росъ, какъ богатырь, и со дня на день обогащался новыми постройками. На Васильевскомъ Острову, противъ Адмиралтейства заложенъ былъ каменный дворецъ для Царицы Параскевіи Ѳеодоровны, зданіе, послѣ кончины ея, поступившее подъ Академію Наукъ, и понынѣ занимаемое Кунсткамерою; близъ Троицкой церкви, на берегу Невы, построена деревянная, Портовая Таможня; при Александроневскомъ монастырѣ, попеченіемъ Архіепископа Ѳеодосія, учреждена типографія, для печатанія духовныхъ и нравоучительныхъ книгъ; на Выборгской сторонѣ возлѣ госпиталей, устроены пивоваренные заводы; въ крѣпости на бастіонѣ Трубецкаго поставлена вѣтряная мукомольная мельница. На Петербургской сторонѣ, освящена заложенная въ предшествовавшемъ году церковь Св. Апосто-

ла Матѳея; заложены новыя деревянныя церкви, одна при Охтенскихъ пороховыхъ заводахъ, Пророка Иліи, другая на Литейной для жителей Евангелическаго исповѣданія. Эта церковь, въ послѣдствіи замѣненная каменною, существуетъ и нынѣ подъ именемъ *Аптинской*; основателемъ оной былъ проповѣдникъ дивизіи Генерала Бона, Шиннеръ (Schattner.)

Когда для увеличившагося въ Петербургѣ числа Лютеранъ, домовая церковь Вице-Адмирала Крюйса сдѣлалась тѣсною, имъ дано было дозволеніе собираться въ воскресные и праздничные дни, для отправленія Богослуженія, въ большую залу принадлежавшаго Бергъ-Коллегіи дома. Вскорѣ Царь повелѣлъ отвесть на Литейной мѣсто, для построенія сему приходу церкви. Оберъ-Комендантъ Брюсъ, видя, что недостатокъ въ деньгахъ препятствуетъ Петербургскимъ Лютеранамъ воспользоваться даромъ Царя, уступилъ имъ безденежно небольшой домъ (изъ числа принадлежавшихъ Петропавловскому Собору), стоявшій на Петербургской сторонѣ за крѣпостью; онъ былъ разобранъ въ 1719-мъ году, а въ слѣдующемъ перенесенъ на пожалованное Лютеранамъ мѣсто; 18 Марта 1722 года построенная изъ онаго церковь была освящена во имя Св. Петра, и уже въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, для отличія отъ построенной при ней Петропа-

вловской церкви (на Невскомъ проспектѣ) названа въ ея честь церковью Св. Анны.

По берегу Мьи, за Финской слободою, находился еще невырубленный лѣсъ; здѣсь на счетъ казны построили деревянныя бани, числомъ до тридцати, половина назначена была для мужчинъ, другая для женщинъ; за входъ въ баню брали по копѣйкѣ съ человѣка. На лѣвомъ берегу сей же рѣчки, за Лѣтнимъ дворцомъ Царицы, выстроили каменныя конюшни для придворныхъ лошадей, и нѣсколько домовъ для чиновниковъ и служителей.

На мѣстѣ, занятомъ нынѣ Придворною больницею, воздвигли первый, порядочно устроенный въ Петербургѣ, деревянный *Театральный* или *Оперный Домъ*, для труппы иностранца Манна; онъ былъ въ послѣдствіи уничтоженъ разливами Мьи, подмывавшими неукрѣпленные еще ея берега.

Каменные госпитали, заложенные въ 1715-мъ году на Выборгской сторонѣ, были совершенно окончены, а на Адмиралтейской сторонѣ, неподалеку отъ Царицына луга, построена большая казенная Аптека, въ которую переведена первоначальная, въ 1703 году въ крѣпости учрежденная, и которая существуетъ понынѣ подъ названіемъ Главной.

Такъ обширны, многоразличны и полезны были работы, ежегодно предпринимавшіяся въ новой столицѣ Царя, лелѣявшаго ее родительской рукою и

*

вмѣстѣ обращавшаго зоркое око на отдаленнѣйшіе края Государства.

Неусыпная, безпокойная дѣятельность его творила, создавала безпрерывно. Въ продолженіе работъ, о коихъ мы упомянули, 1-го Мая, въ присутствіи Петра происходилъ спускъ на воду 96-пушечнаго корабля *Фридрихштадтъ;* а на слѣдующій день прибылъ уполномоченный Шведскимъ Правительствомъ, Королевскій Генералъ-Адъютантъ Марксъ, для личныхъ переговоровъ съ Царемъ, относительно давно желаемаго обѣими сторонами мира. 8-го числа ему дана была аудіенція. Оказавъ Марксу самый благосклонный пріемъ, Царь повелѣлъ во время его пребыванія, продолжавшагося до 14-го Іюля, познакомить пріѣзжаго съ Петербургомъ, обращая вниманіе его на все примѣчательное какъ въ самой столицѣ, такъ и въ Кронштадтѣ, на Котлинѣ, въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ. Марксъ былъ справедливо удивленъ чрезвычайными, почти непоняпными успѣхами; ему не хотѣлось вѣрить, что это самое мѣсто, едва 17 лѣтъ тому назадъ, было безплодною и безлюдною пустыней! — 5-го Іюня, спущенъ другой корабль, *Сѣверный Орелъ*, о 84-хъ пушкахъ. Въ половинѣ Іюля Царь переѣхалъ въ загородный дворецъ свой, Дубки, гдѣ провелъ нѣсколько времени. Оттуда онъ ѣздилъ на Котлинъ, потомъ въ Выборгъ, и 4-го Августа возвратился въ столицу.

Здѣсь, тотчасъ по прибытіи его, получено было радостное извѣстіе о новой побѣдѣ Русскаго флота надъ Шведскимъ.

Читатель вѣроятно не забылъ, что въ числѣ Полководцевъ Петра, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ противъ Шведовъ, въ Финляндіи наиболѣе отличался Генералъ Князь Голицынъ. Начальствуя въ сей странѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ неослабно пользовался каждымъ обстоятельствомъ, для нанесенія непріятелю новыхъ ударовъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Голицынъ свѣдалъ, что главныя силы Шведскаго флота собраны при Стокгольмѣ, а близъ острова Ламеланда оставлена только одна эскадра, въ которой находились линѣйный корабль, четыре фрегата, три галеры и шесть мелкихъ судовъ; онъ предпринялъ отважное намѣреніе атаковать сію эскадру находившимися въ его распоряженіи 61 галерою и 20 шлюпками. Нападеніе произведено было 27-го Іюля, въ день знаменитой Гангутской побѣды, предвозвѣщавшей успѣхъ Русскому оружію. Ни превосходство Шведскихъ судовъ, ни ихъ сильнѣйшая артиллерія, ни личное мужество предводителей и нижнихъ чиновъ, ничто не могло спасти ихъ отъ совершеннаго пораженія. Русскіе овладѣли четырьмя фрегатами. Эта побѣда, (одержанная близъ небольшаго каменистаго острова Гренгама) была столько пріятна Царю, что при-

сланный съ извѣстіемъ Маіоръ Шиповъ былъ произведенъ черезъ чинъ въ Полковники; главному виновнику побѣды посланы отъ Царя при письмѣ, исполненномъ благодарности, шпага и трость, осыпанныя брилліантами; соучастникамъ славнаго дѣла сего, Генералъ-Маіору Дупрео, Менгдену и Боряшинскому, даны Бригадирскіе чины, Штабъ- и Оберъ-Офицерамъ посланы нарочно выбитыя по сему случаю золотыя медали, нижнимъ же чинамъ розданы серебряныя. Отслуживъ въ тотъ же день торжественное въ Петропавловской крѣпости молебствіе, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ Адмиралтейства, крѣпости и судовъ, стоявшихъ на Невѣ, Царь не заключилъ симъ торжества; онъ любилъ, какъ мы видѣли, всегда удовольствіе свое дѣлать общимъ, и повелѣлъ, чтобы взятые фрегаты были введены въ Петербургъ церемоніяльнымъ образомъ. Въ назначенный для сего день (8-го Сентября) фрегаты: *Шторфеникъ* о 34-хъ, *Венкеръ* о 30-ти, *Сисхенъ* о 22 и *Данекъ-Эрнъ* о 18-ти пушкахъ вошли одинъ за другимъ въ Неву, при необъятномъ стеченіи народа, покрывавшаго берега. При пушечныхъ выстрѣлахъ съ обѣихъ крѣпостей, они приближались къ Троицкой пристани, гдѣ устроена была для сего торжественнаго случая деревянная пирамида, украшенная арматурою и различными символическими фигурами. Фрегаты

ведены были галерами, число пушечныхъ выстрѣловъ равнялось числу взятыхъ у непріятеля пушекъ.

Вечеромъ сожженъ былъ на Троицкой площади фейерверкъ, а столица была иллюминована три дня сряду. Пирамида, построенная въ честь Гренгамской побѣды, была названа пирамидою четырехъ фрегатовъ; она существовала въ продолженіе царствованія Петра Великаго.

Чрезъ четыре недѣли (2-го Октября) спустили въ Петербургѣ третій корабль, *Астрахань*, о 66 пушкахъ, а 5-го Октября, четвертый, *Санктъ-Петеръ*, о 80 пушкахъ.

Съ 9-го по 15-е число Петръ находился въ поѣздкѣ, въ Шлиссельбургъ и къ работамъ Ладожскаго канала; по возвращеніи его, прибыли въ Петербургъ Капитанъ-Лейтенантъ Верденъ и Лейтенантъ Соймоновъ, исполнившіе успѣшно порученіе Государя.

Читатель видѣлъ, какъ быстро возрасталъ юный городъ, какъ постоянно, вмѣстѣ съ распространеніемъ и украшеніемъ онаго, раждались для Россіи мудрые законы, новыя полезныя учрежденія; образовывался ее гражданственный порядокъ, проливался на нее живительный свѣтъ наукъ; ея торговля и промышленность развивались; ея войска и флоты, до того не существовавшіе, вѣнчались славою въ бояхъ съ непріятелемъ, издавна къ славѣ привыкшимъ; словомъ, политическое су-

ществованіе Россіи возникло для нея вмѣстѣ съ Петербургомъ, и съ нимъ вмѣстѣ утверждалось.

Но всѣ ли въ то время могли оцѣнить великія дѣянія Петра? Всѣ ли понимали его намѣренія, всѣ ли хотѣли понять оныя? Первымъ и самымъ упорнымъ врагомъ Царя — были противодѣйствія, возникавшія ежечасно, ежечасно подавляемыя имъ и возраждавшіяся снова; они какъ змѣи выползали изъ-подъ развалинъ предразсудковъ, охраняемыхъ закоснѣлымъ невѣжествомъ; не было учрежденія, въ которомъ бы недоброжелательство не силилось найти что либо дурное; не было году, въ которомъ бы враги Петра не старались возмутить народъ, распространяя духъ неудовольствій: для этого употреблялись различныя средства, между коими нелѣпыя выдумки занимали важное мѣсто. Мы упомянемъ здѣсь о двухъ случаяхъ, бывшихъ въ семъ году, во время пребыванія въ столицѣ Шведскаго уполномоченнаго Маркса.

Желая убѣдить народъ, что основаніе Петербурга не только безполезно и не выгодно, но непріятно самому Небу, — злонамѣренность рѣшилась приступить къ сильному средству, искусно пользуясь преданностію Русскихъ къ Вѣрѣ, она употребила ее орудіемъ обмана, который былъ для того времени столь же тонко соображенъ съ понятіями народа, сколь самый умыселъ былъ золъ. Собравшіеся въ воскресный день въ Троицкую

церковь молельщики, съ ужасомъ замѣтили, что образъ Богородицы, предъ которымъ усердные прихожане предпочтительно ставили свѣчи, проливаетъ слезы. Это было немедленно истолковано, какъ вѣрный признакъ нерасположенія Божіей Матери къ городу. Царя не было въ Петербургѣ; народъ начиналъ уже шумѣть и волноваться; и если бы Петръ не возвратился на другой же день въ столицу, то шутка сія могла бы имѣть весьма дурныя послѣдствія. Вскорѣ за тѣмъ пророчество одного крестьянина причинило было важныя непріятности, но Царь принялъ по обыкновенію дѣйствительныя мѣры: въ Петербургѣ явился мужикъ, предсказывавшій, что въ Сентябрѣ вода, нахлынувъ съ моря, затопитъ столицу и погубитъ жителей (*). Такъ долженъ былъ Великій Преобразователь Россіи, мало понятый современниками, каждый шагъ, на поприщѣ, въ которое онъ ввелъ народъ свой, пріобрѣтаешь трудами, для коихъ едва ли бы кто изъ смертныхъ могъ имѣть достаточно постоянства, силы и терпѣнія.

1721 годъ, важный для Россіи слѣдствіями мира, о которомъ будемъ мы говорить, начался

(*) Оба случая сіи подробнѣе описаны въ VI главѣ.

учрежденіемъ Святѣйшаго Синода, основаннаго Указомъ 25-го Января, и назначеннаго высшимъ мѣстомъ Духовнаго правленія. Въ Президенты Синода Царь избралъ знаменитаго Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, а въ Вице-Президенты, Архіепископовъ Новгородскаго Ѳеодосія и Псковскаго Ѳеофана-Прокоповича. Торжественное открытіе Синода происходило 14-го Февраля. Въ день тезоименитства Царевны Анны Петровны былъ спущенъ на воду 86 пушечный корабль, *Св. Андрей*. 5-го Марта еще другой такого же ранга, *Фридемакеръ*, а 16-го третій, 66-ти пушечный корабль, *Св. Екатерина*. Не должно удивляться, что три военные корабля сіи были спущены въ Петербургѣ на воду въ одинъ годъ, и всѣ въ то время, когда Нева была еще покрыта льдомъ: Петръ I-й не зналъ препятствій; ему необходимо нужно было снарядить эти корабли къ весеннему походу; въ нѣсколько дней извѣстное пространство рѣки было очищеноо отъ льда, и корабли благополучно сошли на воду. Въ самый день послѣдняго спуска, Царь и Царица отправились въ Ригу, на встрѣчу Шлезвигъ-Голстинскому Принцу Карлу Фридриху. Почитаемъ нелишнимъ объяснить причину пріѣзда въ Петербургъ Принца сего, въ послѣдствіи бывшаго супругомъ старшей дочери Петра, Цесаревны Анны Петровны. Сопровождавъ Карла XII

въ послѣднемъ его походѣ въ Норвегію, Принцъ, по смерти Короля, какъ близкій его родственникъ (*), надѣялся быть избраннымъ на Престолъ Швеціи; но когда главами Государства ему предпочтенъ былъ Гессенъ-Кассельскій Кронъ-Принцъ (**), онъ оставилъ Стокгольмъ и переселился въ Вѣну, гдѣ жилъ до 1721 года. Петръ I-й, находя съ своей стороны небезполезнымъ для Россіи поддержать права Принца на Шведскій Престолъ, предложилъ ему прибыть въ Петербургъ. Герцогъ, испросивъ совѣта у Римскаго Императора Карла VI, принялъ сіе предложеніе, и ввѣрилъ судьбу свою покровительству Русскаго Монарха.

Въ день отъѣзда Петра въ Ригу, совершена была въ Петербургѣ казнь, послужившая новымъ доказательствомъ того, что щедро награждавшій за полезныя Государству дѣла, добрый и ласковый къ послѣднимъ изъ подданныхъ своихъ, Царь не щадилъ ни богатства, ни знатности въ пре-

(*) Карлъ Фридрихъ, племянникъ Карла XII, былъ сынъ родной его сестры Гедвигъ Софіи и Шлезвигъ-Голстинскаго Герцога, Фридриха, убитаго въ 1702 году въ кровопролитной Клиссовской битвѣ, между Шведскими и Польско-Саксонскими войсками. Пожертвовавъ на полѣ брани жизнію въ дѣлѣ Карла XII, Герцогъ ввѣрилъ попеченіямъ его участь малолѣтнаго своего сына.

(**) Супругъ другой сестры Карла XII, Ульрики Элеоноры.

ступленіяхъ, важныхъ по вредному ихъ вліянію, и что неумолимая строгость его наиболѣе карала употреблявшихъ во зло высокое его довѣріе. Несчастный Губернаторъ Сибири, Князь Гагаринъ, преданъ былъ суду, за похищеніе казеннаго имущества; не сознаваясь въ семъ, онъ терпѣливо перенесъ пытку, и даже предъ лицемъ Государя, просившаго откровеннаго исповѣданія вины, и обѣщавшаго ему за сіе прощеніе, остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи; безъ ропота противу приговора суда и безъ боязни позорной смерти, онъ сложилъ главу подъ сѣкирою палача, оставивъ казнію своею страшный, и можетъ для многихъ полезный урокъ!

Царь и Царица, принявъ Герцога съ чрезвычайною благосклонностію, показали ему все заслуживавшее вниманія въ Ригѣ и Ревелѣ, и возвратились къ 17 Іюня въ Петербургъ. Въ торжественный день Полтавской побѣды (27 Іюня) прибылъ и Герцогъ. Царь встрѣтилъ его при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, и въ сей же день присутствовалъ съ нимъ при спускѣ четвертаго въ томъ году, 66-пи пушечнаго корабля, *Св. Пантелеймонъ*, названнаго въ память славнаго въ Исторіи Россійскаго Флота дня, ознаменованнаго двумя побѣдами: въ 1714-мъ году при Гангутѣ и въ 1720 мъ при Гренгамѣ.

Желая познакомить гостя своего съ столицею,

Петръ самъ возилъ его по городу и окрестностямъ, обращая его вниманіе на все особенно заслуживавшее примѣчанія.

Въ то время, какъ на Конгресѣ (переведенномъ съ Аланда въ городъ Нейштадтъ) производились переговоры о мирѣ, важномъ для политическаго быта Россіи, о мирѣ, долженствовавшемъ заключить продолжительную, упорную борьбу двухъ Сѣверныхъ Державъ, и возложить новый, неувядаемый лавръ на главу образователя, просвѣтителя, законодателя Россіи, на главу Царя, создателя ея силы, величія и славы; Петръ, нетерпѣливо ожидавшій рѣшенія, послалъ къ своимъ Уполномоченнымъ, съ особымъ порученіемъ, сперва Выборгскаго Коменданта Бригадира Шувалова, потомъ своего Генералъ-Адъютанта (въ послѣдствіи Кабинетъ-Министра) Ягушинскаго. Не довольствуясь симъ, онъ самъ рѣшился ѣхать въ Выборгъ, чтобъ осмотрѣть границы, бывшія главнымъ предметомъ возникшихъ на Конгресѣ споровъ и несогласій. 21 Августа Царь выѣхалъ изъ Петербурга, и осмотрѣвъ первоначально работы на Котлинѣ, отправился въ дальнѣйшій путь; подъѣзжая къ Дубкамъ, гдѣ приготовлены были для него лошади, Петръ за три версты отъ сего мѣста, встрѣтилъ посланнаго изъ Нейштадта Генераломъ Брюсомъ и Совѣтникомъ Остерманомъ, Преображенскаго полка капрала Обрѣзкова: онъ везъ

извѣстіе, что 30 Августа заключенъ уже мирный трактатъ, по которому Россія удерживаетъ за собою Эстляндію, Лифляндію, Ингрію и часть Финляндіи съ Выборгомъ.

Царь строго запретилъ Обрѣзкову разглашать радостное сіе извѣстіе. Переночевавъ въ Дубкахъ по причинѣ поздняго времени, рано поутру Петръ послалъ крейсировавшимъ въ морѣ эскадрамъ своего флота, повелѣніе о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій и возвращеніи въ свои порты, и въ то же время, извѣстивъ объо кончаніи войны начальствовавшаго въ Финляндіи Князя Голицына, самъ отправился въ Петербургъ.

Заключеніе Нейштадтскаго мира было едва ли не радостнѣйшимъ для Россіи событіемъ. Петръ, обнимавшій всю важность онаго въ настоящемъ и будущемъ, въѣзжая въ Петербургъ на бригантинѣ при входѣ въ Неву, приказалъ играть на трубахъ и стрѣлять изъ пушекъ. Жители предугадывали, что необыкновенное вшествіе Монарха предвѣщало что либо особенное; приближенныя особы поспѣшили къ Троицкой пристани, гдѣ встрѣтили Царя, объявившаго имъ окончаніе слишкомъ двадцатилѣтней войны.

Между тѣмъ войско собрано было въ парадъ, а Министры, Генералы и всѣ знатныя особы приглашены къ слушанію благодарственнаго Богу силъ молебствія въ Троицкой церкви; на площади же

предъ оною поставлены для народа огромныя кади съ пивомъ и виномъ. По окончаніи обѣдни, во время которой Президентъ Синода, Рязанскій Митрополитъ Стефанъ, произнесъ краткое объявленіе о заключенномъ мирѣ; Государь, въ мундирѣ Преображенскаго полка, съ Андреевскою лентою, взошелъ на высокій помостъ, устроенный предъ церковью, снялъ шляпу и поклонясь народу, произнесъ громко:

« Здравствуйте и благодарите Бога, православ-
« ные, что за толикую долговременную войну,
« которая продолжалась чрезъ двадцать одинъ
« годъ, оную Всесильный Богъ прекратилъ, и да-
« ровалъ намъ и Швеціи вѣчный миръ! »

Засимъ, приказавъ почерпнуть себѣ въ ковшъ вина изъ кадей, стоявшихъ предъ помостомъ, Петръ выпилъ оное за здоровье народа, повторивъ: « Здравствуйте, любезные! да поможетъ
« намъ Богъ въ мирѣ трудиться для прибытка ва-
« шего, и облегчитъ тягости, понесенныя въ вой-
« нѣ, здравствуйте! »

По окончаніи служенія, первые чины Государства просили Царя принять титулъ Адмирала, на что Петръ и соблаговолилъ.

Обрѣзковъ, вѣстникъ столь славнаго и выгоднаго мира, произведенъ былъ въ офицерскій чинъ. Во всей Россіи повелѣно совершать проекрашное благодарственное молебствіе; въ Петербургѣ же

радостная вѣсть о прекращеніи войны, была первоначально сообщена жителямъ, чрезъ герольдовъ, разъѣзжавшихъ по улицамъ съ отрядами драгунъ, въ сопровожденіи трубъ и литавръ; они имѣли бѣлые, шафтяные чрезъ плечо шарфы, и несли бѣлыя же знамена, украшенныя зелеными, лавровыми вѣнками. Въ слѣдъ за симъ начались въ городѣ различныя увеселенія.

Въ день тезоименитства Царевны Елисаветы Петровны (5-го Сентября), въ четыре часа по полудни назначено было катанье на баржахъ, буерахъ и другихъ судахъ, употреблявшихся на Невѣ; сборнымъ мѣстомъ избрали Троицкую пристань; оттуда флотилія отправилась въ стройномъ порядкѣ; при частыхъ выстрѣлахъ изъ небольшихъ пушекъ, коими были вооружены нѣкоторыя суда, и при звукахъ неумолкавшей музыки, она каталась по водѣ около двухъ часовъ сряду, между береговъ, усѣянныхъ зрителями; потомъ остановилась у Почтоваго дома, въ главной залѣ котораго былъ приготовленъ обѣденный столъ для кавалеровъ, а въ другой, смежной съ нею, для дамъ. Здѣсь угощаемы были: Дворъ, Министры Русскіе и чужестранные и всѣ Генералы, Штабъ- и Оберъ-Офицеры, находившіеся въ Петербургѣ. По правую сторону Царя сѣли Герцогъ Голстинскій и приглашенные гости изъ чужестранцевъ, по лѣвую Меньшиковъ и другіе вельможи Русскіе, между

коими помѣстился непремѣнный участникъ всѣхъ тогдашнихъ пировъ и торжествъ Князь-Папа Бутурлинъ, принявшій достоинство сіе по смерти Зотова (*).

Послѣ обѣда начались игры и танцы, не были также забыты кубки, коихъ золоченое дно то блестѣло, то закрывалось душистою влагою Венгерскихъ и другихъ винъ; въ 11 часовъ гости разъѣхались по домамъ.

Четыре послѣдовавшіе дня прошли безъ увеселеній; — за то, 10-го числа, оныя возобновились несравненно съ большимъ блескомъ и шумомъ. Въ сей день назначено было праздновать свадьбу Князя-Папы Бутурлина, съ вдовою умершаго Зотова; всѣ участвовавшіе въ увеселеніяхъ, 5 Сентября, должны были явиться въ различныхъ костюмахъ, у пирамиды четырехъ фрегатовъ, назначенной сборнымъ мѣстомъ. Пространство между крѣпостью, Коллегіями, Невою и Троицкою церковью было нарочно для сего намощено досками.

Въ девять часовъ утра, по сигналу, сдѣланному пушечными выстрѣлами, приглашенные, надѣвъ

(*) По нѣкоторымъ извѣстіямъ Бутурлинъ былъ преемникъ Зотова, умершаго около 1717 года; изъ другихъ же свѣдѣній видно, что онъ занималъ сію почетную и смѣшную должность въ одно время съ нимъ: это отчасти оправдывается единогласнымъ показаніемъ разныхъ источниковъ.

сверхъ маскарадныхъ нарядовъ своихъ широкіе плащи, собрались на площади. Здѣсь, по прибытіи маршаловъ маскарада, всѣ участвовавшіе въ ономъ распредѣлены были по кадрилямъ; около 10 часовъ пріѣхала Царская фамилія, а потомъ и Князь-Папа съ невѣстою.

Бракъ совершенъ былъ обыкновеннымъ порядкомъ. По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви на площадь, Царь, одѣтый барабанщикомъ, ударилъ самъ сборъ; въ эту минуту всѣ плащи были сброшены, и взорамъ представилась самая пестрая, самая живая картина. Не только разнообразіе, оригинальность нарядовъ, но и богатство ихъ привлекало вниманіе. Замѣчательнѣйшія были: одежда Князя Кесаря Ромодановскаго, представлявшая нарядъ древнихъ Царей, длинная и широкая бархатная его мантія подбита была горностаевымъ мѣхомъ; богатая на головѣ корона и скипетръ въ рукѣ блестѣли драгоцѣнными камнями. Князь Меньшиковъ избралъ простую одежду Гамбургскаго Бургомистра; Герцогъ Голштинскій былъ въ розовомъ, шелковомъ кафтанѣ, обложенномъ золотыми галунами, за нимъ слѣдовала роскошно и щегольски одѣтая свита; Князь-Папа былъ въ полномъ облаченіи Римскихъ Первосвященнослужителей; затѣмъ являлись одежды всѣхъ возможныхъ народовъ, напоминавшія многимъ праздникъ, бывшій по случаю свадьбы Зотова.

Наиболѣе же въ маскерадѣ семъ занималъ зрителей Бахусъ съ тигровою кожею на плечахъ и съ виноградною въ рукѣ лозою. Роль эта поручена была одному изъ нижнихъ придворныхъ служителей, который столь глубоко проникъ въ характеръ изображаемаго имъ божества, что три дня сряду, до праздника, безпрерывно уполялъ жажду свойственную Богу вина, и за то въ день маскарада онъ представилъ его чрезвычайно удачно. Танцмейстеръ дѣтей Князя Меньшикова не съ меньшимъ успѣхомъ выполнилъ роль сатира; далѣе являлись искусно одѣтые строусами, журавлями и пѣпухами. Два маленькіе карла, съ подвязными, длинными бородами, вели на веревкѣ двухъ великановъ, одѣтыхъ малолѣтными дѣтьми. Нѣсколько человѣкъ въ старинномъ парчевомъ нарядѣ Русскихъ бояръ, съ длинными бородами, ѣхали верхомъ на живыхъ медвѣдяхъ. Царскій шутъ, Вителли, зашитый весь въ медвѣжью кожу, былъ везенъ въ клѣткѣ, устроенной наподобіе шѣхъ, въ коихъ обыкновенно держатъ векшей; всѣ полагали, что это живой медвѣдь, но вскорѣ убѣдились въ противномъ, ибо шутъ, выскочивъ изъ клѣтки, вскарабкался на настоящаго медвѣдя и важно поѣхалъ на немъ верхомъ. Съ площади всѣ отправились къ обѣденному столу въ домы Сената и Коллегій; послѣ обѣда, по обыкновенію, начались танцы; когда же и настало время разъѣзда,

новобрачные отведены были съ большою процессіею въ маленькую комнату, устроенную внутри пирамиды четырехъ фрегатовъ.

На другой день послѣ полудня тѣ же лица и въ тѣхъ же нарядахъ, собрались на Троицкую площадь для поздравленія новобрачныхъ и провожанія ихъ чрезъ Неву въ Почтовый домъ, гдѣ въ сей день назначенъ былъ большой обѣдъ. Въ домѣ Князя-Папы, онъ самъ встрѣчалъ гостей въ наружныхъ дверяхъ, поодиначкѣ благословляя каждаго *на веселіе* и подчивая пивомъ, которое онъ черпалъ изъ огромнаго чана, поставленнаго возлѣ; въ заключеніе, каждый посѣтитель получалъ отъ него поцѣлуй. Обойдя вокругъ пирамиды, новобрачные и гости ихъ начали переправляться чрезъ рѣку: Князь-Папа сѣлъ въ большую деревянную чашу, плававшую въ огромномъ, наполненномъ пивомъ чанѣ, утвержденномъ на небольшихъ, скрѣпленныхъ между собою бочкахъ. Къ сему новому плавучему экипажу были привязаны толстыми веревками другія бочки, связанныя по двѣ, съ укрѣпленными наверху боченками; на каждомъ изъ нихъ сидѣлъ Кардиналъ; впереди же ѣхалъ въ лодкѣ, имѣвшей видъ морскаго чудовища, Царскій шутъ, одѣтый Нептуномъ, съ длинною, сѣдою бородой, въ коронѣ и съ трезубцемъ, которымъ онъ по временамъ повертывалъ чашу, вмѣщавшую Князя-Папу, котораго голова едва видна была изъ-

за краевъ чана. Когда поѣздъ былъ дотянутъ до берегу буксировавшими оный лодками, выходъ изъ чаши причинилъ Князю-Папѣ чрезвычайныя затрудненія; при каждомъ движеніи его, она погружалась въ пиво чана, въ которомъ плавала, и грозила, если не потопить, то выкупать сѣдока въ семъ напиткѣ.

На другой день (12-го числа), гости послѣ обѣда опять собрались въ маскарадныхъ одеждахъ, у Почтоваго дома; здѣсь они сѣли на большія суда и въ продолженіе плаванія по Невѣ, качались на устроенныхъ на судахъ, круглыхъ качеляхъ; послѣ чего отправились на Васильевскій Островъ, гдѣ были угощаемы въ домѣ и въ саду Князя Меньшикова.

Четыре послѣдовавшіе дня посвящены были отдыху, 17 же числа, всѣ приглашены были сперва въ Адмиралтейство для присутствованія при заложеніи новаго корабля, а оттуда въ домъ Генералъ-Адмирала, гдѣ приготовлена была травля дикаго медвѣдя со львомъ, изъ привезенныхъ въ Петербургъ изъ Персіи. Звѣри быстро бросились другъ на друга; жестокая борьба начинала уже изнурять льва, надъ коимъ медвѣдь видимо бралъ верхъ, когда Царь приказалъ прекратить травлю, боясь вѣроятно, чтобъ левъ не погибъ въ сей стычкѣ. 13, 14 и 15-го маскарадовъ не было, однако же всѣ участвовавшіе въ празднествахъ, о

коихъ мы упомянули, обязаны были подъ опасеніемъ пятидесяти рублей штрафа, не выходить изъ дому иначе, какъ въ костюмѣ. 25-го числа былъ снова маскарадъ въ домѣ и въ саду Оберъ-Сарваера Головина, а 26-го у Президента Юстицъ-Коллегіи Апраксина, роднаго брата Генералъ-Адмирала, того самаго, который въ 1702 году дѣйствовалъ противъ Шведской флотиліи на Ладожскомъ озерѣ.

28-го происходило въ Лѣтнемъ саду празднованіе побѣды, одержанной Петромъ I-мъ въ 1708-мъ году при Лѣсномъ, а 4 го Октября, всѣ должны были отправиться вслѣдъ за Дворомъ, въ Кронштадтъ и на островъ Котлинъ; съ неявившихся къ сему увеселенію на сухомъ пути и на морѣ, положено было взыскать по сту рублей штрафа; изъ сего были однакоже исключены дамы, иностранные Министры и Герцогъ Голштинскій. — Невскій флотъ возвратился съ пассажирами изъ Кронштадта прямо въ Петербургъ, а Царь прибылъ въ оный, посѣтивъ напередъ Петергофъ и Шлюссельбургъ.

Вотъ главнѣйшія увеселенія, предшествовавшія торжеству мира, назначенному 22-го Октября. Ему надлежало совершиться необыкновеннымъ образомъ, и точно оно совершилось со всею важностію, которой заслуживало сіе достопамятное для Россіи событіе.

Русскіе чувствовали и понимали вполнѣ не-

исчислимыя выгоды, принесенныя отечеству, безсмертнымъ Петромъ въ продолженіе войны и утвержденныя Нейштадтскимъ миромъ.

Основавъ столицу свою на землѣ, пріобрѣтенной кровію подданныхъ, Петръ, такъ сказать, знаменовалъ симъ заранѣе, чѣмъ должна была рѣшиться жестокая, продолжительная борьба его съ Швеціею. Оплодотворивъ созданіемъ С. Петербурга безлюдную пустыню, онъ, казалось, вѣщалъ міру: « Какъ возсіяла столица моя изъ болотъ Сѣвера, « подъ творческой моей волею, такъ изъ полити« ческаго небытія слабаго Царства Русскаго « возникнетъ подъ мудрой державою могущественная и славная Имперія Россійская. »

Въ безпрерывной борьбѣ съ людьми и Природою, Петръ неослабно шелъ къ сей цѣли, онъ создавалъ все, даже самыя средства; наконецъ Нейштадтскій миръ упрочилъ, увѣнчалъ его усилія. Къ Россіи присоединены были: « Лифляндія, Ин« германландія, часть Кореліи съ дистриктомъ « Выборгскаго лена, городами Ригою, Дюнамин« домъ, Перновомъ, Ревелемъ, Дерптомъ, Нар« вою, Выборгомъ, Кексгольмомъ и другими горо« дами, крѣпостями, гаванями, дистриктами, » мѣстами, берегами, и островами Эзелемъ, Да« го, Меномъ и проч. »

Пріобрѣтеніе Балтики обѣщало торговлѣ быстрое обогащеніе, наукамъ цвѣтущее развитіе.

Мужество арміи и флота, юныхъ, но уже увѣнчанныхъ лавромъ побѣдъ, сорваннымъ съ главы сѣвернаго героя, пророчили постоянные успѣхи, и доказывали, къ чему способны Русскіе.

Нравственное преобразованіе страны, совершавшееся въ теченіе войны сей, коей успѣхъ утвердилъ еще болѣе довѣренность народа къ намѣреніямъ Царя, — открывало глазамъ удивленнаго свѣта будущія судьбы Россіи. Наконецъ перемѣна политическаго равновѣсія явила, что рѣшительный перевѣсъ на Сѣверѣ долженъ нераздѣльно и вѣчно принадлежать Россіи!

Приводя здѣсь краткое описаніе торжества Нейшпадтскаго мира, мы увѣрены, что пробуждаемъ въ сердцахъ соотечественниковъ то же живое чувство радостной гордости, съ какимъ пишемъ строки сіи.

20-го Октября Правительствующій Сенатъ, въ общемъ совѣтѣ съ Синодомъ, положили: просить Государя, именемъ всего народа Россійскаго, дабы изволилъ принять отъ нихъ титло: « *Отца* « *Отечества, Императора Всероссійскаго*, Петра « Великаго, за силу, богатство, просвѣщеніе, « распространеніе владѣній Россійскихъ, и за ми- « лость его и отеческія попеченія о народѣ « своемъ, который чрезъ единое токмо его руко- « вожденіе, въ такую славу у всего свѣта приве- « денъ. » Въ слѣдствіе сего отправленъ былъ къ

Царю первоначально Князь Меньшиковъ, какъ первенствующій Членъ Совѣта съ письменнымъ прошеніемъ. Государь, прочитавъ бумагу, объявилъ чрезъ Его Свѣтлость «что онъ съ нѣкоторыми »Членами Сената напередъ о томъ изволитъ говорить.» И когда оные съ двумя Архіепископами, Новгородскимъ Θеодосіемъ и Псковскимъ Θеофаномъ пришли и снова повторяли прошеніе свое, то «Его Величество, по своей *обыкновенной и до-*«*стохвальной, модестіи, или умѣренности*, того «принять долго опрекался, и многими явленными «резонами отъ того уклоняться изволилъ; однако же «по неотступнымъ прошеніямъ ихъ, послѣди «склонился на то Всемилостивѣйше позволить.»

22-го Октября, по отправленіи литургіи въ Троицкомъ Соборѣ, прочитанъ былъ ратификованный уже трактатъ заключеннаго со Швеціею мира, и произнесенъ краснорѣчивымъ Θеофаномъ слово, въ которомъ, исчисливъ великія дѣла Петровы, онъ приглашалъ народъ должною признательностью принесть Царю днь, которая увѣковѣчила бы достопамятный день сей. По окончаніи Слова, Духовенство, Сенатъ и знатнѣйшее Дворянство приблизились къ Петру. Великій Канцлеръ Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, выступивъ впередъ, произнесъ отъ лица всѣхъ государственныхъ чиновъ рѣчь, въ которой именемъ всѣхъ подданныхъ благодарилъ, что «они «Петромъ изъ тмы невѣдѣнія на θеатръ славы

« всего свѣта, и тако рещи изъ небытія въ бы-
« тіе произведены, и въ сообщество политичныхъ
« народовъ присовокуплены, » потомъ молилъ его
принять названія Отца Отечества, Петра Ве-
ликаго, Императора Всероссійскаго, заключивъ
рѣчь свою словами, « Твоя отъ твоихъ, и до-
« стойное достойному воздаемъ! Виватъ! Виватъ!
« Виватъ! Петръ Великій! Отецъ Отечества!
« Императоръ Всероссійскій! »

Едва Сенатъ повторилъ сіи слова, какъ гром-
кія восклицанія народа внутри и внѣ церкви,
звукъ трубъ и литавровъ, барабанный бой, звонъ
колоколовъ, пальба съ крѣпости, Адмиралтей-
ства, 125 галеръ (прибывшихъ подъ командою
Князя Голицына изъ Финляндіи), и бѣглый огонь
29 полковъ, споявшихъ на Троицкой площади,
слились въ одинъ голосъ, въ одинъ звукъ общей,
сердечной благодарности и восторга. — Можно ли
описать, что происходило тогда въ душѣ Пе-
тра! Минута торжественная! Царь достоинъ
былъ ея вполнѣ; — онъ принималъ изъ устъ
современниковъ, изъ устъ народа, тѣ спра-
ведливыя, тѣ непритворныя чувства признатель-
ности, которыми потомство привыкло укра-
шать могилу Великаго!

Когда замолкъ гулъ величественнаго шума се-
го, Императоръ, тронутый до глубины сердца, вы-
ступивъ нѣсколько шаговъ впередъ, сказалъ громко:

« Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо « узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною « и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ.

« Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; « однако же, надѣясь на миръ, не надлежитъ осла- « бѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не « такъ сталось, какъ съ Монархіею Греческою.

« Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ « общемъ, который Богъ намъ предъ очьми кладетъ, « какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ « будетъ народъ. »

Послѣ сего отслужено было молебствіе; по окончаніи чтенія Евангелія произведена вторично пальба; за оною Митрополитъ Рязанскій прочелъ благодарственную молитву при общемъ колѣнопреклоненіи; по выходѣ Императора изъ церкви, народъ привѣтствовалъ его громкими восклицаніями: « Ви- « ватъ! Ура! да здравствуетъ Императоръ! Отецъ « нашъ! » а звукъ трубъ, звонъ колоколовъ и безпрерывная пальба, сливаясь съ восклицаніями сими, провожали Петра сквозь толпы восхищенныхъ подданныхъ, цѣловавшихъ его руки и полы кафтана.

Главные чужестранные свидѣтели торжества были: Французскій Полномочный Министръ Кампредонъ, Его Цесарскаго Величества Римскаго, Кинскій; Прусскій, Баронъ Мардефельдъ; Польскій Лефортъ; *Господь-Статовъ Генералъ соединенныхъ Нидерландовъ*, Резидентъ де Вильде;

*

Датскій Тургольмъ, и Мекленбургскій Остерманъ. Изъ церкви пошли въ Сенатскія палаты, гдѣ приготовленъ былъ столъ на 1000 персонъ; послѣ пышнаго обѣда начались шеатры, а при Дворѣ балъ, сперва танцовали польской, потомъ контръ-дансы; первую пару составляли Императрица и Герцогъ Голстинскій, вторую Цесаревна Анна Петровна съ Княземъ Меньшиковымъ, третью Цесаревна Елисавета Петровна съ Генералъ-Прокуроромъ Ягушинскимъ и ш. д. Народу объявлены милости; освобождены изъ каторги и заключенія арестанты, кромѣ убійцъ, разбойниковъ и святотатцевъ; недоимки на нѣсколько милліоновъ съ 1700 по 1718 прощены, и отпущены вины въ цѣломъ Государствѣ.

Для народа устроено было особое пиршество: на высокомъ помостѣ о 6 ступеняхъ поставленъ былъ жареный быкъ, весь раззолоченный, набитый множествомъ птицъ, а по сторонамъ онаго два фонтана бѣлаго и краснаго вина.

Въ 9 часовъ вечера балъ при Дворѣ кончился, и, по знаку Императрицы, зажгли фейерверкъ, которымъ Государь управлялъ самъ; въ немъ представлялся храмъ Януса съ открытыми вратами, освѣщенный 20.000 разноцвѣтныхъ огней; два воина, одинъ съ гербомъ Россійскимъ на щитѣ своемъ, а другой съ гербомъ Шведскимъ, приближались постепенно къ вратамъ, затворивъ оныя,

они подали другъ другу руку въ знакъ примиренія; тогда раздался звукъ трубъ и около 1000 выстрѣловъ вдругъ. « *Что такой огонь сочинило*, « *что казалось, яко бы валы С.-Петербургскіе и* « *рѣка Нева загорѣлись.* » По правой сторонѣ храма, стоялъ щитъ, изображавшій *Правду*, наступающую на фурій, съ надписью: *всегда побѣдитъ;* налѣво корабль, входящій въ пристань, за нимъ бурное море и надпись « *конецъ дѣло вѣнчалъ.* » За симъ зажжены были пирамиды съ алмазнымъ огнемъ, другія съ швермерами и звѣздами; колеса, фонтаны, водяныя фигуры, потѣшныя ядра и множество ракетъ. За полночь окончился фейерверкъ Его Величество возвратился въ Сенатскія палаты, гдѣ снова принялъ поздравленія « *со обо-* « *шеніемъ другъ до друга покаловъ преизряднаго* « *Токайскаго и иныхъ винъ;* » потомъ танцы продолжались до трехъ часовъ утра.

На заключеніе Нейштадтскаго мира выбиты были золотыя медали (*) различной величины; онѣ розданы послѣ торжественнаго обѣда, о которомъ мы говорили, участвовавшимъ въ ономъ. Точно такими же, только серебряными, медалями награждены были всѣ нижніе чины, служившіе въ войнѣ со Швеціею.

Всѣ сопрудники Петра, въ продолженіе же-

(*) См. описаніе медали въ VI главѣ.

стокой борьбы его съ Швеціею отличившіеся на полѣ брани или дѣйствовавшіе при заключеніи мира, были щедро награждены! Императоръ вспомнилъ службу и подвиги каждаго. Генералъ-Лейтенантъ Бутурлинъ, послѣ несчастнаго дѣла подъ Нарвою впавшій въ плѣнъ и потомъ размѣненный на одного изъ Шведскихъ Генераловъ, произведенъ въ полные Генералы; Вице-Адмиралъ Крюйсъ, отразившій въ 1705-мъ году флотъ Адмирала Анкерстїерна отъ Кронштадта, награжденъ чиномъ Адмирала синяго флага; Капитанъ-Командоръ Сенявинъ, въ чинѣ Поручика отличившійся въ 1708-мъ году, въ дѣйствіяхъ противъ Генерала Любекера, пожалованъ въ Шаубшахты; Уполномоченные на Нейшлотскомъ Конгрессѣ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Графъ Брюсъ и Совѣтникъ Остерманъ, получили денежныя награды, деревни и проч. — Шведскіе Министры, участвовавшіе въ Конгрессѣ, тоже не были забыты Императоромъ.

Послѣ торжества, описаннаго выше, данъ былъ однодневный отдыхъ, а 24-го Октября, всѣ принимавшіе участіе въ предшествовавшихъ маскарадахъ, должны были нарядиться въ свои костюмы и не иначе какъ въ оныхъ ходить по городу. Въ этотъ же день Императоръ давалъ отпускную аудіенцію знаменитому Гангутскому плѣннику, Вице-Адмиралу Эреншильду. Подаривъ ему осыпанный алмазами портретъ свой, Петръ по-

ручилъ Эреншильду, доставить Шведскому Королю рекомендательное о немъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, Государь выражался сими словами: « Мы принуждены ему (Эреншильду) вѣрное, истин- « ное свидѣтельство подать, что онъ при томъ « случаѣ, когда въ полонъ взятъ былъ, такъ хра- « бро и мужественно поступалъ, какъ то отъ « кого ожидать и возжелать было возможно, и онъ « чрезъ то нашу истинну дѣйствительно заслужилъ. »

Подобная похвала не могла быть оставлена безъ вниманія. По возвращеніи Эреншильда въ отечество, Правительство наградило его флагомъ полнаго Адмирала. — 25-го Октября, вечеромъ, не только всѣ Петербургскія зданія, но и стоявшія на рѣкѣ суда были великолѣпно иллюминованы. Въ послѣдовавшіе за симъ два дня былъ опять маскарадъ, а 29-го маскарадъ и большой обѣдъ въ домѣ Сената; симъ заключились въ Сѣверной столицѣ торжества, по поводу Нейштадтскаго мира.

Желая раздѣлить съ древнею Москвою удовольствіе свое, Петръ повелѣлъ дѣлать тамъ разныя приготовленія къ празднеству, заблаговременно отправилъ въ сію столицу оба полка гвардіи, а самъ ожидалъ только перваго саннаго пути, чтобъ со всѣмъ Дворомъ своимъ ѣхать въ мѣста, освященныя воспоминаніями его юношескихъ игръ и *военныхъ потѣхъ*, коихъ слѣдствіемъ было столько дѣлъ великихъ и славныхъ.

Завлеченные описаніемъ одного изъ достопамятнѣйшихъ для Россіи событій, мы не сказали ни слова о постройкахъ, произведенныхъ въ это время въ С.-Петербургѣ. Рука Петра, встрѣчавшаго въ Ригѣ Голстинскаго Герцога, громившаго берега Финляндіи, подписывавшаго послѣднія условія Нейштадскаго мира, продолжала украшать созданный имъ городъ. На Выборгской сторонѣ, нѣсколько выше Морскаго и Сухопутнаго Госпиталя, построенъ былъ первый сахарный заводъ; у впаденія рѣки Охты въ Неву, на мѣстѣ бывшаго Піеншанца и по сторонамъ онаго, начаты деревянные домы для рабочихъ людей, переселенныхъ въ Петербургъ, какъ мы увидимъ въ описаніи слѣдующаго года; за Мойкою выстроены для придворныхъ лошадей и экипажей, каменные конюшни и сараи, съ домами для чиновниковъ и служителей (на самомъ мѣстѣ нынѣшняго Императорскаго Конюшеннаго Двора); довольно красивое главное строеніе, имѣло двое воротъ; надъ одними былъ куполъ и шпицъ, на которомъ стоялъ золоченый литый изъ мѣди конь; надъ другими красиво отдѣланный, рѣзной работы крестъ, подъ которымъ, въ жильѣ верхняго яруса, находилась церковь, во имя Нерукотвореннаго Образа Спас. Подлѣ зданія сего построенъ небольшой отдѣльный домъ для Царскаго великана Буржуа, имѣвшаго росту сажень съ шремя вершками. Буржуа, вывезенный Петромъ

Великимъ въ 1717-мъ году изъ города Кале, былъ родомъ Французъ; онъ женился въ Петербургѣ на весьма малорослой Финляндкѣ, отъ которой имѣлъ одного сына и двухъ дочерей, и состоялъ въ числѣ придворныхъ служителей до самой своей смерти, случившейся скоропостижно въ 1724 году. Тѣло его и разныя части онаго, понынѣ сохраняются въ Кунсткамерѣ Императорской Академіи Наукъ.

Къ сему же году принадлежитъ значительное распространеніе Императорскаго Зимняго Дома, и учрежденіе первой въ Петербургѣ Семинаріи, Вице-Президентомъ Синода, Псковскимъ Архіепископомъ, знаменитымъ витіею своего времени Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Мужъ добродѣтельный и мудрый, Ѳеофанъ, по словамъ современниковъ «исполненный высокаго ученія и сиротамъ отецъ «чадолюбивый», содѣйствуя Петру въ дѣлѣ образованія, употребилъ на основаніе и содержаніе сего полезнаго заведенія значительную часть собственныхъ доходовъ. Петръ часто посѣщалъ Семинарію его, въ которой воспитывались солдатскія сироты и дѣти людей Духовнаго званія.

Императоръ выжидалъ, какъ мы уже сказали, зимняго пути для отъѣзда съ Дворомъ въ Москву, когда Петербургъ испыталъ бѣдствіе, приведшее въ страхъ всѣхъ жителей. Жестокій юго-запад-

ный вѣтръ, дувшій безпрерывно въ продолженіе девяти дней, 5-го Ноября возвысилъ въ Невѣ воду на 7 футовъ 4 дюйма выше обыкновенной; чтобъ дать довольно обстоятельное о наводненіи семъ (*) понятіе, мы приводимъ здѣсь разсказъ очевидца сего происшествія, Каммеръ-Юнкера Голстинскаго Герцога, Бергкольца: «5-го «Ноября около 11 часовъ (говоритъ онъ) отпра-«вился я въ Герцогскій домъ, для слушанія про-«повѣди, но уже засталъ оную почти напсходѣ, «ибо Герцогъ намѣревался ѣхать въ 11 часовъ къ «Графу Кинскому, во всякое же другое время служ-«ба обыкновенно начиналась или ровно въ 11, или «даже въ половинѣ 12 часа. По окончаніи проповѣ-«ди, кто-то вошелъ въ залу съ извѣстіемъ, что «вода быстро прибываетъ. Я тотчасъ оставилъ

(*) Мы говорили о наводненіи 1715 года, но забыли упомянуть о бывшемъ за девять до того лѣтъ (10 Сентября 1706 года): оно продолжалось только три часа, но причинило много вреда; обывательскія строенія находились тогда въ самыхъ низменныхъ частяхъ города и по берегамъ Большой Невы; — вода, проникнувъ въ жилья, попортила все находившееся въ оныхъ; жители не могли имѣть между собою инаго сообщенія, какъ на лодкахъ. Наводненіе сіе было при сильномъ западо-юго-западномъ вѣтрѣ.

«комнату и когда подошелъ къ двери, то весьма «удивился, увидѣвъ, что къ сторонѣ нашего дома, «вода, уже выступившая изъ канала, все болѣе и «болѣе разливалась по лугу (Царицыну). Это встре- «вожило тѣхъ, кои имѣли прежде случай позна- «комиться съ наводненіями, особливо Генералъ- «Маіора Штенфлихта и Полковника Бонде, жив- «шихъ такъ низко, что каждый разъ высокая во- «да разливалась на ихъ дворъ. Ближайшій сосѣдъ «ихъ, Посланникъ Стамке, также подвергался сей «опасности; ибо еще лѣтомъ по двору его нѣ- «сколько разъ можно было ѣздить въ лодкахъ, такъ, «что въ оныхъ доставляли къ нему въ домъ изъ «кухни кушанье. Господа сіи очень желали знать, «что у нихъ дѣлается дома; я пошелъ съ ними, «но вода была уже такъ высока, что мы не мо- «гли попасть на мостъ, который должны были пе- «реходить, и нашлись принужденными воротиться «скорѣе назадъ; я тотчасъ пошелъ къ Каммергеру «Петехейму съ извѣстіемъ о наводненіи; его не «было у проповѣди, и вѣроятно ему пришлось бы «какъ сіе было съ Г. Альфельдомъ просидѣть цѣ- «лый день на чердакѣ; онъ былъ расположенъ ити «ти со двора, но не могъ сего исполнить, ибо во- «да быстро разливалась по улицамъ и проникала въ «домы. Отъ него пошелъ я къ ближайшимъ кана- «ламы, посмотрѣть на увеличивавшееся наводненіе; «въ каналѣ, отдѣляющемъ домъ, занимаемый Гер-

«цогомъ отъ Почтоваго двора, и служащемъ для по-
«мѣщенія малыхъ судовъ, доколѣ въ нихъ нѣтъ надоб-
«ности; я увидѣлъ прекрасную шлюбку, которая
«такъ коротко была привязана, что не могла всплыть
«на верхъ, и потому вся налилась водою. Въ это вре-
«мя старались вытащить изъ канала одного изъ слу-
«жителей Маіора Румянцева: желая спасти лодку сво-
«его господина, также коротко привязанную, онъ не-
«чаянно упалъ въ воду и утонулъ. Это было первое
«печальное зрѣлище, представившееся мнѣ въ сіе бѣд-
«ственное наводненіе; пройдя немного далѣе, я уви-
«дѣлъ опасность, въ какой находилась противополож-
«ная сторона рѣки, гдѣ вода дошла уже до оконъ
«Австеріи, находящейся у берега; между тѣмъ мно-
«жество рѣчныхъ судовъ, оторванныхъ жестокою
«бурею, были носимы бушующими волнами. Не
«льзя было долго останавливаться на этомъ мѣстѣ,
«ибо вода преслѣдовала меня со всѣхъ сторонъ и
«принудила итти къ Герцогскому дому. Къ сча-
«стію, я съ утра надѣлъ сапоги (что дѣлалъ не
«всесьма часто); иначе бы не пришелъ съ сухими
«ногами. У Герцога я засталъ всѣхъ служителей,
«вытаскивающихъ все, что находилось въ погре-
«бахъ, куда вода уже проникала съ чрезвычайною
«силою, и гдѣ чрезъ нѣсколько минутъ оная воз-
«высилась до такой степени, что никто болѣе
«не рѣшался итти туда, опасаясь утонуть; самые
«полы начали подыматься, и какъ всѣ Герцогскіе

«служители помѣщались въ сараяхъ, углубленныхъ «въ землю, то со всѣхъ сторонъ только и были «слышны одни жалобные вопли, тѣмъ болѣе, что «многіе не успѣли спасти свои вещи; не взирая «однако на сіе, Его Королевское Высочество «Герцогъ, велѣлъ запрячь лошадей; по причинѣ «сильной бури онъ не могъ отправиться водою къ «Графу Кинскому, которому далъ слово, хотя ему «представляли, что если и въ хорошую погоду «должно ѣхать по самой дурной дорогѣ, то при «быстромъ возвышеніи воды сіе дѣлалось еще за- «труднительнѣе, да если бы Его Высочеству и «удалось пробраться до Графа, то онъ подвергал- «ся невозможности возвратиться въ тотъ же день «домой, ибо не было и надежды, чтобы вода ско- «ро пошла на убыль, ночевать же у Графа Кинска- «го было бы весьма неудобно, къ тому же причи- «ны были очень достаточны, чтобъ извиниться пе- «редъ Графомъ за непріѣздъ къ нему. Однако всѣ «представленія были напрасны: Герцогъ отвѣчалъ, «что въ случаѣ невозможности проѣхать, онъ «вернется назадъ, и отправился съ Тайнымъ Со- «вѣтникомъ Геспеномъ, Полковникомъ Лорхомъ и «Подполковникомъ Сальдерномъ, въ большой каре- «тѣ, запряженной въ шесть лошадей. — Тайный «Совѣтникъ Бассевичъ оставался дома, въ пред- «положеніи послѣдовать за Герцогомъ при проѣздѣ «Его Высочества мимо его квартиры, что и

«сдѣлалъ, однако имъ скоро пришлось воротиться,
«ибо пріѣхавъ на проспектъ (Невскій), они уви-
«дѣли, что подъемные мосты сорваны, и какъ Гер-
«цогу нельзя уже было проѣхать домой, то онъ,
«вмѣстѣ, съ встрѣтившимся ему Голландскимъ
«Резидентомъ Вильде, остановился у Бассевича,
«въ ожиданіи конца наводненія. Въ это время съ
«супругою Г. Вильде случилось забавное происше-
«ствіе. Когда мужа ея (поѣхавшаго къ Кинскому)
«не было дома, а она сидя одна, смотрѣла на при-
«бывающую воду, въ квартирѣ ихъ упала одна
«изъ перегородокъ. Испуганная симъ Г-жа Вильде,
«воображая, что черезъ нѣсколько минутъ весь
«домъ повалится ей на голову, приказала кучеру
«немедленно подвести одну изъ каретныхъ лоша-
«дей, и спустилась на нее изъ окна. Бассевичъ,
«жившій очень близко, видѣлъ издали эту кар-
«тину, но не имѣлъ возможности хорошенько оную
«разсмотрѣть; Бригадиръ же Ранцау узналъ су-
«пругу Резидента; онъ бросился къ ней, помогъ
«сойти съ лошади и привелъ ее дрожащую отъ
«страха и холода, въ домъ Бассевича, гдѣ она
«тотчасъ переодѣлась. Весело было слушать, какъ
«сія дама на своемъ Голландскомъ языкѣ разсказы-
«вала, какимъ образомъ она рѣшилась покинуть
«домъ, какъ потомъ взлѣзла на лошадь и даже до
«какихъ поръ была въ водѣ! — Между тѣмъ, какъ
«сіе происходило, мы безпокоились о Герцогѣ, уѣ-

«хавшемъ въ половинѣ 12-го часа, когда вода все «еще прибывала; наконецъ получили извѣстіе, что «онъ у Бассевича. Когда вода проникла въ конюш- «ни и должно было опасашься дальнѣйшей ея при- «были (что дѣйспвипгельно и случилось), то мы «изъ боязни, чтобъ какъ остальныя каретныя, «шакъ и три верховыя лошади Герцога не упо- «нули; рѣшились (хотя исполненіе стоило намъ не «мало шруда) ввести ихъ въ покои, и шакимъ обра- «зомъ два изъ оныхъ превращить въ стойла. Изъ «оконъ дома Его Высочества было видно все «происходившее на Невѣ; я не въ силахъ описать, «какъ страшно было смотрѣть на носимыя по «волнамъ суда, частію порожнія, частію съ людь- «ми, подвергавшимися несомнѣнной гибели. — Со «всѣхъ сторонъ плыло столько дровъ, что если- «бы оныя собирашь, то въ продолженіе только «одного дня можно бы было запастись на цѣлую «зиму, что впрочемъ, по всей вѣроятности, мно- «гіе и сдѣлали. На Герцогскомъ дворѣ, самая вы- «сокая вода доходила подъ брюхо лошадей; по ули- «цамъ же почти вездѣ можно было ѣздить въ лод- «кахъ. Вѣтеръ былъ шакъ силенъ, что срывалъ «съ кровель черепицы; одна изъ нихъ упала на «голову нашему мундшенку Сиверсу, стояв- «шему въ дверяхъ у подъѣзда, и если бъ онъ «не имѣлъ на головѣ толстой шапки, конечно уби- «ла бы его до смерти; ударъ однако же былъ шакъ

«силенъ, что сдѣлалъ ему глубокую рану, отъ «чего Сиверсъ упалъ за-мертво. Около двухъ ча- «совъ по полудни, вода пошла на убыль, и въ «три Герцогъ уже могъ возвратиться домой; «ему пришлось проходить чрезъ новоустроенныя «нами конюшни. — Въ осьмомъ часу вечера, я былъ «посланъ во дворецъ, узнать отъ имени Герцога, «возвратился ли Императоръ, который поутру «еще до наводненія также поѣхалъ къ Кинскому, «и о коемъ Императрица въ продолженіе цѣлаго «дня не имѣла ни какого извѣстія, хотя и посыла- «ла для сего трехъ курьеровъ, но одинъ изъ нихъ, «какъ увѣряли, упонулъ на проспектѣ (Невскомъ), «по незнанію, что подъемный мостъ, по которо- «му онъ полагалъ ѣхать, былъ снесенъ. Во двор- «цѣ мнѣ стоило много труда отыскать одного «изъ Нѣмцевъ, который и сказалъ, что Импера- «торъ съ часъ времени пріѣхалъ отъ Кинскаго и «уже легъ въ постель, съ симъ извѣстіемъ я воз- «вратился къ Герцогу.»

День сей, бѣдственный для многихъ жителей Петербурга, былъ предшественникомъ еще новыхъ опасеній — 10 Ноября вода выступила опять, и какъ по пророчеству нѣкоторыхъ простолюдиновъ, ей надлежало достигнуть до той же высоты, на какой была 5 числа; то весь городъ былъ въ величайшемъ страхѣ, однако же все прошло счастливо; ибо вѣтеръ затихъ, ночью оный усилил-

ся снова, и жители снова провели нѣсколько часовъ въ сиракѣ, который еще болѣе увеличился отъ тревоги, произведенной въ городѣ по случаю пожара на Адмиралтейской сторонѣ, и принятой народомъ за сигналъ разлива воды. Въ слѣдующую ночь таже опасность возобновилась, но счастливо миновалась, какъ и наканунѣ; наконецъ, неожиданный жестокій морозъ, обнадежилъ встревоженныхъ жителей, что наводненіе не повторится; 18-го числа стужа усилилась, а 20-го Нева покрылась льдомъ.

Ежегодно при замерзаніи и вскрытіи рѣки, въ царствованіе Петра Великаго, въ Петербургѣ бывала особая церемонія. Первое возвѣщалось жителямъ чрезъ котораго либо изъ придворныхъ шутовъ, барабаннымъ боемъ; онъ же обязанъ былъ прежде всѣхъ перейти по льду, въ какомъ нибудь странномъ нарядѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ несъ холщевое знамя, а прочіе слѣдовали съ лопатами, веревками и крючьями

Вскрытіе Невы возвѣщалось тремя пушечными выстрѣлами съ крѣпости; Царь, а въ его отсутствіе Генералъ-Адмиралъ, или Комендантъ города, первый садился въ лодку и тѣмъ подавалъ сигналъ жителямъ.

Послѣ нѣсколькихъ празднествъ, какъ то: 23-го Ноября въ имянины Князя Меньшикова, 24-го въ тезоименитство Императрицы, 30-го въ день Ан-

дрея Первозваннаго и ассамблей у разныхъ вельможъ, Дворъ 10 Декабря отбылъ въ Москву.

1722 годъ проведенъ былъ Дворомъ частію въ Москвѣ, частію въ походѣ въ Персію; онъ бѣднѣе предшествовавшихъ годовъ предметами для Исторіи Петербурга. Замѣчательнѣйшее обстоятельство есть заселеніе мѣста, нынѣ составляющаго одну изъ частей города, (называемую Охтинскою). На правомъ берегу Большой Невы при самомъ впаденіи въ нее рѣки Охты, Петръ приказалъ еще въ 1721 году (какъ мы уже видѣли) выстроить слободу съ небольшою деревянной церковью во имя Іосифа Древодѣла; названіе сіе дано ей было по той причинѣ, что для заселенія слободы переведены были изъ разныхъ губерній плотники, назначенные къ строенію кораблей и галеръ. Переселенцы числомъ 372 чел., были выбраны Гвардіи Капитаномъ Пырскимъ, въ уѣздахъ Сольвычегодскомъ, Тотемскомъ, Чердынскомъ, Соликамскомъ и Галицкомъ; кромѣ приготовленныхъ для нихъ домовъ и вспаханныхъ уже огородовъ, они получили по три четверти муки и по два рубля деньгами заимообразно, на каждую семью. Въ это же время, на противоположномъ концѣ города, на краѣ Васильевскаго Острова, вдающемся въ Финскій заливъ, началось строеніе Галерной гавани, состоявшей изъ двухъ выходящихъ въ заливъ пло-

тинъ и вырытаго на самомъ островѣ бассейна. Гавани была дана длина въ версту съ половиною, при ширинѣ, достаточной для помѣщенія четырехъ галеръ рядомъ.

Въ послѣдствіи, берега гавани обложены камнемъ и построена близъ оной слобода для служителей галернаго флота. Мѣсто сіе, существующее понынѣ (подъ названіемъ *Галернаго селенія*), едва ли находится не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

1723. — Двадцать первый годъ существованія Петербурга представляетъ для историческаго описанія сей столицы несравненно болѣе предметовъ. Петръ Великій, возвратясь 3-го Марта, первые дни по прибытіи посвятилъ на осмотрѣніе заводовъ, фабрикъ и загородныхъ мѣстъ: Царскаго, Краснаго Села, Стрѣльны, Петергофа, Кронштадта, Котлина, Дубковъ и Сестрорѣцка.

Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ Императоръ получилъ извѣстіе, что содержавшаяся въ Шлиссельбургѣ въ заключеніи сестра его, отъ перваго брака Царя Алексѣя Михайловича, Царевна Марія Алексѣевна, была на одрѣ смерти. Петръ прибылъ къ ней 8-го Марта, и нашелъ ее въ положеніи совершенно безнадежномъ. Она, по древнему Русскому обычаю, окружена была множествомъ духовныхъ лицъ, предлагавшихъ ей, почти полумертвой, разную пищу и питіе. Это увеличивало

страданія отходящей: Петръ немедленно удалилъ всѣхъ лишнихъ. На слѣдующій день Царевна тихо скончалась; тѣло ея, привезенное въ Петербургъ (12 числа), было съ приличными ея сану почестями, предано землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ; при Дворѣ наложенъ былъ глубокій трауръ на шесть дней.

Въ ночи на 20-е Марта возвратился въ Петербургъ изъ Москвы Герцогъ Гольштинскій, а 22-го, въ самый день вскрытія Невы, прибыли въ столицу два родные брата Принцы Гессенъ-Гомбургскіе, старшій 17, а младшій 16 лѣтъ; они, по собственному желанію, были приняты въ Россійскую службу съ чинами Гвардіи Капитановъ и съ содержаніемъ по шести тысячъ рублей въ годъ.

26-го Мая весь Дворъ присутствовалъ при спускѣ 54 хъ-пушечнаго корабля *Архистратигъ Михаилъ*, а 28-го Петербургскіе жители были свидѣтелями торжества, можетъ быть, примѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ, происходившихъ въ Петербургѣ со дня его основанія. Поводомъ къ сооруженію въ Россіи военнаго флота, былъ, какъ вѣроятно всѣмъ извѣстно, небольшой ботъ, подаренный Царю Алексѣю Михайловичу, и въ 1691 мъ году, и нечаянно найденный юнымъ Петромъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ.

Постройка сего бота, совершенно различествовавшаго отъ обыкновенныхъ рѣчныхъ судовъ, упо-

требляющихся тогда въ Россіи, обратила на себя вниманіе юнаго Монарха. Онъ освѣдомился о происхожденіи бота, и узнавъ, что онъ можетъ ходить не только на веслахъ, но и подъ парусами, противъ теченія, даже при непопутномъ вѣтрѣ, изъявилъ желаніе, найти человѣка, который бы умѣлъ управлять ботомъ. Въ слѣдствіе сего отысканъ былъ въ самой Москвѣ Голландскій уроженецъ, Брандтъ, служившій при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ въ качествѣ корабельнаго подмастерья, на фрегатѣ *Орелъ*, построенномъ для защиты Русской торговли на Каспійскомъ морѣ, и въ 1670-мъ году сожженномъ подъ Астраханью извѣстнымъ разбойникомъ Разинымъ. Брандтъ, спасшійся бѣгствомъ съ фрегата, поселился въ Москвѣ, гдѣ прожилъ двадцать лѣтъ въ совершенной бѣдности, содержа себя ремесломъ плотника. Призванный предъ Царя, онъ исправилъ ботъ, поставилъ на ономъ мачту, парусъ, и въ присутствіи Петра, восхищеннаго совершенно для него новымъ зрѣлищемъ, плавалъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Яузѣ. Съ этого времени Брандтъ сдѣлался учителемъ Царя, который скоро привыкъ искусно управлять рулемъ, и посвящалъ свободные часы плаванію по Яузѣ или по озерамъ, лежащимъ близъ Москвы.

Вотъ обстоятельство маловажное, подавшее Петру первую мысль къ учрежденію въ Россіи

флота, который еще при жизни создателя своего, столько содѣйствовалъ къ прославленію, возвеличенію, просвѣщенію и политическому могуществу Россіи.

Нейштадтскій миръ, доставившій неисчислимыя выгоды отечеству, обнаружилъ особенно всю важность услугъ, принесенныхъ въ войнѣ сей флотомъ, бывшимъ по словамъ Петра «рукою Государствъ.»

Украшенный лаврами побѣдъ, титломъ Императора и именованіемъ Великаго, Государь, торжествовавшій, какъ мы уже видѣли, плоды безсмертныхъ трудовъ своихъ, блистательными праздненствами, не ограничился возданіемъ достойныхъ наградъ своимъ сотрудникамъ: онъ хотѣлъ напечатлѣть въ памяти народа исторію его чуднаго возрожденія, онъ хотѣлъ прочно сохранить всѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ необыкновеннымъ событіямъ, совершившимся въ столь короткое время, и ветхій ботикъ, по придцатилѣтнемъ покоѣ, доставленъ былъ, въ слѣдствіе повелѣній Императора, изъ Москвы въ Шлиссель бургъ весною 1723 года.

Читателю извѣстно все, что относится до учрежденія и занятій Невскаго флота; 28-го Мая 1723 года въ 6 часовъ вечера пестрый и длинный рядъ судовъ сего флота, по возможности украшенныхъ для предспоявшаго празднества, явился

на водахъ величественной Невы, по сигналу, данному съ Петропавловской крѣпости пушечными выстрѣлами, и потянулся вверхъ по рѣкѣ, въ ясную, тихую, почти безвѣтренную погоду. Цѣлію плаванія, представлявшаго собою картину чрезвычайно живописную, былъ Александроневскій монастырь, куда ожидали прибытія Императора, отправившагося наканунѣ за ботикомъ въ Шлиссельбургъ. Невскій флотъ провелъ тамъ цѣлыя сутки; на другой день, въ 7 часовъ вечера, когда дано было знать о появленіи Императорской флотиліи, всѣ суда выстроились въ двѣ линіи вдоль береговъ, и когда ботъ, управляемый самимъ Императоромъ, Оберъ-Сарваеромъ Головинымъ, Шаубинахтомъ Синявинымъ и сопровождаемый девяшью галерами и одною яхтою, началъ приближаться къ монастырю, Невскій флотъ, по сигналу своего Адмирала, опустилъ флаги, военная музыка загремѣла на галерахъ, барабаны ударили походъ, и пушечные салюты съ яхты и съ монастырской набережной привѣтствовали появленіе ботика; онъ отвѣчалъ выстрѣлами изъ бывшихъ на немъ трехъ небольшихъ пушекъ, и остановился на ночь подъ стѣнами монастыря, гдѣ остался весь парусный Невскій флотъ.

По выходѣ Императора на берегъ, ему приносимы были поздравленія со счастливымъ прибытіемъ.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, Государь снова сѣлъ въ ботъ, и, сопровождаемый остальными судами поплылъ въ городъ. У мѣста, гдѣ нынѣ находится Смольный монастырь, *Прародитель Русскаго флота*, былъ встрѣченъ Императрицею съ гребнымъ Невскимъ флотомъ, въ сопровожденіи коего онъ шелъ внизъ по рѣкѣ; парусныя же суда, по причинѣ весьма тихаго вѣтра, не успѣвали за нимъ слѣдовать.

Когда процессія поравнялась съ Троицкою пристанью (противъ церкви Св. Троицы), сдѣланъ былъ общій залпъ изъ пушекъ, находившихся въ крѣпости, въ укрѣпленіи, окружавшемъ Адмиралтейство, и на большомъ фрегатѣ, стоявшемъ у Лѣтняго сада, и разцвѣченномъ флагами; расположенные же около церкви два гвардейскіе полка, привѣтствовали его бѣглымъ огнемъ. Съ пристани Императоръ, Императрица, весь Дворъ, знатнѣйшіе сановники Государства и чужеземные Послы, отправились въ Троицкій Соборъ, для слушанія божественной литургіи и молебствія. По окончаніи оныхъ, когда выходъ Императорской фамиліи былъ возвѣщенъ пущенною ракетою, снова раздались пушечные и ружейные выстрѣлы. Изъ церкви Петръ, особы его Дома и вся ихъ свита, отправились къ обѣденному столу, приготовленному въ зданіи Сената. Шумная, непринужденная веселость, царствовала во время обѣда;

первый тостъ былъ провозглашенъ за здравіе Государя; второй въ честь ботика, а третій въ честь *его потомства*, т. е. Русскаго флота. Густыя тучи, обложившія въ это время горизонтъ, воспрепятствовали народному гулянью, которое назначено было въ Лѣтнемъ саду, но къ ночи небо выяснилось, и великолѣпный фейерверкъ, устроенный на Невѣ, на прамахъ, заключилъ торжество достопамятное; ибо оно совершилось въ честь виновника учрежденія Россійскаго флота, въ честь ботика, которому Петръ Великій готовилъ еще блистательнѣйшія почести, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ.

Вскорѣ послѣ сего, ботикъ былъ вставленъ на берегъ, для сохраненія подлѣ Троицкой пристани подъ навѣсомъ, при особомъ карауле; а какъ до свѣдѣнія Государя дошло, что нѣкоторые хозяева судовъ не участвовали въ церемоніи, вовсе не имѣвъ на то важныхъ причинъ, то и было повелѣно: «за такую знатную вину, взыскать по «пятнадцати рублей съ каждаго судна.»

23-го Іюня, при собраніи Двора, спущенъ былъ 36 пушечный фрегатъ *Крюйсенъ*, вмѣстѣ съ рулемъ, что было новостью; ибо руль обыкновенно приставлялся къ кораблю по спущеніи онаго. 27-го день Полтавской побѣды былъ празднованъ, какъ всегда; а въ день тезоименитства Императора, 29-го, спустили на воду еще линѣйный корабль *Лефермъ*,

не новый, но для починокъ, вспащенный изъ воды на стапель, и тамъ исправленный выписаннымъ изъ Франціи корабельнымъ мастеромъ.

Должно замѣтить, что въ теченіе Апрѣля, Мая и Іюня мѣсяцевъ — царствовала постоянно тихая и прекрасная погода; за то не проходило недѣли, въ которую бы не было двухъ, трехъ и болѣе катаній по Невѣ; Невскій флотъ, со времени учрежденія своего, никогда не упражнялся столь много и съ такимъ удовольствіемъ.

Многочисленный корабельный флотъ снаряжался между тѣмъ у Кронштадта къ походу. Кромѣ желанія доставить упражненіе морякамъ своимъ, Петръ Великій, посылая корабли въ Балтійское море, почти къ стѣнамъ Стокгольма, хотѣлъ побудить тамошній Кабинетъ, къ утвержденію Голстинскаго Герцога въ правахъ его на наслѣдованіе Шведскаго престола. Пригласивъ съ собою Герцога, Императоръ отправился 1-го Іюня на ожидавшій его флотъ, гдѣ, въ званіи Адмирала краснаго флага, и подъ именемъ *Петра Михайлова*, принялъ начальство надъ арріергардною эскадрою. На другой день, флотъ, состоявшій изъ 24-хъ линѣйныхъ кораблей и 6-ти фрегатовъ, выступилъ въ море, подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Адмирала Апраксина: онъ заходилъ въ Ревель и въ Рогервикъ (Балтійскій портъ), и прокрейсировавъ нѣсколько времени въ Балтикѣ, возвратился

6-го Августа къ Кронштадту. — Здѣсь Петръ, желая воздать своему ботику еще новыя почести, повелѣлъ доставить оный изъ Петербурга къ 7-му числу, въ сопровожденіи всего Невскаго флота.

Пришедшій съ моря флотъ выпянутъ былъ въ линію на рейдѣ, передъ островомъ Котлинымъ. Главный Начальникъ Апраксинъ командовалъ и среднимъ отдѣленіемъ (кордебаталіею), передовою эскадрою (авангардомъ) продолжалъ командовать самъ Петръ, имѣя свой флагъ на 66 пушечномъ кораблѣ Св. Екатерина, арріергардъ же былъ подчиненъ Адмиралу Гордону. Кромѣ ихъ находились еще при флотѣ Вице-Адмиралъ Вильстеръ и три Контръ-Адмирала: Сенявинъ, Сандерсъ и Дуффусъ. — Почти равное число кораблей и фрегатовъ сего флота составляло остальную половину корабельнаго флота, котораго часть стояла тоже у Кронштадта, а д угая была въ Ревелѣ; до пятнадцати тысячъ матросовъ, болѣе двухъ тысячъ орудій, множество судовъ малаго ранга и весь флотъ Галерный. Вотъ какова была морская сила Петра въ 1723! За 20 лѣтъ назадъ (въ 1703) она состояла изъ двухъ судовъ, взятыхъ въ устьѣ Невы.

Заботясь о почести и встрѣчѣ знаменитаго ботика, Государь между прочими распоряженіями, въ отданномъ по флоту приказѣ, дозволилъ, чтобы въ день торжественной встрѣчи, каждый изъ

*

Флагмановъ (флотскихъ Генераловъ) могъ пить, чье угодно здоровье, при выстрѣлахъ изо всѣхъ орудій, находившихся на его кораблѣ; а каждый Капитанъ, при выстрѣлахъ изъ половиннаго числа; такимъ образомъ флагманскіе корабли могли дѣлать полуторное число выстрѣловъ: за Адмирала и за Капитана.

7-го Августа рано поутру появился отъ стороны Петербурга галіотъ, везшій на себѣ ботикъ, а за нимъ и весь Невскій флотъ. Въ часъ по полудни, онъ вошелъ въ военную гавань при двадцати трехъ выстрѣлахъ съ береговыхъ батарей; галіотъ же остановился въ верстѣ отъ гавани. Между тѣмъ Императоръ, уступивъ командованіе надъ авангардною эскадрою, образователю флота своего, Адмиралу Крюйсу, — самъ принялъ начальство надъ арріегардомъ; вскорѣ прибыла на флотъ Императрица съ другими особами Царскаго Дома. — Три дня сряду вѣтреная, дождливая погода препятствовала торжеству; но въ четвертый (11-го Августа) вѣтеръ стихъ, тучи разсѣялись и солнце въ полномъ блескѣ явилось на чистомъ небѣ. Въ 8 часовъ утра девять красивыхъ шлюбокъ, окрилепныхъ бѣлыми веслами, какъ стая птицъ, полетѣли отъ Генералъ-Адмиральскаго корабля *Гангута*, лежавшаго противъ среднихъ воротъ купеческой гавани, къ галіоту, привезшему ботъ. Впереди всѣхъ,

подъ новымъ шелковымъ кейзеръ-флагомъ ѣхалъ глава флота, Апраксинъ; за нимъ въ рядъ: Адмиралы синяго и краснаго флага, Крюйсъ и *Петръ Михайловъ;* въ слѣдующемъ ряду, подъ бѣлымъ, синимъ и краснымъ флагами, Вице-Адмиралы: Князь Меньшиковъ, Сиверсъ и Гордонъ; а за ними подъ флагами сихъ же цвѣтовъ, Шаубинахты: Сандерсъ, Сенявинъ и Дуффусъ. Когда шлюбки пристали къ галіоту, всѣ Адмиралы взошли на оный для принятія ботика. Въ 10 часовъ былъ сдѣланъ сигналъ о благополучномъ спускѣ онаго на воду: въ эту минуту раздался залпъ изъ полутора тысячъ орудій; море взволновалось, воздухъ потрясся, и густыя облака дыма, непроницаемою пеленою задернули небо и флотъ; только вылетавшее изъ огненныхъ жерлъ пламя разрѣзало и опоясывало золотыми лентами клубы сизаго дыма. Когда вѣтеръ разнесъ и отдѣлилъ ихъ отъ воды, когда стройныя линіи кораблей открылись взорамъ; тогда густая темная туча собралась на небѣ; она медленно подвигалась къ гранитнымъ утесамъ Финляндіи, угрюмымъ верхамъ сопхъ, отдаленное эхо передавало радостный гулъ выстрѣловъ Россійскаго флота, могущественнаго, побѣдоноснаго, встрѣчавшаго ботикъ, которому онъ обязанъ былъ своимъ существованіемъ! Адмиралы поставили на спущенный на воду ботикъ мачту и укрѣпили на кормѣ флагштокъ съ навернутымъ на него штан-

дартомъ. Петръ, уступивъ первое мѣсто Генералъ-Адмиралу Графу Апраксину и Адмиралу Крюйсу, принялъ на себя управленіе рулемъ; Вице-Адмиралы Сиверсъ и Гордонъ и Шаубинахты Сенявинъ и Сандерсъ заступили мѣста гребцовъ. Князь Меньшиковъ исправлялъ должность лоцмана и бросалъ лотъ, а на Оберъ-Квартирмейстера Отто была возложена обязанность канонира, для отвѣтовъ изъ пушекъ ботика на салюты флота. Ботъ, по случаю тихаго и нѣсколько противнаго вѣтра, былъ взятъ флагманскими шлюбками на буксиръ. Когда, приближаясь къ флоту, подняли на немъ штандартъ, снова раздался салютъ изъ всѣхъ орудій Генералъ-Адмиральскаго корабля, а по седьмомъ выстрѣлѣ онаго съ остальныхъ кораблей и фрегатовъ. По прекращеніи пальбы ботикъ сталъ проходить мимо всего флота, и каждый корабль, къ которому онъ приближался, опускалъ предъ нимъ командный флагъ или вымпелъ до самаго низа мачты, салютуя пушка за пушкою; барабаны били между тѣмъ походъ, а матросы, разставленные по борду и реямъ, привѣтствовали *Прародителя флота* троекратнымъ ура! Корабль, отъ котораго ботъ удалялся, поднималъ спущенный флагъ или вымпелъ, и тотчасъ разцвѣчался всѣми своими флагами. Въ продолженіе сего шествія Императоръ уступилъ на нѣкоторое время управленіе рулемъ Генералъ-Адмиралу, а самъ занялъ

мѣсто гребца; когда дозволяло направленіе вѣтра, весла складывали, и ботъ шелъ подъ парусомъ. Обойдя всю линію флота съ обѣихъ сторонъ, ботъ направилъ плаваніе къ военной гавани, гдѣ ожидала его остальная часть флота корабельнаго, также и флоты галерный и Невскій; тамъ приближеніе его было привѣтствовано залпомъ не только съ цѣлаго флота, но и со всѣхъ батарей Кронштадта и Котлина. Въ первомъ часу пополудни ботикъ остановился въ гавани; Императоръ съ Адмиралами вышелъ на берегъ, куда вслѣдъ за нимъ съѣхала Императрица со всѣмъ Дворомъ и приглашенными къ празднеству особами; въ купеческой гавани троекратное ура! съ иностранныхъ кораблей привѣтствовало Высокихъ Посѣтителей.

На берегу у военной гавани, по повелѣнію Государыни и на ея счетъ былъ приготовленъ обѣденный столъ, въ палаткахъ, устроенныхъ изъ корабельныхъ парусовъ. Обѣдъ начался въ шесть часовъ вечера, окончился въ четыре утра; однѣмъ только дамамъ позволено было уѣхать въ полночь. Музыка гремѣла безпрерывно въ продолженіе пиршества, а пушечные заздравные выстрѣлы раздавались съ корабля Св. Екатерина. 13-го поутру ботикъ, получившій отъ Петра наименованіе *Дѣда Русскаго флота*, сопровождаемый всѣми Невскими судами, вышелъ изъ гавани, при громѣ пушекъ съ флота и съ укрѣпленій; онъ на томъ же

галіотъ отвезенъ былъ въ Петербургъ. Не входя въ подробное исчисленіе расходовъ, употребленныхъ на сіе торжество, скажемъ, что одного пороху было истрачено почти на 12 тысячъ рублей; читатель знаетъ, что сумма сія въ то время была весьма значительна; при извѣстной бережливости Петра подобные расходы удивляютъ еще болѣе, но онъ чествовалъ Дѣда своего флота, а съ тѣмъ вмѣстѣ торжествовалъ побѣды сего послѣдняго.

На слѣдующій день Дворъ отправился въ Петергофъ, а 16-го Августа возвратился въ столицу для пріема Персидскаго Посла. Въѣздъ его изъ Шлиссельбурга, куда онъ прибылъ 10-го числа, послѣдовалъ 22-го. Въ десять часовъ утра, тремя пушечными выстрѣлами съ крѣпости и флагами, выкинутыми въ разныхъ частяхъ города, данъ былъ сигналъ Невскому флоту собраться у Троицкой пристани, чтобъ итти къ Невскому монастырю, гдѣ была приготовлена великолѣпная Императорская яхта. Въ полдень Посланникъ сѣлъ на оную; яхта, сопровождаемая множествомъ баржей, буэровъ, вереекъ и другихъ судовъ, поплыла къ городу; когда она поравнялась съ нынѣшнимъ Литейнымъ дворомъ, крѣпость салютовала пушечными выстрѣлами. У Гагаринской пристани Посолъ со свитою (въ числѣ тридцати человѣкъ) вышелъ на берегъ, и между двухъ рядовъ войскъ пошелъ въ назначенный для него домъ бывшаго

Вице-Канцлера Шафирова (*). Императоръ находился самъ *инкогнито* въ числѣ ѣздившихъ на встрѣчу Посланнику.

Въ этотъ же день умеръ Князь-Папа Бутурлинъ; тѣло его похоронено съ большимъ великолѣпіемъ на Сампсоніевскомъ кладбищѣ. Дворъ былъ на погребеніи; предъ выносомъ покойнаго изъ дому, каждый изъ гостей былъ обязанъ, доброю чаркою вина, помянуть «душу Его Святѣйше-«ства» (**). По возвращеніи съ кладбища это было повторено, за продолжительнымъ обѣдомъ — гдѣ Кардиналы умершаго Папы въ особенности усердно поминали его.

Между кончиною и погребеніемъ Князя-Папы, (25-го Августа) Императоръ давалъ Персидскому Послу пріемную аудіенцію, въ большой залѣ Сената, при стеченіи блистательнаго собранія иностранныхъ Принцевъ, Министровъ и знатнѣйшихъ чиновъ Государства.

Петръ вообще не любилъ быть первымъ лицемъ въ торжественныхъ случаяхъ: въ сей разъ онъ ожидалъ Посла съ 11 до 12 часовъ, — по свидѣтельству очевидцевъ, заслуживающихъ вниманіе,

---

(*) За нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ, Шафировъ лишенъ былъ сего достоинства и сосланъ.

(**) Слова современной рукописи.

« *онъ покраснѣлъ*, » когда было донесено о приближеніи Посланника къ пристани, и не прежде рѣшился сѣсть на пріуготовленный тронъ, какъ по вшествіи Посольства въ сосѣдственную комнату. Продолжительная аудіенція и принужденное положеніе Петра, по словамъ очевидцевъ, *безпрестанно бросали его въ потъ и заставляли по временамъ прибѣгать къ табакеркѣ.*

Послѣдствіемъ посольства было заключеніе трактата (12-го Сентября), по которому Персія уступила Россіи пять провинцій своихъ, лежащихъ по берегамъ Каспійскаго моря: Дагестанъ, Ширванъ, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ.

Въ то время, какъ переговоры о сей уступкѣ происходили между Посломъ Шаха, Канцлеромъ Головкинымъ, Тайнымъ Совѣтникомъ Остерманомъ и Степановымъ, въ Петербургѣ дѣлались приготовленія къ большому маскараду; ему надлежало начаться 30-го Августа и продолжаться недѣлю. Поводомъ увеселенія было опять заключеніе Нейштадшскаго мира; доказательство, какъ много Петръ Великій цѣнилъ важность и пользу онаго для Россіи.

Празднество, о коемъ мы говоримъ, было повтореніемъ маскарадовъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ 1720 году; почти тѣ же лица и въ тѣхъ же нарядахъ, раздѣленныя на пятьдесятъ восемь кадрилей, собрались въ назначенный день у пира-

миды четырехъ фрегатовъ. Обойдя кругомъ Троицкой площади, они сѣли на суда гребной флотиліи ожидавшей у пристани; въ это время знаменитый ботикъ былъ спущенъ на воду съ галіота, привезшаго оный изъ Кронштота, и провожаемъ флотиліею до Невскихъ воротъ Петропавловской крѣпости, гдѣ былъ вступленъ на берегъ и порученъ Коменданту *на вѣчное сохраненіе*, какъ памятникъ основанія Русскаго флота.

Флотилія, при барабанномъ боѣ и громѣ музыки, потянулась въ рѣчку Фонтанку, и тамъ пристала у дома Оберъ-Сарваера Головина, гдѣ гости пировали до девяти часовъ вечера; тогда маскарадъ сѣлъ снова на суда, и выѣхавъ на Неву, поднялся до Гагаринской пристани къ дому Князя-Кесаря Ромодановскаго, потомъ спустился къ Галерному двору (*); гулянье сіе продолжалось до полуночи.

Не описывая подробностей сего шестидневнаго карнавала, скажемъ вкратцѣ, что на слѣдующій день сборнымъ мѣстомъ былъ Лѣтній садъ, гдѣ участвовавшіе въ маскарадѣ веселились отъ трехъ часовъ по полудни, до полуночи. 1-го Сентября пировали въ домѣ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина; 2-го на Каменномъ Острову, принадлежавшемъ Графу Головкину; 3-го въ день, озна-

(*) Гдѣ нынѣ Малое Адмиралтейство.

менованный извѣстіемъ о покореніи Русскимъ оружіемъ Персидской крѣпости Баку, маскарадное общество угощаемо было на Васильевскомъ Острову въ саду Князя Меньшикова; 5-го, по окончаніи въ Троицкой церкви молебствія за дарованную побѣду и по спускѣ на Галерномъ дворѣ новой яхты, флотилія прибыла къ Почтовому дому, отъ котораго гости кадрилями отправились въ садъ Императрицы (*), и уже изъ онаго перешли въ Лѣтній садъ, гдѣ сожженъ былъ большой фейерверкъ; въ этотъ разъ гости разстались почти въ два часа по полуночи. 6-го числа, въ послѣдній день маскарада, приглашенные провели половину дня въ загородномъ домѣ Президента Юстицъ-Коллегіи Апраксина, а остальную часть у Князя-Кесаря.

Не прошло пяти недѣль послѣ увеселеній сихъ, какъ Императорскій домъ постигнутъ былъ печалію. Вдовствовавшая Царица Параскевія Ѳеодоровна, изъ роду Салтыковыхъ, скончалась внезапно 13-го Октября. Тѣло усопшей, съ почестями, приличными ея высокому сану, отвезено 22-го числа въ Невскій монастырь, гдѣ предано землѣ въ церкви Благовѣщенія.

(*) Нынѣ садъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Мы не упомянули еще, что въ семъ же мѣсяцѣ 2-го числа, жители Петербургскіе опять были встревожены водою, поднявшеюся до 7 футъ 7 дюймовъ выше обыкновенной.

По части строительной не послѣдовало въ столицѣ въ сіе время ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ заложенія огромнаго каменнаго зданія на Васильевскомъ Острову, для Государственныхъ Коллегій. Зданіе сіе, обширнѣйшее и великолѣпнѣйшее по архитектурѣ изъ всѣхъ построенныхъ въ первое двадцати-пяти лѣтіе Петербурга, существующее понынѣ, свидѣтельствуетъ, какъ быстро возрасталъ, какое гигантское развитіе принималъ городъ, основанный въ 1703 году.

На лѣвомъ берегу Невы, у Гагаринской пристани выстроили постоялые дворы и при нихъ мясной рынокъ; устроеніе сего послѣдняго на Адмиралтейской сторонѣ было необходимо: оно отвратило едва ли не отъ половины населявшихъ столицу неудобства, съ которыми была сопряжена до того времени покупка мяса. Сей предметъ общаго потребленія, продавался только въ рядахъ, построенныхъ въ 1711 году на берегу Малой Невы, противъ слободы Семявинскаго батальона, и въ другихъ, открытыхъ въ 1715 году на Петербургской сторонѣ, подлѣ Мытнаго двора. Удаленіе рынковъ, невыгодное для жителей лѣваго берега Большой Невы, было особенно ощу-

пительно во время бурныхъ погодъ, также при замерзаніи и вскрытіи рѣки

Къ 1723-му году принадлежатъ еще распоряженія о постоянномъ освѣщеніи Петербургскихъ улицъ въ ночное время, и объ учрежденіи непрерывнаго въ лѣтнее время сообщенія между Петербургомъ и Любекомъ, для чего Императоръ опредѣлилъ два небольшіе фрегата.

Мы почитаемъ нелишнимъ сказать, что въ двадцать первомъ году своего существованія, городъ имѣлъ до 580 тысячъ рублей собственнаго дохода за одинъ годъ.

1724. — Наступилъ двадцать второй годъ существованія С.-Петербурга. Читатель достаточно ознакомился съ столицею, и видѣлъ, сколь сильно, сколь благодѣтельно уже было вліяніе ея на Россію. Современники-очевидцы не могли вѣрить, чтобъ этотъ городъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ тогда, въ двадцать два года; чтобъ этотъ городъ, основанный на дикихъ, пустынныхъ берегахъ Невы, затопленныхъ непроходимыми болотами, омраченныхъ лѣсами, гдѣ стопа человѣка не оставила слѣда, охваченныхъ буйнымъ моремъ — былъ созданъ смертнымъ!

Но этотъ смертный былъ Петръ Великій!

Мощный духомъ, тая высокую мысль пересозданія Россіи, онъ ставитъ ногу на берегъ Балтики,

взоръ его падаетъ на безлюдную землю – древнее достояніе Русскихъ . . . . . избрано мѣсто, гдѣ должны совершиться безсмертныя дѣянія.

Здѣсь все должно быть ново, здѣсь все будетъ дѣломъ руки его!

Врагъ съ моря и суши окружаетъ клочекъ земли, нанесенной водою; врагъ сильный, опасный, гордый, воинственный, избалованный побѣдою; флоты и арміи родятся, врагъ будетъ попранъ, побѣда и слава склоняться подъ крылія сѣвернаго орла, и сдѣлаются неразлучными его спутниками. Природа полагаетъ преграды; онѣ будутъ опрокинуты, море отодвинетъ волны свои отъ береговъ, земля покорится и дастъ плодъ. Гранитныя скалы двинутся, измѣнятъ свой видъ, какъ измѣнится порядокъ нравственный, вѣками утвержденный. Лѣса падутъ подъ сѣкирами, какъ падутъ духъ мятежей, буйная строптивость и закоснѣлое невѣжество. Пустыня исчезнетъ, на прахѣ обрушенныхъ предразсудковъ возникнетъ благодатное древо новой жизни; торговля, науки, искусства украсятъ его плодами; оно пуститъ глубокіе корни въ землѣ Русской.

Разсѣется туманъ, вѣками скоплявшій черные клубы; солнце взойдетъ въ полномъ блескѣ; оно освѣтитъ картину силы, величія и стройности, возсѣвшихъ на безобразномъ скопищѣ разбитыхъ, смятыхъ, поверженныхъ въ прахъ противныхъ

началъ, и живительными лучами понесетъ отсюда къ отдаленнымъ краямъ обширной, могущественной Имперіи, благотворный свѣтъ и теплоту благодатную!

Предпріятіе гигантское, превосходящее силы смертнаго; но онъ, носившій на челѣ печать высокаго своего назначенія, хотѣлъ, и такъ было!

Подвигъ совершенъ (*); Петръ, по справедливому выраженію современныхъ писателей «*въ Царскихъ свойствахъ безприкладный Монархъ.*» Пе-

---

(*) Это послужило мыслію заглавной виньетки: Петръ *основатель Петербурга, творецъ величія и славы Россіи.* Бой конченъ, но вѣнчанный воинъ, облеченный порфирою, въ опытной рукѣ еще держитъ мечъ; обнаженное чело доказываетъ, что священная глава его подвержена была всѣмъ опасностямъ. Присутствіе Петра оживило пустыню: подъ стопой его дикій гранитъ принимаетъ правильный видъ, и зелень пробивается сквозь прахъ безплодный. Въ волнахъ клубящагося вдали тумана, на берегу моря, возникаетъ юный городъ; съ нимъ вмѣстѣ восходитъ роскошное свѣтило дня; оно златитъ стройные верхи Византійскаго храма и льетъ отсюда лучи на небосклонъ. Сердцемъ, взоромъ и дланью, Царь-Геній привѣтствуетъ радостный восходъ обѣтованнаго свѣтила надъ юной столицею, милой его сердцу, пересозданной имъ страны; онъ молитъ, да льетъ на нее вѣчно благодатный свѣтъ свой. . . . . .

ресоздавъ Россїю въ нравственномъ, политическомъ и физическомъ ея составѣ, обогативъ ее промышленностію, торговлею, сблизивъ съ Европою, посѣявъ просвѣщеніе, утвердивъ ея неприкосновенность внѣшнюю — мужествомъ и устройствомъ арміи и флота, упрочивъ ея благосостояніе мудрыми законами, — пріуготовалъ родной странѣ геніемъ своимъ пути къ достиженію судебъ завидныхъ, высокихъ!

Съ сего года, казалось, ему надлежало отдыхать отъ трудовъ, и наслаждаться только плодами оныхъ; но сей годъ былъ послѣднимъ жизни Великаго!

Замѣчательнѣйшая изъ построекъ въ 1724 году была каменная Биржа для сходбища купцевъ, у Троицкой пристани близъ первоначальнаго домика Петра Великаго; но важнымъ дѣломъ было положенное Монархомъ основаніе Императорской Академіи Наукъ. Во время послѣдняго путешествія своего за границею, Петръ, по совѣту знаминитаго Лейбница, вознамѣрился учредить сіе святилище Наукъ, для развитія просвѣщенія въ Россіи. Въ Академіи предполагалось образовать наставниковъ; она должна была издавать полезныя книги, рѣшать различные вопросы, относящіеся вообще до Наукъ, сочинять календари, и собирать о Россіи всѣ вообще свѣдѣнія. Для помѣщенія Академіи былъ отданъ домъ, строившійся на Васильевскомъ Острову для Царицы Па-

раскевіи Ѳеодоровны ; ее составляли : Президентъ, двѣнадцать Членовъ, по различнымъ отраслямъ Наукъ (*), Секретарь, Библіотекарь, четыре Переводчика и двѣнадцать воспитанниковъ или студентовъ. Въ званіе Президента Императоръ назначилъ своего Лейбъ-Медика и Архіатера Блюментроста, а на полное, годовое содержаніе Академіи опредѣлилъ 24.912 рублей, изъ таможенныхъ сборовъ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга. Въ Члены были приглашены многіе изъ знаменитыхъ ученостію иностранцевъ; нѣкоторые изъ нихъ долженствовали уже вскорѣ прибыть въ Петербургъ, но судьбы не опредѣлили Петру дожить до открытія Академіи : оно послѣдовало по кончинѣ его. (25-го Декабря 1725-го года.

Болѣзненные припадки, обнаруживавшіеся, можетъ быть, въ слѣдствіе неусыпныхъ трудовъ чрезмѣрно дѣятельнаго Монарха, и чаще и съ большею силою, вынудили его ѣхать въ началѣ Февраля къ Олонецкимъ марціяльнымъ водамъ, гдѣ, во вре-

---

(*) Науки сіи были : Астрономія, Географія, Математика, Исторія и Древности, Естественное и Гражданское Право, Механика и Опытная Физика, Анатомія, Химія, Краснорѣчіе, Изящная Словесность, Практическая Философія и Ученая Исторія.

мя своего леченія, съ 1-го по 15-е Марта, Петръ окончилъ огромное паникадило, выпоченное собственною его рукой изъ кости, и препроводилъ оное въ Петербургъ въ Соборъ Св. Петра и Павла. Въ послѣдствіи оно перенесено было въ комнаты Кунсткамеры, гдѣ сохраняется понынѣ среди другихъ вещей, составлявшихъ собственность Петра Великаго. Съ Олонецкихъ водъ Государь проѣхалъ въ Москву, гдѣ собрался весь Дворъ для торжества Коронаціи Императрицы Екатерины.

Петръ зналъ, что непреклонная твердость духа, пламенная ревность и неутомимое трудолюбіе, были необходимы для того, кто долженствовалъ по немъ наслѣдовать Престолъ. Онъ зналъ, что стезя, постоянными его усиліями проложенная, была еще усѣяна преградами, для отвращенія коихъ требовалась осторожная, но мощная рука, воля сильная, но озаренная свѣтильникомъ глубокаго разума. Смерть похитила у Петра преемниковъ мужескаго пола. Указомъ 15 Ноября 1723 года онъ обнародовалъ намѣреніе короновать Супругу свою «*бывшую помощницею во всѣхъ его дѣлахъ.*» Торжеству надлежало совершиться въ ту же зиму, но болѣзнь, о которой мы упомянули, принудила Государя отложить сіе до слѣдующаго года.

8-го Іюля Петръ прибылъ въ Петербургъ; и-

медленно по пріѣздѣ онъ посѣтилъ загородные дворцы свои, Петергофъ и Дубки, также Кронштадтъ и островъ Котлинъ. 19-го пришелъ обратно изъ Москвы Лейбъ-Гвардіи Преображенскій полкъ, и спущенъ былъ на воду 54 пушечный корабль *Рафаилъ*. Въ день достопамятной Гангутской побѣды спущенъ другой 64-хъ пушечный корабль *Дербентъ*, такъ названный въ память покоренія сего города самимъ Петромъ, а 2-го Августа фрегатъ о 36 пушкахъ.

30-го Августа, въ день заключенія Нейштадтскаго мира, новое торжественное событіе ожидало Петербургскихъ жителей. Послѣ долгихъ военныхъ бурь даровавъ Россіи миръ прочный и славный, желая освятить предъ лицемъ народа землю, его кровью купленную, землю, на коей совершилось столь много великаго, Государь, вознамѣрился перенести изъ Владиміра въ Петербургъ мощи Св. Александра Невскаго, и въ монастырь сего имени, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, за 480 лѣтъ предъ симъ, сей Князь вѣнчался побѣдою, одержанною надъ Шведами.

Въ назначенный день Императорская Фамилія со всѣмъ Дворомъ поѣхала изъ Лѣтняго дворца вверхъ по Невѣ. Петръ находился впереди, на великолѣпно-убранной галерѣ; мощи были встрѣчены за семь верстъ отъ монастыря; ихъ везли на галерѣ же, богато отдѣланной, подъ Импера-

торскимъ флагомъ. Государь, взойдя на оную, тотчасъ принялъ на себя управленіе рулемъ, а кавалеры, его сопровождавшіе, взяли весла и гребли въ продолженіе плаванія до монастыря; рака спущена была на берегъ при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ. Петръ съ знатнѣйшими особами, снявъ съ галеры раку, несъ ее подъ роскошнымъ бархатнымъ балдахиномъ, кисти котораго держали знатнѣйшіе же чины Государства; Духовенство въ полномъ облаченіи встрѣтило ихъ на новомъ мосту, нарочно для сего на Черной рѣчкѣ выстроенномъ; отъ сего мѣста Государь шелъ въ процессіи, между пѣвчими; у Архіерейскаго дома присоединилась Императрица съ Княжнами и Герцогинями Мекленбургскою и Курляндскою. Рака поставлена была, при безчисленномъ стеченіи народа, въ придѣлъ монастыря, того же утра освященный. (Главная церковь и монастырьское зданіе были тогда достроены только до половины.)

Съ сихъ поръ повелѣно впредь торжествовать вдвойнѣ — достопамятный день 30-го Августа и выводить въ оный на воду ботикъ.

Болѣзнь Петра, первоначально обнаруживавшаяся по пріѣздѣ его изъ Персіи, усиливаясь постоянно, въ теченіе лѣта 1724 года, подвергла его чрезвычайнымъ страданіямъ. Блюментростъ, призванный изъ Москвы Докторъ Бидлоа, и Англійскій Операторъ Горнъ не покидали Государя, му-

жественно переносившаго страданія. Въ Сентябрѣ болѣзнь начала слабѣть, и неусыпно-дѣятельный Петръ, едва вставшій съ одра, не внимая совѣтамъ Лейбъ-Медика своего, велѣлъ приготовить яхту, на которой выѣхалъ въ началѣ Октября, для осмотра работъ Ладожскаго канала. Блюменпростъ принужденъ былъ отправиться съ нимъ.

Осмотрѣвъ каналъ, Государь поѣхалъ на Олонецкіе желѣзные заводы, гдѣ выковалъ собственными руками полосу желѣза, вѣсомъ въ три пуда (*); съ заводовъ онъ отправился въ Старую Ладогу, Новгородъ и Старую Русу, гдѣ осматривалъ соловарни; 5-го Ноября прибылъ къ Лахтѣ, и хотѣлъ посѣтить Сестрорѣцкій оружейный заводъ, а оттуда уже ѣхать въ городъ.

Императоръ прибылъ къ Лахтѣ вечеромъ, въ ненастную, бурную погоду. На разстояніи не болѣе версты, онъ увидѣлъ въ морѣ, плывшій изъ Кронштадта боцъ, наполненный пассажирами; тяжелое и вмѣстѣ слабое судно отчаянно боролось съ волнами, и чрезъ нѣсколько минутъ было брошено на мель. Петръ немедленно послалъ на помощь шлюпку, и не спуская глазъ съ мѣста, гдѣ посланные имъ люди тщетно силились спасти судно съ мели, съ прискорбіемъ замѣтилъ, что

(*) Сія полоса хранится въ Кунсткамерѣ.

многіе изъ пассажировъ были отбиты и унесены волнами. Государь не могъ долѣе оставаться зрителемъ сего бѣдствія; онъ бросился въ шлюпку и самъ поплылъ къ боту. Отмель препятствовала близко подъѣхать къ судну; Петръ выскочилъ изъ шлюпки и по поясъ въ водѣ, дошелъ до мѣста, гдѣ собственными руками то спасалъ утопавшихъ, то помогалъ стаскивать съ мели ботъ.

Этотъ человѣколюбивый поступокъ Монарха возродилъ, усилилъ его болѣзнь, и былъ единственною причиною преждевременной его кончины. Возвратясь въ Петербургъ, Государь почувствовалъ себя чрезвычайно разстроеннымъ, и принужденъ былъ лечь въ постель.

Обрученіе Герцога Голстинскаго (*) назначено было 24-го числа, ибо къ сему времени Петръ получилъ нѣкоторое облегченіе.

Когда всѣ приглашенные къ торжеству собрались, Герцогъ съ Дворомъ своимъ, въ сопровожденіи сорока ливрейныхъ служителей съ зажженными факелами, прибылъ во дворецъ въ 5 часовъ по полудни. Онъ былъ принятъ Ихъ Величествами какъ сынъ, и обрученіе немедленно совершено было Архіепископомъ Новгородскимъ. По окончаніи обряда, невѣста, по желанію Петра, по древнему Русскому обычаю, поднесла всѣмъ по кубку вина,

(*) Смотр. стр. 202 сей части.

Центральная В. Морская Библиотека РКВМФ СССР

потомъ зажженъ былъ фейерверкъ, за которымъ послѣдовалъ балъ, а въ заключеніе торжества великолѣпный ужинъ.

Увеселенія, бывшія при Дворѣ по сему случаю, продолжались четырнадцать дней сряду, но и въ шумѣ пиршествъ, казалось, тайная грусть невольно прокрадывалась въ богатыя залы и омрачала лица пировавшихъ предчувствіемъ чего-то страшнаго. Народъ унылъ ... Болѣзнь Государя по временамъ обнаруживалась, съ признаками, устрашавшими врачей.

Петръ, сильный, терпѣливый, бодрый духомъ, видя опасность, не хотѣлъ терять ни одной изъ минутъ земнаго бытія, дарованнаго ему судьбою для счастія подданныхъ. Усугубляя труды свои на пользу Россіи, онъ занимался съ утра до поздней ночи; — часто и долго бесѣдовалъ съ Сенатомъ и главнѣйшими сановниками государственными, и какъ заботливый отецъ направлялъ стопы дѣтей своихъ на путь правды и добродѣтели. Въ эти трогательныя минуты сердечныхъ изліяній, онъ съ глубокимъ чувствомъ и свойственною ему силою слова, сообщалъ имъ высокія поученія; со слезами увѣщевалъ: «сохранять «свято и неприкосновенно достоинство отече- «ства, пещись о пользахъ народа, и устроивать «все ко благу онаго, по планамъ, имъ предначер- «таннымъ; блюсти справедливость выше всего;

« не жалѣть трудовъ, силъ и достоянія, и не вѣ-
« ряясь безпечности, во дни мира находиться въ
« готовности къ войнѣ, по смерти его вспыхнуть
« могущей. »

То присутствуя въ Сенатѣ, то издавая Указы для приведенія въ совершеннѣйшее устройство всѣхъ частей Государственнаго Управленія; то умножая училища, то усиливая способы образованія, Петръ, какъ добрый семьянинъ, приводитъ въ порядокъ дѣла свои, дѣла обширной, пересозданной имъ Россіи.

1725. — Въ первый день Новаго года Государь, по обыкновенію, слушалъ въ соборномъ храмѣ Св. Троицы божественную службу и проповѣдь, говоренную Θеофаномъ.

Желая объяснить вопросъ, оставшійся еще нерѣшеннымъ: соединяется ли Азія съ Америкою? Петръ въ началѣ сего года учредилъ особую экспедицію подъ названіемъ Камчатской, поручивъ начальство надъ оною флота Капитану Берингу, и вручивъ ему инструкцію, собственною своею рукой написанную; словомъ, онъ занимался постоянно.

Между тѣмъ болѣзнь возрастала, и 16-го числа обнаружила уже всю смертоносную свою силу. Всѣ Медики, находившіеся въ Петербургѣ, были созваны; но что можетъ слабое искусство смертныхъ, въ минуты неотразимо свыше-опредѣленныя?

Сердцу Русскаго тягостны воспоминанія горестнаго сего событія. Страданія Петра были ужасны: мужественный, сильный и терпѣливый до невѣроятія, привыкшій побѣждать Природу, онъ немогъ переносить мученій. «Смотрите», говорилъ онъ въ крапкія минуты отдыха, слабымъ голосомъ, особамъ окружавшимъ его, «изъ меня можно «познать, какое бѣдное животное есть человѣкъ «смертный.»

По желанію больнаго, подвижная церковь поставлена была близъ его спальни. 22-го числа онъ исповѣдался и пріобщился Св. Евхаристіи. 26 число было тягостнѣе предшествовавшихъ. Знатнѣйшіе чины Государства, Дворъ, Духовенство и военные, всѣ уныло собрались во дворцѣ; народъ толпами безмолвно размѣстился въ улицахъ, окружавшихъ оный; такъ проходили дни и ночи; боязнь и печаль были общія, но и въ послѣднія минуты, никто, казалось, не вѣрилъ, что Петръ Великій можетъ умереть; ожидали, требовали чуда.

Нельзя описать той горести, какою поражена была Императорская Фамилія и въ особенности Императрица. 26-го Петръ имѣлъ еще силу подписать нѣсколько Указовъ. 27-го, во второмъ часу по полудни, онъ началъ ослабѣвать чрезвычайно; хотѣлъ писать, но перо выпало изъ руки, начертавъ только: «*отдайте все....*» — Архіерей Псков-

ской и Тверской были призваны. Засохшія уста страдальца, слушавшаго поученія ихъ, по временамъ произносили: *сіе только услаждаетъ меня и утоляетъ мою жажду; вѣрую, уповаю*, повторялъ Петръ нѣсколько разъ, и на смертномъ одрѣ, томимый мукою, — ласковымъ взоромъ, съ любовію привѣтствовалъ еще каждаго входившаго въ комнату. Онъ велѣлъ призвать Цесаревну Анну Петровну, и хотѣлъ сказать ей, что писать; но въ то время, какъ она подошла, онъ не могъ уже говорить болѣе.

Безъ языка, безъ движенія въ лѣвой сторонѣ, пораженной параличемъ, 15 часовъ необычайно твердая природа и крѣпость тѣла, соразмѣрная крѣпости духа, боролись въ немъ со смертію. Причастясь вторично, по желанію своему, Петръ успокоился; съ сей минуты онъ жадно слушалъ глаголы духовниковъ, припавшихъ къ изголовью страдальческаго его ложа, и возводя очи къ небу, по временамъ слабо приподнималъ правую руку. 28-го числа, въ первой четверти шестаго часа по полуночи, съ чистою улыбкой праведника, преклонивъ главу, Петръ остался тихъ и недвижимъ.

Погасъ свѣтильникъ Россіи! не стало Петра! человѣчество лишилось Великаго.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Мысль заглавной виньетки приложенной къ сей части изъяснена на стр. 252-й.

На заглавномъ листѣ находится очеркъ медали, выбитой на заложеніе Санктпетербурга.

Рисунки прочихъ медалей, о которыхъ упомянуто въ Исторіи Санктпетербурга, будутъ выданы особою тетрадкою.

Вслѣдъ за симъ появятся первыя тетради видовъ. Вторая часть *Панорамы*, выйдетъ изъ печати въ концѣ Января.

ПОГРѢШНОСТИ.

		Напеч.	*Читай.*
стр.	*стро.*		
24	19	Шириною въ восемь, длиною въ три сажени.	длиною въ восемь шириною въ три сажени.
55	20	Къ правому берегу,	Къ лѣвому берегу.
56	5	правой стороны	лѣвой стороны.
56	17	на правый берегъ	на лѣвый берегъ.

1703

1834

20

М.2
2
П
16
1.